

ЭКОЛОГИЯ ДУШИ

**ЭКОЛОГИЯ
ДУШИ**

Литературная критика, эссе, рассказы, стихотворения на основе творчества
Александра Станиславовича Малиновского

Литературная критика, эссе, рассказы,
стихотворения на основе творчества
Александра Станиславовича Малиновского

Совет ректоров высших учебных заведений
Самарской области

ФГБОУ ВО Самарский государственный
технический университет

Самарская областная писательская организация

ЭКОЛОГИЯ ДУШИ

*Литературная критика,
эссе, рассказы, стихотворения
на основе творческого наследия
Александра Станиславовича
Малиновского*

Самара
2024

Э 40 Экология души: Литературный сборник. — Самара: Самарская областная писательская организация, 2024. — 224 с.

Сборник «Экология души» составили литературоведческие работы и художественные произведения лауреатов и участников всероссийского литературного конкурса «Экология души» 2023 года, организованного Самарским государственным техническим университетом, Советом ректоров высших учебных заведений Самарской области и Самарской областной писательской организацией Союза писателей России. Конкурс инициирован в связи с 80-летием писателя Александра Станиславовича Малиновского.

Основопологающей целью Конкурса является развитие традиций русской литературы, направленных на воспитание в человеке духовно-нравственного отношения к окружающему миру, в том числе и к самому человеку на основе творческого наследия Александра Станиславовича Малиновского.

Организаторы Конкурса считают, что экология души в глобальном контексте — необходимое условие сохранения цивилизации и сбережения планеты Земля как общего дома человечества. В современном российском обществе экология души — это основа воспитания личности не только высококультурного и образованного человека, но и гражданина, глубоко знающего и высоко ценящего лучшие традиции своего народа, бережно и уважительно относящегося к своим истокам, к родной природе, «малой» и «большой» родине.

Всероссийский литературный конкурс «Экология души» проводится ежегодно. Актуальная информация о Конкурсе размещается на сайте mcenter@samgtu.ru в разделе «Конкурс».

Николай Иванов

г. Москва,

Председатель Правления Союза писателей России

В добрый путь

Вступительное слово

В последнее время в России всё больше проводится литературных конкурсов, фестивалей, семинаров, и это говорит о возрождении интереса к русской литературе.

Отрадно, что чаще всего такие литературные конкурсы носят имя известных писателей, внёсших заметный вклад в русскую литературу. Это очень важно, потому что таким образом мы не просто вспоминаем заслуженных людей, а вовлекаем участников литера-

турных мероприятий в традиции русской литературы, которую и создавали писатели, чьи имена теперь снова звучат на всю страну.

Ещё один немаловажный факт заключается в том, что такие мероприятия в основном проходят в регионах, а это говорит о том, что идёт глубинный процесс в культурной жизни всей страны, и сила его велика, и нарастает с каждым годом.

Мы вспоминаем, кто мы, откуда, и в чём наше призвание, если хотите, миссия в мире. Эта связь поколений и укрепление русской традиции за счёт новых талантливых авторов, может, и есть самое ценное, что происходит сейчас в литературном процессе России.

И конечно же всероссийский литературный конкурс «Экология души», основанный на творческом наследии замечательного русского писателя Александра Малиновского, прекрасное тому подтверждение.

Я был знаком с Александром Станиславовичем, и у меня остались самые тёплые воспоминания от общения с ним. Это действительно уникальная личность. Ведь он не только писал добрые, светлые книги, но и был известным инженером — руководителем крупнейших нефтехимических предприятий страны, учёным-профессором, преподававшим как раз экологию в Самарском политехническом университете. Как в нём всё это совмещалось?! Но вот рождает наша земля таких людей. И они для нас не просто жизненные маяки — эти люди обозначают пространство русской культуры. И радуется, что всё больше и больше молодых писателей стремится в это пространство русской культуры, чтобы служить ей.

Тематика конкурса «Экология души» как нельзя лучше отражает творчество и жизненный путь Александра Малиновского. Сегодня много говорят о загрязнении человеком окружающей среды, собственно, этим и занимается наука «экология». Но ведь всё идёт от челове-

ка. Каков он — такова и среда, складывающаяся вокруг него. И противостояние загрязнению природы надо начинать с борьбы за чистоту самого человека. Это отлично подмечено организаторами конкурса. И пусть первый конкурс не столь многочисленен, хотя работы поступали со всей России — от Сибири до Донбасса, но ведь это только начало. И начало весьма достойное, по крайней мере, об этом говорят произведения, представленные в этой книге. И я уверен, что конкурс «Экология души» будет продолжен. Конкурс с такой тематикой просто необходим нашему обществу именно сегодня, чтобы строить наше Отечество на традициях великого русского народа и его культуры.

**Председатель жюри
Всероссийского литературного конкурса
«Экология души»
Николай Фёдорович Иванов**

Александр Громов

*г. Самара,
Председатель Правления
Самарской областной писательской организации*

Блаженны чистые сердцем

Размышления о литературе

Организаторы конкурса предложили весьма замечательную тему, ибо мы много говорим об экологии окружающего мира, в частности о природе, промышленности, теперь вот ещё об электронике, но совсем не говорим о человеке. То есть мы говорим всё время о внешних факторах, но игнорируем в общем-то главное — внутреннее

состояние самого человека, от которого во многом и зависит окружающее бытие. Известна формула, которую приписывают Серафиму Саровскому: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи» (хотя самому спастись невозможно: спасает только Бог, а Серафим Саровский говорил: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя тысячи спасутся»), — ну, видимо, «спасись сам» подразумевает: «Иди к Богу», — и за тобой пойдут тысячи. Тут важно, что, если человек не стремится к своему спасению, то вокруг него образуется гибельная ситуация. И вот, например, человек видит, что всё вокруг него плохо, и решает бросить всё и перебраться куда-нибудь в другое место. Перебирается и через какое-то время обнаруживает, что вокруг него образуется то же самое окружение, что было на прошлом месте: те же люди, только с другими именами, те же ситуации... А потому что человек не изменился сам, потому и невозможны изменения в окружающем мире. И вот когда масса спасающихся в мире достигает некоей критической отметки, начинаются конфликты, которые вроде случаются на частном уровне, но затем перерастают в мировые трагедии. Причём это не только войны, захлестнувшие в последнее время планету, но и природные катаклизмы. Природа чутко отзывается на то, что происходит с человеком. Ибо «вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. 8:22).

Так вот пора говорить об экологии души, ибо что есть «экология»? Ну, вообще-то это учение о доме, так как происходит от др.-греч. οἶκος — жилище (дом), местопребывание и λόγος — учение, слово. Но вот уже в наше время «дом» воспринимается как вся планета, потому что мы узнали, насколько тесен наш мир, насколько всё близко и насколько всё связано друг с другом, как катаклизмы где-нибудь в Америке влияют на атмосферу в Европе или то, что происходит где-то в центре Тихого океана, отзывается во всём мире. Весь мир — наш дом, но как один человек может спасти мир? Нет, супергерои американских

боевиков — это всё сказки для успокоения или, точнее, усыпления того же человечества: вот, мол, придёт супергерой и всех спасёт. И эти сказки, надо признать, добились своего эффекта: в супергероя сейчас верят, пожалуй, больше, чем в Бога. По крайней мере, на стадионы ходит в тысячи раз больше народу, чем на Литургию. Ничего не меняется... В сказки вообще легче верить, чем в Бога, хотя изначально ни один народ, ни одно племя не существовал без того, что не верили в Высшие силы. Дальше развитие того или иного народа шло своим особенным путём, но в основании любого народа, в его мироощущении, его самопознании оставалась вера в Высшие силы. И пока эта вера занимала ведущее место в мироощущении народа — он жил на земле, рос, развивался, как только эта вера таяла, замусоривалась земными делами и заботами, жизнь народа приходила в упадок, а иногда народ и вовсе прекращал своё существование.

Но опять же: что может один человек? И тут мы возвращаемся к вроде не совсем верной и в то же время весьма актуальной формуле: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи», — не забывая, конечно, при этом, что спасает только Бог, а мы только можем молить Его и идти к Нему.

А как сегодня понимается термин «экология», что в него вкладывается нашим сознанием? Наверное, если опросить население, то большинство ответит, что экология — это, в первую очередь, чистота. Чистота окружающего мира. Или его незагрязнённость. Отсюда получается, что «экология души» — это чистота души и её незагрязнённость. А что это в отношении души? Это — безгрешность. Грех загрязняет и омрачает душу. А как прожить без греха? И тут Христос отвечает: «...не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя (Матф. 19:18)». Ну, казалось бы, всё понятно, что ещё?

Мне кажется, что, повторяя эту заповедь, мы упускаем один важный момент: Господь обращается лично к каждому человеку: ты не убивай, ты не кради... Не за другими следи, а за собой. Начини с себя. Ты начинай, ты вставай на путь спасения, а там, глядишь, и другие подтянутся...

А как?

И вот тут после этого длинного и немножко занудного (потому что в общем-то ничего нового не сказано) вступления я обращаюсь к творчеству Александра Станиславовича Малиновского, потому что в каждом своём произведении (я подчёркиваю — в каждом!) он именно начинает с себя. Скажу уж ещё одну банальность: во всякой хорошей книге мы всегда чувствуем автора, книга — это вообще диалог с автором, если этот диалог состоялся, то книга действительно хороша. Но диалог можно вести только с личностью, обезличенная книга, где не слышно голоса автора, может вызывать какие-то внешние эмоции, но она не задевает внутреннего человека, его душу, а потому такая книга как плацебо, вещество без каких-либо спасительных свойств, используемое для имитации. И как же трудно бывает заставить (именно заставить) работать себя духовно! Поэтому многие и предпочитают имитацию жизни в книгах, некую виртуальную реальность, чем саму жизнь. У Малиновского как раз реальная жизнь и человек со всеми его внутренними переживаниями и становлениями во всех книгах являются главным действующим героем. Я попробую показать это на примере повести «В плену светоносном». Повторю, можно взять любое произведение Малиновского, но мне кажется, что именно в повести «В плену светоносном» то, о чём мне хочется сказать, представлено наиболее явно.

Начинается повесть с того, что автор едет со своим едва оправившемся от болезни братом на любимое с детства место — озеро Латинское. Наловили там сорожки и краснопёрки и отправились ещё на одно любимое место —

Ледянку, «место на реке (имеется в виду река Самарка — А.Г.), где когда-то был большой каменистый мыс».

И тут... вдруг... О! это великое «вдруг» в русской литературе! Сколько неожиданных поворотов в судьбах литературных героев происходило под это «вдруг». Но в том-то и штука, что в жизни вдруг ничего не бывает. Мы порой взахлёб рассказываем про чудеса, случающиеся с нами, про то, как случилось нечто и всё перевернулось, но ничего случайно в мире не происходит, мы просто не умеем видеть за этим «вдруг» цепь событий, которые копили некую силу, энергию, которая, достигнув критической массы, и произвела это «вдруг».

Тут я вынужден сделать отступление от повести Малиновского. Хотя нет, я же продолжаю говорить о литературе.

Так вот. Мы изначально обращаем внимание на видимую часть произведения, то есть то, что показывает нам автор: ну, в данном случае, в повести Малиновского это оправляющийся после болезни брат, автор, его друг, наловившие рыбы и делающие на берегу речки уху. «Вдруг» мимо них проплывают два мужика в резиновых лодках, и троица (тоже ведь неслучайно вырвалось) зовёт их присоединиться к трапезе. Те подплывают. И выясняется, что один из приставших мужиков слепой, а другой — глухой. И проплыли они от истоков Самарки уже четыреста километров. Вот в общем-то и завязка повести. Это то, что мы видим. Это внешнее, сюжет, приключение, то же «вдруг», которым автор обычно привлекает читателя, и в общем-то мастеровитый автор может удерживать на этих внешних факторах читателя на протяжении всего произведения. Более того, по удивительному замечанию одного из наших чудесных писателей Евгения Лазарева, «вещь, написанная хорошим русским языком, не может быть скучной». Это действительно так: сам русский язык может увлечь и доставлять удовольствие читателю.

Но в любом хорошем (подчёркиваю — хорошем) произведении, да, наверное, вообще в том, что можно называть литературой, всегда присутствует невидимое, которое передаётся непостижимым образом. Для меня это тайна и пусть, по крайней мере, для меня это тайной и останется, потому что, если начинать ковыряться в тайне, она таковой в конце концов быть перестанет. Как это невидимое передаётся от автора к читателю? Кто называет это интонацией, кто — талантом, кто — душевным совпадением, кто — общностью взглядов, кто говорит, что Бог открывает, кому хочет открыть. В общем, мнения тут разные, но то, что это невидимое присутствует, — факт, без которого, собственно, и литературы бы не было. И чем сильнее это невидимое начинает действовать в произведении, тем рельефнее становится видимое, и мы вольно-невольно (ну, конечно, в силу нашей способности чувствовать, улавливать невидимое) начинаем это невидимое ощущать. Более того, невидимое начинает проступать сквозь видимое всё ярнее, оно буквально прорывается и уже становится видимым, и занимает место того первоначально видимого, что представлялось в начале произведения и, скорее всего, будет представляться и дальше. Но оно уже не является ведущим, главным становится то невидимое, что проступает и читается сквозь внешнюю оболочку.

Это как с иконой. Мы можем получать эстетическое удовольствие, глядя на неё. Хотя в общем-то всё написано по известным канонам и с художественной точки зрения достаточно примитивно. Но чем глубже и глубже мы всматриваемся в икону, тем более проступает для чуткого взгляда то, что стоит за рисунком, проступает Образ, который невидим обыденным взглядом, мы встречаем взгляд, обращённый к нам. Живой взгляд. И когда наши взгляды встречаются, это и становится откровением для каждого, кто смог увидеть невидимое.

Кстати, то же самое относительно сюжета (или приключения) касается и языка, благодаря которому можно написать, как было сказано выше, «нескучную вещь». За внешним проявлением языка всегда стоит первооснова, которая тоже проступает сквозь обыденную речь, но, заметьте, как иногда бывает приятно разговаривать с собеседником и буквально услаждаться его речью, и порой как режет речь иных соотечественников. Я уж про мат не говорю: это уже и не человеческий язык вовсе. Невидимое проявляется и в том, как мы говорим. И слышим, конечно, ибо «вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10:17).

Мне кажется, что к такому откровению должен стремиться автор. Но для того, чтобы это невидимое передавалось читателю, в нём самом это невидимое должно присутствовать, потому что нельзя передать то, чего у тебя нет. Этим, кстати, и отличаются мастеровито написанные книги от действительно талантливых. Более того, мастеровито написанные книги чаще более массовы и премиальны, потому что они просты и доступны для поверхностного понимания, с ними не надо напрягаться духовно, не надо разглядывать то, что видеть не комфортно. Потому что невидимое всегда взрывает обычное течение жизни и этого комфорта лишает.

Так вот вернёмся на Ледянку. От чего «вдруг» взорвалось течение жизни автора и ему захотелось быть вместе со слепым и глухим.

Заметьте, как часто в самом начале повести вспоминается детство. Три человека едут на место, любимое с детства, автор вспоминает, как часто бывал здесь, ему вспоминается рассказ мамы о том, «как отчим и она, взяв меня на руки, ушли из дома, не стерпев поправок отчимо-вой матери, которая никак не могла смириться с тем, что сын, вернувшийся с войны, привёл в дом жену с чужим ребёнком. Им негде было жить, негде ночевать. И они пришли сюда, на Самарку».

И тут же сквозь это возвращение к детству поступает: «будьте как дети» (Матф. 18:2). А что такое «будьте как дети»? Это отнюдь не значит, что мы должны стать беспомощными, писающимися младенцами, а то, что мы должны обрести детское восприятие мира, когда узнаёшь постоянно новое, удивляешься и радуешься этим открытиям. Сколько радости было в детстве! Потому мы и вспоминаем его как самую светлую часть нашей жизни. И вот эта заданная, как камертоном, тональность радости и удивления будет с читателем на протяжении всей книги.

Ну, плывут мимо двое на резиновых лодках. Ну, как поступил бы нынче обычный человек: плывут и плывут, мне-то какое дело. Но троица с берега начинает звать их: «Эге-ге... ге... эй, станишники! Плывите к нашему шалашу». Чтобы чудо состоялось, его надо позвать, надо уметь быть гостеприимным даже для чуда. Чудеса приходят к тем, кто их зовёт. А если не зовёт? Тогда зачем к нему идти?

Помните, как Христос сподобился Луке и Клеопе в Эммаус и был для них невидим, и, только когда они пригласили Его остаться с ними и разделить трапезу, то есть проявили то самое гостеприимство, Он стал видим для них, и они узнали Его.

Чудо надо звать. И быть готовым к нему.

Итак, слепой и глухой подплывают к берегу (о реке и берегу чуть позже), присоединяются к трапезе, начинается разговор. И тут у автора появляются упрёки к самому себе. Что тоже важно: не к миру, как часто мы делаем, мол, мир несправедлив к нам, сколько там всякой неправды и лжи, а именно к себе.

«Что же это такое? — думал я. — Я с детства об этом мечтал (имеется в виду добраться до истоков реки Самарка — А.Г.) и до сих пор не сумел сделать этого, а он уже сплавал более десятка раз! Наша река дала название огромному, теперь миллионному городу! Сколько раз в

день мы, жители этого города, так или иначе повторяем светлое имя: «Самара». А много ли знаем о ней?»

И автор решается на будущий год плыть с инвалидами от истоков Самарки до её впадения в Волгу.

Кстати, то, что автора будут окружать «слепые и глухие», как сказано в повести, «инвалиды первой группы», тоже для произведения имеет значение. Ведь можно было бы сколотить команду здоровых и крепких людей, но здесь именно немощные люди. С нашей, обыденной, точкой зрения. А настоящая сила, как сказал Господь, «совершается в немощи... ибо, когда я немощен, тогда силен» (2Кор. 12:9, 10).

Итак, через год автор и четыре товарища-инвалида отправились к истокам Самарки.

Тут всё важно: и то, что чудо открытия истока готовилось, и то, что автор оказался среди инвалидов, и то, что отправились к истокам. Потому что именно исток первоначально чист. Он даёт начало реке. А что такое река, если, конечно, вчитываться в повесть Малиновского? А у него река предстаёт как течение самой жизни. Именно так. Начинается в общем-то с ничего. Потому что никому никогда не будет понятно, как и почему именно в этом месте забил родничок, который вырастет в большую реку, окормляющую огромные земли, как никогда никто не объяснит, почему именно в такой-то момент произошло зачатие нового человека, ни вчера, ни завтра, а вот именно сейчас. Начало — это тоже чудо. И присутствуя при зарождении чего бы то ни было, нельзя не испытывать ощущения присутствия в мире Высшей силы, которая только и знает, почему именно здесь и сейчас должен пробиться родник.

Вот как описывает Малиновский первый привал.

«Песня цветов чудесным образом была разлита вокруг нас, и тихий восторг переполнял душу.

Вокруг, словно в далёком детстве, искрился мир, полный новизны открытий, света и теплоты... Не хватало

рядом только деда, мамы, сестрёнок... И ещё я всё искал глазами где-либо свои особо любимые цветы — жёлтенькие, беленькие, фиолетовые колокольчики. Но этих милых спутников моего детства не было. Не их время: лето уже в разгаре.

Мой спутник опускается в благоухающее царство, стоит на коленях. Над ним, около него порхают разноцветные бабочки.

— На, — протягивает мне фотоаппарат. — Щёлкни пару раз, пожалуйста.

Он сидит в траве, похожий на большую, древнюю, давно исчезнувшую птицу и вот в этой сказке вновь обьившуюся, и удивляется тому, что всё реально, как раньше. Всё как в былом. И нету этому миру и этому цветению конца и края. Всё вечно и остаётся навсегда. Нас не будет, наших потомков не будет, а это чудо — степь-матушка русская будет вечно!

А может ли так думать человек-птица, сидящая перед мною в этом райском уголке?

— Может, может, — говорю вслух, и Константин глядит на меня, недоумевая: я говорю сам с собой в этом благоуханьи воздуха и света.

Пожалуй, впервые тогда, как нигде, я благоговейно ощущал божественность мира...»

Да, но всё это происходит на берегу, на земле, а не на реке, которая постепенно из родника образуется в ручей и вот уже в небольшую речушку...

А потому что без земли не было бы и реки. Без берегов река превращается в болото. Вот почему так едины река, символизирующая духовное течение жизни, и берег, который является мирским материальным символом жизни. И они прекрасны в своём единстве! Не может быть одно без другого: человеку невозможно погружаться только в течение жизни. Как много мы знаем примеров, когда затворники возвращались в мир, чтобы послужить ему. И опасно для человека оставаться только на берегу

и жить только мирскими заботами, необходимо хотя бы иногда спускаться к реке, хотя бы просто для омовения от мирских забот и печалей.

И у истока реки, наверное, это ощущается наиболее ясно. И ты понимаешь, что ты и окружающий мир — это одно. Одно великое чудо. И как же хочется удержаться в таком состоянии! Как же не хочется омрачать, загрязнять это душевное состояние.

Но надо жить, надо двигаться по реке жизни. А там — завалы, завалы, завалы... Где-то их приходится прорубать, где-то это сделать невозможно и приходится вытаскивать лодки на берег и обходить завалы. Но река течёт, влечёт за собой, и разношёрстная группа, в которой люди с совершенно разными характерами, наклонностями, но пережившие рождение у истока реки, двигаются по течению жизни. Но ведь и на берег выходить надо. И душа, напитанная благодатью, воспринимает степной край с такой же радостью, как и реку.

«...Сказочный, космический по своим масштабам пейзаж. Остро ощущаешь себя малой частичкой огромного, сотворённого Богом на радость мира. Благодатно на душе.

Для русской духовности горы, видимо, не самая родная стихия. У русской души неутолимая, связанная с желанием обрести покой, тяга к степному простору...»

Да, в мир приходится выбираться. И сам мир не оставляет в покое. То, буквально над головой, разрывая тишину, прогремит поезд, то надо выбираться за хлебом, то с берега нападут браконьеры... Но ведь были и чудесные, и душевные встречи с теми же сельскими жителями, была встреча с детьми в детском доме, где Малиновский читал свои стихи, а дети («будьте как дети») «трогательно и внимательно слушали». И это тоже объединяющее, то, что делает нас одним народом.

А чтобы более полно представить жизнь плывущих по реке странников, приведу запись из дневника автора:

«Сегодня 12 июля. Вчера прошли путь от Гамалеевки до села Бурдыгино. Преодолели три завала: один рубили, два обошли по берегу. Прошли металлический низкий мост под Бурдыгино. Ночевали у завала ниже села. Ужин готовили около двадцати трёх часов, когда было уже темно.

Мы с Костей ночью рыбачили бреднем. Река глубокая, берега крутые, рыбачить неудобно. Поймали одну щучку и несколько сорожек.

Песок, осины, лопухи — в изобилии. Вода изумительная. Всё есть, о чём я мечтал, отправляясь в поход. Но комаров столько, что спасения от них нет.

Спали как в предыдущие ночи: мы с Борисом, каждый в своей палатке, остальные в лодках, которые вытащили на сухой песчаный пятачок среди прибрежного краснотала и шелестящих осин. Противоположный берег, весь поросший высокими осинами и вёслами, кажется труднопроходимым.

С первых же дней я понял, как важны для меня вновь те навыки, которыми я владел, когда с дедом жили то в лесу, то в степи...

Моё умение по-дедовски вязать узлы, ладно починить бредень, взять лыко с вяза, сварить «сливную» кашу, в которой сразу и первое, и второе, поставить на перека-те бечёвочный перетяг между кольями для ловли подустов — всё пригодилось вдруг. Каждый раз обнаруживалось умение, которое удивляло теперь моих спутников.

Полузабытые навыки радовали. Они роднили с окружающим».

Вот это роднение с окружающим и есть, как мне кажется, главное, что автор, а вместе с ним и мы ощущаем, читая эту замечательную повесть.

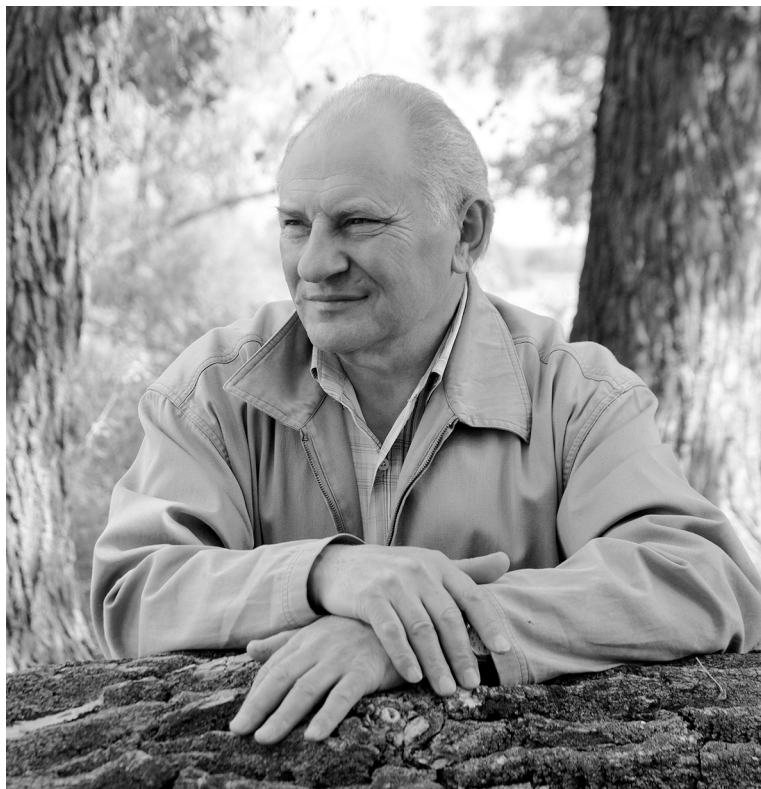
Далее река становится полноводнее, на берегу ведутся разговоры о жизни (при этом хочется отметить, что Малиновский собрал столько интереснейшего материала о реке, о Самарском крае, и вроде бы он научный, материал-то, но автор излагает его так доступно, что вся

эта учёная информация воспринимается как простой разговор у костра и ничуть не искажает ткань художественного повествования), на берегу же продолжают различные приключения — в общем, жизнь продолжается. И автор не перестаёт по-детски удивляться и восхищаться всё новым её откровениям. И нас заражает этим восторгом.

Такая вот замечательная повесть, и я уже не буду её пересказывать и выдёргивать отдельные цитаты, потому что, во-первых, хорошую книгу пересказать невозможно. Можно рассказать, о чём, например, книга, где главным являются внешние события, но там, где в полную мощь звучит внутренний голос, где невидимое становится видимым и реально ощущаемым, такую книгу пересказать нельзя — к этому надо прикоснуться, это надо читать.

А я только замечу, что для меня эта повесть (собственно, как и всё творчество Александра Станиславовича Малиновского) стала светлым и умиротворяющим событием в нашем беспокойном мире. Вместе с героями книги я, как мне кажется, стал чище. А как известно, «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Матф. 5:8)».

Александр Станиславович
Малиновский

**Красносамарские
родники**

Отрывок из повести

Александр Станиславович Малиновский – русский писатель, поэт, учёный и инженер.

Родился 20 февраля 1944 года в селе Утёвка Куйбышевской области в крестьянской семье.

В 1967 году Александр Станиславович окончил Куйбышевский политехнический институт и получил диплом инженера-технолога по специальности «Технология основного органического нефтехимического синтеза».

После окончания института Малиновский работал на Куйбышевском (Самарском) заводе синтетического спирта, где прошел путь от рабочего (с 1967) до генерального директора (1984–1999 гг.). С 1999 года – генеральный директор ОАО «Новокуйбышевский нефтехимический комбинат» (позже ЗАО «Новокуйбышевская нефтехимическая компания»). За свою трудовую деятельность Александр Малиновский награжден премией Совета Министров СССР (1990).

В 1985 году без отрыва от производства защитил кандидатскую, а в 1992 году докторскую диссертацию, является заслуженным изобретателем России (1994), почётным нефтехимиком (1992), почётным химиком (1999), заслуженным инженером России (2000).

С 2007 по 2016 год – профессор кафедры «Химическая технология и промышленная экология» Самарского государственного технического университета.

Перу Александра Станиславовича принадлежат как поэтические, так и прозаические произведения. Он является автором более сорока книг, в том числе поэтических сборников и книг для детей. Как поэт Александр Малиновский дебютировал в 1970 году в газете «Волжский комсомолец». С тех пор он публиковался в периодических изданиях, выпускал собственные книги.

В 2021 году вышло полное собрание сочинений Александра Станиславовича Малиновского в 7-ми томах. Александр Станиславович является членом Союза писателей России с 1996 года.

Малиновский Александр Станиславович удостоен всероссийских литературных премий «Русская повесть» (2000), имени В. Шукшина (2002), «Имперская культура» (2004), имени П. Ершова (2011), имени И. Шмелёва (2011), является лауреатом Губернской премии в области культуры и искусства, награждён медалью Преподобного Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церкви (2000) и Почётным знаком «За труд во благо земли Самарской» (2014).

Александр Станиславович Малиновский ушёл из жизни 26 ноября 2017 года.

На ресурсе <http://malinovsky-as.ru> размещена более полная информация об А.С. Малиновском, представлены его произведения, документальные фильмы о нём, с его участием и по его книгам.

* * *

Через пару дней мы втиснули по частям разобранный велосипед внука в мою машину и отправились в село, в котором я родился и постоянно жил до восемнадцати лет. В Утёвку!

Пшеничное поле

Мы переночевали у моей сестры в Утёвке и рано утром, распахнув широкие жердяные ворота, выехали с затравешного двора.

Решено было, заехав левее от села в Угол, точнее в Ясашный угол, подняться вдоль реки вверх до Крепости. Официально этот посёлок теперь называется Красная Самарка. Перебраться, если он ещё есть, по мосту на ту сторону реки. И там попить холодной водицы! Насладиться родниковыми струями, бьющими из массивной кручи, уходящей вверх, к Бариновой горе. Вернуться к вечеру домой. Всего-то!

...Выехали на окраину села. И сразу оказались в Ясашном углу — пространстве между селом и речкой, разделённом надвое старым ветельником.

Старенький, с поржавевшими крыльями и рамой, дорожный велосипед Пензенской фабрики, взятый мной напрокат у племянника Сергея, оказался вполне сносным транспортным средством. Его затрапезный вид меня не смущал. Наоборот, как-то даже убеждал своим позвякиванием разболтанного багажника в запасе выносливости на привычных ему местных дорогах.

...Ясашный угол! Я всегда любил это место. Со школьных лет знал, что до отмены крепостного права жители моего села, которому теперь поболее двухсот лет, относились к двум земельным обществам: Ясашному и Удельному. Удельные крестьяне платили все налоги князьям царствующей династии Романовых. А ясачные (в Утёвке

говорят: ясашные) платили ясак государству. Вот этот ясашный люд и жил на краю села, примыкавшем к Самарке. В детстве здесь, на окраине сельской улицы, встречался я со знойным духом высокой золочёной пшеницы. Это было чудо! Песенное чудо! Широкий простор пшеничного поля, волновые приливы и отливы золотящейся нивы захватывали дух. В последние годы пшеничное поле было только слева от дороги и уходило бескрайне куда-то, мимо села, на запад. Соединялось своей позолотой с небесной синью горизонта. Синее и золотое! Особенно волновало меня поле в пору созревания злаков, когда вдоволь солнечного света и властвует он над головой, проливаясь в волнисто-дремотное чудо...

...Когда я был совсем мал, пшеница шумела и справа от дороги. Дорога шла по полю. И, чтобы добраться до речки, надо было не менее версты пройти по этому чудесному уголку, где налитые колосья стояли вровень с твоими глазами. Забудешь ли такое!..

...Сразу же вспомнилось другое: полузабытые уже, глубинные запахи обработанной после августовских знойных деньков земли. Над полем в такие дни веяло духом соломы, настоенном на запахе работы, из года в год вершимой с потом, улыбками, озабоченностью и верой в матушку-кормилицу, в её щедрость...

Едва мы, оставив мост и речушку Прыгалку справа, выскочили из села на простор, сердце сжалось. Где же оно, поле?

Не было золотящегося, волнующегося моря. Стоял поредевший ветельник справа, а слева вместо золотистого было серо-бурое пугающее пространство, заросшее всевозможным сорняком. Сорняк тут был как бы уже и не сорняк. Полынь, берёзка, череда, репейник — они властвовали вокруг. Власть себе. Вольготно и безудержно. Становилось не по себе.

Озираясь, я машинально нажимал на педали. Дорога сама привела куда надо. Туда, где мы, ребята, купались —

к реке. На Искровскую купалку, обычно летом шумную и разноголосую. Теперь слева на подходе к купалке, на ровной площадке раскинулись ряды огромных теплиц. Я в замешательстве насчитал их двенадцать штук! Шесть рядов, по две длинных теплицы в каждом. Не верил тому, что видел. Не воспринимал до конца. Мы с внуком спешили, положили велосипеды сбочь от дороги на траву.

Что же тут вершится?

Теплицы стояли по левую сторону дороги, по правую была сторожка. Через песчаную дорогу от реки тянулась толстая тёмная труба. Явно для полива.

Мы пошли в сторону теплиц. Всё устроено с широким размахом.

Помидоры в укрытии висели непривычно огромные для наших мест. Их было неестественно много, и кусты были в человеческий рост. Зелень и ярко-красные плоды напирала, ломилась через полиэтиленовую плёнку наружу. В торцах теплиц, с обеих сторон, плёнка была приподнята, и там зелень и помидоры были ещё ярче и вызывающими, что ли...

Потрогал одну помидорину. Она была тяжёлая и тугая, будто из чугуна. Внук последовал моему примеру. И тут же оценил.

— Во накачали! — удивился он.

— Что? — не сразу понял я.

— Помидоры химией накачали. Видно же, ненормальные. Кто их есть такие будет?.. Выперли!

Никого вокруг не было. Всё открыто, доступно. Так бывает у хозяина, который временно отлучился и который не опасается, что кто-то чего-то тут тронет. Как так? Он тут главный... Попробуй!.. Ощущение того, что этот «кто-то» очень уверенно, без оглядки, властно заполнил освободившееся, а вернее, бросовое поле, ранее звенящее тугим пшеничным колосом, делало всю округу чужой, не похожей на прежнюю...

С подбитым крылом

Тут, где высокий обрыв и пошумливает добравшийся старым ветельником из широкой степи с ильменьком ручей, всегда было шумно от купающихся. Искровская купалка, знаменитая своей золотистой косой из мелкого сыпучего песка по правому берегу реки, всегда притягивала. Теперь песчаной косы почти не стало. Берег местами до воды зарос вездесущим осинником и многочисленными лопухами. С высокого берега река кажется уменьшенной, стиснутой берегами.

Когда спустились к воде, у коряжины поднялся рыбачок. Обросший почти до глаз. Как домовый... Но вроде знакомый... Машинально почти, занятый попыткой вспомнить, узнать, кто передо мной, спросил обычное в таких случаях:

— Ключёт?

— Какое тут ключёт?! Тарахтелку поставили как раз над моим прикормленным местом. Вона! — он указал на насос у самой воды и солидную трубу, уходящую через дорогу к теплицам.

— Как же так? — вырвалось у меня. — Раньше тут по-другому было.

— А вот так! Мы забросили, а они — прибрали. Кто прав? — стариковские глаза рыбачка смотрели понуро.

— Кто «они»? — не понял я.

— Китайцы, — последовал ответ, — кто ещё?

— А кто разрешил?

— Кто ж в наше время что знает. Разрешили. Так бы они не стали... Это мы сами всё творим. Сами себя... Чё на них-то?..

Мы перекинулись ещё несколькими фразами. Когда уже поднимался наверх, услышал:

— Сашк, ты, что ли?

Обернулся на голос.

— Жека Давыдов! Не признал?

— Ты ж на северах всегда был? — удивился я, вглядываясь в рыбачка.

— Был, да теперь нету. Все мои тут померли. А дом остался. Ну и решился...

Я спустился к нему. Неожиданно для себя спросил:

— Помнишь ли, какое здесь было море пшеницы? — и махнул рукой наверх.

— Эх! Помню ли? Забыл, Маляк, что отец мой тут обычно косил пшеницу? А я у него помощником комбайнёра работал...

«Он и прозвище моё школьное помнит, «Маляк», надо же...» — подивился я.

Если бы он не назвался, я бы не разглядел в приземистом косматом туземце своего бывшего одноклассника, ушедшего после седьмого класса учиться в ремеслуху. Мыкавшегося всегда где-то на стороне, в поисках лучшей доли. После школы больше не видел его. А тут — встреча на реке!

...Эти теплицы, труба через дорогу, положенная, как шлагбаум... Вроде бы никто уже не имел права проезжать к реке запросто. И эта встреча с одноклассником! Так всё повлияло на меня... И едва начавшийся наш путь увиделся мне в особом свете...

С Женькой мы сидели за одной партой в пятом классе, вместе рыбачили на Самарке. Прибегали пораньше, часа в четыре утра, чтобы никто не видел, проверить подпуска, поставленные накануне поздним вечером. Азартным был Женька и неутомимым в рыбалке. А уж в настырности не было равных...

...На какой-то момент при этой встрече Женька приблизился так, что вязко пахло перегаром. И я увидел совсем близко его... кроличьи глаза.

— Сашк, это... ну, дай рублей пятьдесят. Знаешь... по старой дружбе, горит...

На миг растерявшись, я суетливо полез в рюкзак за кошельком.

...Когда мы уходили от Давыдова, я всё оборачивался. А он стоял и смотрел на нас молча, похожий на дремучий

пень у воды. Или большую нахохлившуюся птицу с подбитым крылом.

— Увидимся ещё, — крикнул я. И не почувствовал от своих слов облегчения.

Прививки на реке

Этот благодатный участок реки от Искровской купалки до моста под Крепостью в детстве был нашим вторым домом. В нём жизнь текла по-особому: и на глазах родителей, и без них. Самостоятельная! Здесь мы, ребята, и дружили, и ссорились. Рыбачили с ночевой. Добывали себе пропитание. Поречье подкармливало нас. Дикий лук, щавель, дикая мука, ягоды боярышника, черёмуха, ежевика, смородина, вишня, клубника — всё это в свой срок появлялось на заветных солнечных полянах, влажных луговинах, сумеречных овражных зарослях... Мы знали эти места наперечёт и совершали туда мальчишеские вояжи. Всегда ватажкой, часто с забавами и приключениями.

Трудились вместе с родителями постоянно. Но находили себе забавы и приключения, которые и теперь, во взрослой жизни, не стёрлись из памяти. Наоборот, приобретая со временем особую прелесть, они хранятся в глубине сознания. И порой напоминают о себе. Как отблески костерка, неподвластного никаким ветрам.

Вот по этому берегу реки, от Искровской милой сердцу купалки, мы и решили добраться до моста под Крепостью, до посёлка, теперь называемого «Красная Самарка». Чуть выше него на правом берегу и бьют Красносамарские родники.

Кто заражён с детства сладким недугом — рыбалкой, тот поймёт прелесть встречи с родной речкой. Множество случаев помнят её берега, водица её! Помнят тебя, когда, подгоняемый неистребимой рыбацкой страстью, нетерпеливо сползал ты по песчаной круче с удочкой в руке. Помнят и твоих сверстников, которые теперь седовласые и

важные, суетливые и непоседливые, редко приходят сюда. Не забыли берега и тех, увы, которых уже нет.

Непривычная дрожь, трепет прорываются в голосе, и становится трудно говорить. Да и не скажешь самого истинного вот так, сходу, на этом берегу. Даже внуку.

Очень многое ворохнётся в душе. Не только от воспоминаний о рыбалке. От лиц, голосов тех, кто был с тобой на этих берегах. Река объединяла нас! Манила к себе. Она сплывала всех в проказах, курьёзах, прозвищах, ночёвках. Во всём вперемешку.

Многого не было в детстве у нас. А река давала своё. То, чего порой не найдёшь даже в незаменимых для села клубе или библиотеке. Она давала изначальное чувство родины! Это я теперь так формулирую. Река давала прививку на всю жизнь. Прикинул невольно: из тех, кто самозабвенно тянулся к нашей реке в детстве, не припомнил ни одного дурного человека. Через всю жизнь, не сознавая того, несли они этот изначальное заложенный добрый свет своих истоков, запас доброты. Река и растила, и воспитывала... В детстве мы все были ближе к земле...

Всегда, едва заговоришь о Самарке, — о Самарке из нашего детства, — светлеют лица. Пробивается это неодолимо в любую погоду и в любое время года.

Сколько раз я в детстве ходил по этим берегам? Сотни! Тысячу! А вот так проехать на велосипеде, заранее зная, что придётся продираться через заросли, по бездорожью, наугад, — впервые. Было десять лет назад нечто похожее. Тогда я сплавался от истока Самарки до города Самары с приятелями. Двадцать два дня сплава на рыбацкой резиновой лодке — это неповторимое по ощущениям и впечатлениям событие! Тот маршрут был в пятьсот километров, теперь — около пятнадцати со всеми зигзагами...

И намеревались мы преодолеть эти километры вдоль воды на велосипедах! Будут ли нам они помощниками или станут обузой?.. Внук рвётся вперёд! Его юный возраст крепит в нём оптимизм.

Но я помню те канавы, овраги, завалы, которые нам с ним предстоит преодолеть... И сколько раз моя память наткнётся на встречи, подобные той, которая случилась в самом начале нашего пути.

Мне с моим прошлым и моей памятью о детстве на этих берегах непросто. Но раз поддался на затею внука, терплю. Демонстрирую, как могу, бодрость духа.

Серые осины

Берег реки между Искровской купалкой и Ледянской, которая у нас была впереди, мне помнится всегда высокими осинами. Их было здесь около десятка. Огромные, с серой корой. На крутом берегу, будто нарисованные, выступали они большим светлым пятном, отмечая собой край бахчей. Впримык к обрывистому берегу. Этим горемычным осинам не везло. Зимой их часто объедали то лоси, то зайцы. Осины постоянно, когда бы ни появлялся около них, долбили дятлы. А потом в этих дуплах жила всякая мелочь. Осы, огромные шершни...

«Не от такой ли жизни, — думал я, — у осин всегда дрожат листья? Даже когда нет ветра».

Тяжёлый осиновый лист всегда шевелился, оттого под этими деревьями меня одолевало беспокойство. Листья словно жаловались на свою жизнь, предчувствовали плохое. Мой отец называл осины дрожалками. Многое уж забылось. Но временами мелькнёт в памяти то белая эмалированная чашка с мёдом, который мы пробуем с братом, макая в него коркой хлеба. То особо сладкий, незабываемый вкус «Победителей» — небольших, с мелкими чёрными семечками, с ярко-красной и сочной мякотью арбузов.

Ни арбузов, ни пасеки теперь здесь нет. И нет, будто нарисованных, толстенных, с шероховатой серой корой, трепетных осин. Великий художник природа «нарисовала» когда-то их, а потом взяла и стёрла, как неудачный черновик. Осины снесло бурным потоком внешней воды в

водополье вместе с многочисленными осиновыми корневыми отпрысками. И следа не осталось. Не зря так жалобно трепетали они...

Давно это было. Вмешался человек. Теперь на месте осин и бахчей шелестят высокие берёзы.

Только на левом берегу Самарки у озера Лопушного росли в нашем листопадном лесу две берёзы, больше нигде. До сих пор помню их клейкие листочки по весне. Потом берёзы появились в лесопитомнике. А теперь тут, у Самарки. Целая роща!

Я не удержался и, оставив на круче велосипед, вошёл в березняк. Внук последовал за мной. Трава под деревьями худосочная. Но сколько тепла и света! Веет знакомым, невыразимо родным лесным духом.

Едва слышно пролетела меж ветвей желтобокая птица. Не села на ветку. Нас увидела и не решилась.

— Кто это? — шёпотом спросил внук.

— Иволга, — ответил и я, тоже почему-то шёпотом, — видно, здесь где-то у неё гнездо. Она любит берёзовые рощи.

— Сразу бы и не подумал, что здесь живёт иволга, — сказал Саша, когда мы уже выходили из леска.

— Почему?

— Не знаю. Мне казалось, что иволги бывают в чащобах, в темноте. В дуплах дремучих деревьев.

— Теперь знай, — наставительно сказал я. — Если захочешь услышать, как она нежно поёт, можем приехать сюда.

— А когда надо приехать?

— Иволга поёт на зорях.

— Я готов.

— Сегодня уж точно не получится, — откликнулся я, — отложим на потом.

Мы остановились на выходе из рощи в тени особо рослой с бугристыми наростами тенистой берёзы. Ствол берёзы опоясан кольцом чёрных ямок. Знакомое дело.

— Смотри, — говорит внук, — будто кто буравчиком работал. Что это?

— Дятел трудился, — отвечаю. Задрав вверх голову, осматриваю лесину со всех сторон.

Видно, дятел не раз до нас тут побывал. Пробив своим умелым клювом бересту, пил весной берёзовицу — прозрачный сладковатый берёзовый сок.

Когда уже подходили к велосипедам, заметили, как в рощицу устремились дрозды. Одна стайка... вторая...

— На спевки слетаются, — предположил я.

— А мы уходим... — отозвался внук.

Я невольно замер, вновь оглядывая берёзовую рощу. Не хотелось уходить. Чувства смешались. Отрадно было наблюдать неустойчивую жизнь там, где когда-то стояли всего лишь несколько горемычных осин. Особенности они были для меня... Незабываемые...

...И чем дальше удалялся от берёзовой рощи, тем сильнее чувствовал некую недосказанность... Теперешняя действительность была иной. Ей чего-то не хватало. Или мне?..

Невольно вздрогнул. Вспомнилось!

Это место около серых осин в моём детстве было особым ещё по одной причине. Сюда часто навевались таинственные и жутковатые сумеречные существа — летучие мыши.

Мой дед говорил, что прилетают они из ветельника, где у них жилища в дуплах старых деревьев. Там они спят, повиснув вниз головами.

Прилетали они к нашему шалашу, может быть, потому, что привлекал их, как и меня, светло-серый свет, идущий от осин. А может, комары да мошки, которыми они питаются. Их тут было всегда много. Мыши появлялись около осин в сумерках, с их тёплой, обволакивающей глубиной света, открывающейся бесконечностью, не понимаемой, но ощущаемой всем существом. Появлялись во времени суток, вовлекаящем тебя в непривычное ощущение про-

странства. Вроде бы конкретного, понятного до мелочей: вот шалаш деда, вот рыдван, вот, наконец, под обрывом Самарка. И в то же время — в пространство бесконечное, великое... Такое великое, в котором ты меньше обычной точки в миллионы раз...

...И свежесть набухающих сумерек, мерность их повторения, и властное проникновение во всё, красота во всём, не отделяют тебя от всего, не оставляют одного. Наоборот, ты становишься причастным, чувствуешь некое предварение чего-то необычного. Того, что когда-то должно с тобой произойти в сумерках, либо уже происходит. Только не дано тебе пока понять этого ещё в полную меру...

...Я тогда ни разу не попытался отыскать летучих мышей днём в их дуплах. И не из-за страха. Не решался нарушить нечто таинственное, не своё.

Сумерки приносили с собой не только этих летучих мышей. С ними приходило ощущение двойственности окружающего. Вот ты, а вот нечто другое, некая сдвигка, другой мир. И эти писклявые, с приплюснутыми мордочками, раскосыми глазами существа, носившие своих детёнышей постоянно в мешочке между хвостиком и задними ногами, будто оттуда: из иного мира, попавшие в этот разлом — сумерки. Застигнутые сумерками и обнаруженные случайно вроде бы, но в какой-то странной связи с окружающим. Как следствие чего-то, чего в другом месте на Самарке и быть не может...

Тёмные силуэты ночных летунов так стремительно проносятся над головой, их непривычный тонкий писк так тревожен, что начинает казаться: сейчас обязательно что-то случится грандиозное. Это всё неспроста! Не зря они так носятся над головой, на фоне вроде бы спокойного и тёплого неба. Это у них не просто охота на ночных бабочек...

...В иной момент начинало казаться, что эти необычные существа враз над твоей головой могут превратиться в огромных крылатых ящеров. Или ещё в кого... И мало тогда не покажется...

...Поневоле озираясь, я начинал пригибать голову и оглядываться на сумрачный ветьльник. В нём, скорее всего, могла укрываться страшная нечисть... Больше негде ей тут...

* * *

Только совсем недавно узнал с удивлением, что у нас в Поволжье обитает до пятнадцати видов рукокрылых (летучих мышей). Много скоплений их в Ширяевских и Богатырских штольнях Самарской Луки.

Есть среди них, оказывается, особо примечательные: ночница Наттерера, малая и гигантская вечерницы, поздний кожан, нетопырь-карлик... Было бы здорово посмотреть на таких... Интересно, как звали тех, из моего детства... И общаются ли разные виды рукокрылых друг с другом...

А внука интересуют более практичные вещи. Глядя из-под руки на речную гладь, он спрашивает:

— Дед, ты рассказывал, что когда-то весной баржи за солью доходили от города Самары до Домашки, а мне как-то не верится. И потом — в остальное время года как соль возили в Самару?

— Как? Почти от самого Оренбурга, от Илецкой защиты, в Самару по солевому тракту на лошадях. А потом уж по Волге-матушке на Север, для всей Империи Российской. Когда в 1880 году построили железную дорогу между Самарой и Оренбургом, соляной тракт забросили... И река Самарка осталась как бы в стороне...

* * *

...Мы спустились к воде, напротив длинной полосы осинника на противоположном берегу реки.

Этот мелкий осинничек!.. Щемящая трепетность древесных подростков. От него и от песка идёт острый дух. Неиссякаемый молодой его напор непобедим!

Осинничек этот неудержимо, каждый год подступает к реке, на её увлажнённые пологие песчаные берега. По-

является вначале крохотными листочками, но в таком количестве, в таком изобилии... Река постепенно отступает. Рвёт по весне полый водой противоположный берег, теснится в берегах своих. Но напор молодняка не сдерживает... будто знает цену леса для всего живого в лесостепном суховеинном поречье. И каждое лето молодой осинник поднимается по берегам Самары зелёными длинными ярусами, отмечая очередную годовщину в жизни реки.

В такой поросли вдоль воды ходишь, как Гулливер, ощущая свою огромность. Но стоит войти в ярусы прошлых лет, которые уже на значительном расстоянии от воды, враз попадаешь в тягучий зной. Воздух, настоенный на горячем песке под ногами, на запахах, веющих с лесных травяных полян, горяч. Осинничек чуть выше тебя ростом, не спасает от летнего зноя. Он его усиливает. Под ногами горячий песок, обжигающий ступни, а над головой — только одно знойное дыхание неба.

Такой осинничек в жаркое лето не защита. В нём нет, как правило, родников. И нет лесных громадин, буреломов, которые задерживают суховеи. Но он, этот осинничек, настолько частый, прямёхонькие деревца стоят чуть ли не вплоть друг к другу, и это не даёт ветру продувать его. И царит в нём нестерпимый зной... Находиться тут долго нельзя.

Начинает стучать в висках. В тебе возникает сопротивление этому беспощадному давлению, коварному безветрию, которое всегда привлекает в большом лесу. Хочется скорее на простор, к воде! Скорее ступить босыми ногами на мокрое и прохладное!

В молодой осинничек летним днём заходишь, только чтобы быстренько вырубить колья для перетяга, отыскать рогульки для удочек, набрать сушняка для рыбацкого костра... В этом он твой незаменимый помощник.

...Когда выбежишь из осинничка с добытыми рогулками для удочек, удачно проскочишь, обжигая подошвы ног, песчаное пространство и ступишь, наконец, на мо-

крый песок, а затем в воду, почувствуешь себя поневоле язычником. Становишься первобытным. И миллионы раз сказанного множеством людей до тебя, что вода — это жизнь, становится мало. Удивляешься: сколько лет прожил на реке! Как повезло! Жил у воды и не задумывался о том, каким удивительным образом вода и жизнь взаимосвязаны! Жил и всё!

Выбор

На Самарке, чуть левее брода, который зовётся Коровьими ямами, есть озеро Песчаное с крутыми высокими берегами. На этих берегах зимой мы выверяли своё бесстрашие и ловкость. Одно дело со свистом в ушах, роня на ветру шапку, пронестись по крутому заснеженному склону, совсем иное — проложить первым лыжню, самому. Да так, чтобы, выскочив на противоположный, едва ли не такой же крутой берег, не теряя скорости, развернуться назад и оказаться внизу, на льду озера. И, задрав голову, вприщур смотреть наверх, где в нерешительности топчутся, не рискуя махнуть вниз, твои приятели.

Таких спусков было на этом озере несколько. Но был один, по которому лыжню прокладывать первым осмеливался не всякий. Дело в том, что, мчась вниз по косягу, нужно было проскочить между двух, совсем близко стоявших друг к другу, осин. Попасть в промежуток, как в узкую калитку. Никак не шире метра, а то и менее.

Так получалось, что первым чаще всего это делал я. К этому уже все привыкли. Привык и я. Всегда был риск сильно ушибиться либо получить увечье... Этот мой спуск, когда нет ещё лыжни и риск велик, был предметом особой гордости для меня.

...Потом, когда уехал учиться, а затем и работать в город, несколько раз бывал на этом косяге. И по привычке ухарски спускался с него меж этих двух осин с тонкой, плотной зелёной корой. Мне это надо было...

Но однажды...

...Приехав к родителям, достал я с подволоки выдавшие виды лыжи с креплением для валенок и отправился на Песчаное озеро. Отвёл душу на лыжне!

Помню, как меня впервые в тот день, после города, поразили на снеговом раздолье тишина и безветрие. Вокруг ни души, лишь один я среди хрупкого равновесия, непомерных сил, способных обрушиться на окружающее всю свою затаённую мощь. И может разом вокруг потемнеть, начаться метель, повалить хлопьями снег... Откуда-то могут возникнуть повозки, спешащие люди... Может раздаться сдержанный говор на морозе, даже смех, крики, скрипы снега под полозьями саней, под ногами...

Нет, этого не случилось. Казалось, само небо вобрало все звуки, которые могли возникнуть в это безветрие... И подарило мне тишину, холодную, ослепительную белизну снега и заросли редкого ивняка с искрящимися на солнце сказочными кристалликами инея.

...С ходу по укатанной лыжне, желая поскорее увидеть само озеро, спустился я вниз на лёд. И остановился.

Поразил резкий переход. Что-то во мне будто хрустнуло. Была тишина, то же безветрие, но... сузилось пространство. Только что, когда мчал по равнине, меня влекла даль. Даль меня поднимала, окрыляла, возвышала. Я будто лишился здесь, внизу, оказавшись зажатый меж крутых берегов на ледяном пятачке озера, чего-то самого главного, которое только что мне было подарено. Ограничив себе пространство, потерял весь мир. Мчась по равнине, вдыхая воздух, дарованный мне неоглядным простором, в его шири и глади, я не чувствовал себя затерянным. Наоборот — весь мир был во мне со всей своей огромностью... Его давала мне даль...

Мысли мои путались и терялись. Никогда прежде со мной такого на Песчаном не было... Со мной что-то происходило непривычное. Поспешил наверх. И оказался на косогоре с двумя осинами с зелёной корой на спуске с него.

Я замер. Осины стояли статные, рослые. Невольно залюбовался ими. Длинная, с самой макушки косогора, лыжня прямо и стремительно уходила вниз, проскакивала меж осин и, пропав внизу, выстреливала на противоположном, менее крутом, берегу. Всё как тогда, в мои школьные годы. Была, как прежде, лыжня! Был свой удалец-молодец, первый из всех махнувший безоглядно с косогора!

Интересно, кто он такой?!

Теперь косогор казался мне круче. И осины потолстели. И расстояние между ними сузилось...

Потоптавшись на месте, поймал себя на мысли, что не тороплюсь ринуться вниз разом, безрассудно. Приглядывался, примеривался, обдуваемый холодным ветром.

Не спешил. Когда осматривал крепление лыж, незаметно пришла, вползла в моё сознание колючая мысль: что, если со всего маху не проскочу меж осин? Ударюсь об одну из них. Ведь теперь не так ловок, как раньше... шире в плечах стал... можно либо разбить лицо, либо сломать руку. Огляделся, словно боясь чьей-то кривой усмешки. А колючая мысль вершила своё:

«Если сломаешь ногу, один до села не доберёшься, факт!»

Будто не я так думал, а кто другой. Более разумный и холодный. А я прислушивался к нему.

Вспомнилось, как когда-то недалеко отсюда лихой Санька Захаркин упал на спуске, и конец сломанной лыжной бамбуковой палки проткнул ему шею навывлет. Горло осталось целым, но сколько тогда было хлопот. Нас было в тот раз несколько человек, это его и спасло.

Сейчас я чувствовал, что трушу...

Но тут же, бодраясь, сказал себе: не трусишь! Стал разумнее. Опытнее. К чему тебе эта бесшабашность?!

Вновь показалось, что кто-то видит, какой я стал слабак...

Оглянулся: никого вокруг.

Пришло чувство то ли предательства по отношению к себе, то ли досады по поводу утерянной решительности...

Я оттолкнулся, направив лыжи мимо осин по более пологому спуску, туда, где не было встречного крутого берега, где всегда можно было, верно рассчитав, не свалиться вниз головой на лёд озера.

* * *

Прошло года три, и случай повторился. Правда в другом варианте.

Вздумалось тогда мне в очередной раз резко изменить свою жизнь. К тому времени я уже около двух лет проработал после окончания института на заводе.

Подготовив две рукописи — стихов и прозы, решил поступать в Литературный институт. Но в последний момент, уже купив билеты в Москву, мучительно размышляя в одиночестве, «потоптавшись на косогоре», не решился рискнуть: оттолкнуться от налаживающейся жизни заводского инженера и махнуть в иную — в «мутный поток литературы», как сказал, кажется, Алексей Толстой.

Себя убеждал тогда, что не решился поменять саму жизнь на её некий суррогат, как в своё оправдание определил: на умение писать о жизни. Полнокровно жить или пять лет учиться писать о жизни — в этом есть разница! Так тогда думал. Реальный поток жизни: инженерная деятельность, наука — в них была своя манящая «даль», своё зовущее «пространство», которые я так же остро ощутил, как тогда, когда мчал однажды по снежной равнине к озеру Песчаное. И потерю которого я почувствовал, оказавшись зажатым внизу под косогором, меж крутых высоких берегов на заснеженном ледяном пятачке заморного¹ озера.

Я слишком тогда был деятелен и любил конкретное ремесло. Конечно, и максимализма во мне было в избытке.

...Раньше как-то не соотносил друг с другом эти два случая. Такие, казалось бы, разномасштабные в моей судьбе.

¹ Заморное озеро — настолько промёрзшее озеро, что при нехватке воздуха рыба в нём гибнет.

С первым случаем понятно: не решился, поосторожничал я тогда на косогоре... Поджал хвост...

А со вторым? И сейчас не знаю: верно ли поступил, не поехав учиться «на писателя»...

Что бы всё-таки вышло из этого?..

Каким бы стоял сейчас на берегу своей Самарки?

И теперь, кажется, готов согласиться с тем, что писательство — сомнительное дело. И может, не дело вовсе это, а нянчанье собственного тщеславия, ведущего к гордыне...

«Написать не как все! Лучше других!»

...Но окружающее просится в слово, оно будто и существует только для того, чтобы о нём сказали... и запомнили... иначе для чего всё... всё куда-то уходит...

Значит, вопрос в том, как сказать? Во имя чего? С каким сердцем?

Не один я думаю так?

Но как мне выстроить собственное слово?

Можно этому в совершенстве научиться?

И не поздно ли теперь?

**Лауреаты конкурса
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2023 года**

**Возрастная категория
старше 35 лет**

1 место

Вадим Карасёв

г. Самара

Радостная встреча продолжается

*О новаторстве документальной повести
Александра Малиновского*

Живая вода

В наше время трудно себе представить человека с таким размахом интересов и талантов, как у Михаила Ломоносова. Или у Леонардо да Винчи. Или у Константина Головкина.

Мы живём в эпоху узких специализаций. Человека, достигшего больших высот и в гуманитарной, и в технической областях, сегодня днём с огнём не найдёшь. Александр Малиновский был редким исключением. Руководитель производства, учёный, доктор технических наук, академик Российской инженерной академии, эколог, изобретатель. И — поэт, прозаик, краевед, путешественник.

Мир, увиденный человеком, в котором соединились инженер и поэт, получается более объёмным, разноцветным. И более подлинным. Таким был мир, увиденный Андреем Платоновым. Таким был мир, увиденный Александром Малиновским. Литература была для него не блажью, не просто увлечением. Помню, на одном из творческих вечеров Малиновского старейшина самарских писателей, бывший фронтовик Михаил Толкач сказал: «На литературном огороде Малиновский копает лопатой в полный заступ. Оттого и урожай богатый».

Мне кажется, к Александру Станиславовичу, как мало к кому другому, относится поэтическая формула Бориса Пастернака: «Во всём мне хочется дойти // До самой сути».

Он мог позвонить, деликатно осведомиться, удобно ли мне говорить, и потом минут тридцать-сорок обсуждать со мной особенности прозы Тургенева или Шукшина, тайны происхождения тех или иных слов.

Помню, как я дал ему прочитать распечатку текста своего эссе «Я сам обманываться рад...» — о мифологии, которая нас окружает. Дал, признаться, особенно не рассчитывая, что Александр Станиславович прочтает. День его был расписан чуть ли не по минутам: поездки, конференции, лекции, работа над рукописями, семейные заботы... Было это незадолго до его ухода из жизни. Он знал о своей неизлечимой болезни и как человек обстоятельный и ответственный наверняка думал о том, как привести в порядок свои незаконченные дела. До чужой ли тут рукописи? Каково же было моё удивление, когда я узнал, что он не только прочитал её, но и оставил на полях заметки. «Во всём мне хочется дойти // До самой сути».

При всей их подчёркнутой документальности прозаические вещи Малиновского были абсолютно новаторскими по форме. Для него было очень важно быть изобретателем, открывателем во всём. В том числе — и в литературе. Идти по чужому следу ему было неинтересно.

Помню, когда мы с ним обсуждали особенности придуманного им жанра «колки» (в географии это — небольшие лесные островки, разбросанные среди лугов или степей) и я упомянул о близости этого жанра к «Затесям» Астафьева и «Мгновениям» Бондарева, Александр Станиславович возражал. Для него было важно, чтобы его малая проза, его «колки» имели своё, никем до сих пор не занятое место в русской литературе. Эти прозаические миниатюры вошли в четвёртый том его собрания сочинений. Писатель вместе с читателями путешествовал от одного «островка» к другому. От одного воспоминания — к другому...

Рассказывал о событиях, больших и малых, которые формировали его как личность. О людях, известных и незаметных, оставивших след в его жизни...

Многие классические произведения в литературе (да и в кинематографе) строятся на теме дороги, бесконечного путешествия героев, которое дарит им новые знакомства и новые приключения. Вспомним: эпос о Гильгамеше, «Одиссея», «Дон Кихот», «Паломничество Чайльд Гарольда», «Мёртвые души», «Тиль Уленшпигель»... Примеры можно было бы долго продолжать. Жанр позволял рассказывать о том, как герой познавал окружающий мир. А вместе с ним его познавали и читатели, и сам автор. Некоторые произведения Малиновского построены на том же приёме. С той лишь разницей, что их герой, человек, открывающий для себя мир и в чём-то меняющийся благодаря этому познанию, — сам автор. Такая форма давала писателю возможность представить читателю мир объёмным. И тогда река Самара (Самарка, как называют её мои земляки), река его детства, по которой он не раз вместе с друзьями путешествовал на лодке от её истока до устья, уже будучи взрос-

лым, солидным человеком, в документальной повести «В плену светоносном» преображается, играет новыми, свежими красками. Повесть полна размышлений о природе, о жизни и насыщена приметамы самарского степного пейзажа, с его «терпким настоем запахов калёного жёлтого самарского песочка, развесистых лопухов, ивняка, ольхи, осинника по берегам у воды...» Там и впечатления путешественника, и географические, и исторические экскурсии, и размышления о судьбе реки. А через них — о судьбе нашего Отечества.

Для Малиновского, человека активного, равнодушного, было неприемлемо, что в девяностые годы литературу свели до роли «массовика-затейника». Посидел с книжкой где-нибудь в поезде, чтобы скоротать время, а потом отложил и забыл. Он хотел, чтобы книга вторгалась в общественную жизнь, меняла в ней что-то, бередила души, не давала успокоиться. Такой была книга «В плену светоносном». Её выход имел живительные последствия. Автор поднял в ней важные экологические проблемы. Писал (взывал к нашей совести и разуму!) о том, что нарушилось равновесие человека и природы. От впечатлений путешественника переходил к размышлениям о том, куда движется общество, каким образом «покорённая» человеком природа выражает свой протест, способны ли мы спасти реку, питающую великую Волгу. А значит — спасти и себя. Ему было больно, что Самара обмелела и берега её во многих местах захламлены. Потом это беспокойство проявилось в публикациях газеты «Живая вода».

Следствием этого стало создание экологической программы — сначала в Нефтегорском районе, а затем и в других районах области. Стараниями Малиновского экологическая ситуация стала меняться к лучшему.

Книга, выросшая из «пепелища»

Документальная повесть «Радостная встреча» — тоже книга-беспокойство. Герой её — земляк писателя, утёвский

художник Григорий Журавлёв, лишённый рук и ног, писавший иконы кисточкой, зажатой в зубы.

Малиновский с упорством и дотошностью исследователя много лет собирал по крупицам сведения о своём великом земляке.

«Как рассказать о художнике, человеке, жившем простой и бесхитростной жизнью? — размышлял автор. — Я решил написать документальную повесть о том, как разыскивал материал. А удалось найти немало. Нашёл иконы со словами: «Писано Григорием Журавлёвым», — фотографию художника с братом Афанасием, где Григорий изображён в полный рост. Беседовал со стариком, который видел художника, записал его воспоминания. Никаких легенд, никаких фантазий. Зачем? Жизнь Григория Журавлёва и так фантастична...» Так рождалась повесть «Радостная встреча», ставшая для многих читателей потрясением.

В 1992 году в «Волжской коммуне» появилась первая публикация Малиновского о Журавлёве «Утёвские находки». В том же году повесть об утёвском иконописце под названием «На пепелище» вышла в книге Александра Малиновского «Разговор с сыном». Из этих находок «на пепелище» и выросла со временем «Радостная встреча».

Эта книга — путешествие в пространстве: автор объездил множество мест в поисках творческого наследия Григория Журавлёва, беспечно рассеянного в советские годы. Путешествие во времени: автор беседовал со многими людьми, которые могли что-то рассказать о судьбе Григория Журавлёва.

Вечное возвращение

Книга — и своего рода путешествие в родную Утёвку, которая навсегда объединила, связала этих людей — Журавлёва и Малиновского. Вечное возвращение на родину. Писателю был дорог крестьянский быт, связанный с лошадьми, рыбалкой, землёй.

Он часто вспоминал о деде-конюхе, который был и рыбаком, и охотником, и бондарем, и печником, и скорняком. Огромный норовистый дедовский мерин Карий потом заскочил в повесть Малиновского «Под открытым небом». От деда Александр Станиславович и о Григории Журавлёве впервые услышал.

Малиновскому было важно осознавать, что именно родное село дало миру чудо этого иконописца. Для него самого родное село стало чем-то большим, чем малая родина. Он никогда не терял связь с Утёвкой, часто общался с земляками, проводил здесь творческие встречи и презентации своих книг, принял живое участие в создании в селе музея Григория Журавлёва. Если писатель находил что-то особенно интересное в своих краеведческих поисках, сразу же передавал в музей.

Я видел, как общались с Александром Станиславовичем земляки. Он был для них родным человеком, с которым можно было посоветоваться по житейским вопросам, поговорить о том, что со страной, что с людьми происходит. Он был для земляков своим, но в отношении к нему была и гордость: наш, утёвский, а каких высот достиг...

Запали в память слова Малиновского: «Мать родит не писателя, не инженера или кого-то ещё. Матери дарят нам весь мир сразу. И в нём ты можешь стать кем угодно. Но ощущение большого мира приходит через малую родину».

Утёвка была для писателя местом первого свидания с мирозданием. Как и для Журавлёва.

«Часто уезжали с дедом в лес либо в степь недели на две — траву косить, — вспоминал писатель. — Дед уедет за продуктами, я остаюсь один. Утром проснусь — лошадь стреноженная рядом, птички поют. А я лежу себе под тулупом. Хорошо! Знаю, вокруг на десяток километров никого нет. Но вовсе не страшно. Золотая пора!»

Речными самарскими запахами, ароматом степных трав пропитаны рассказы, повести и стихи Малиновского. «Когда я стал писать, — вспоминал он, — было такое ощущение,

что пишу за всех своих земляков, за всех родных, которые не знали грамоты, но чувствовали, может быть, ещё глубже, чем я. Берёшь в руки произведение иного писателя — и не ощущаешь его корней. Как будто он в пробирке родился. Такой мне не интересен. Для меня писательство — это сохранение духа и образа жизни поколения».

Помню, когда мы встречались с Малиновским, в его комнате висела картина с видом родной Утёвки. На первом плане — разноцветье трав. И бабочки! Автор этой картины — двоюродный брат Александра Станиславовича, тоже уроженец Утёвки, выпускник Строгановского училища Владимир Рябцев. Когда Александр Малиновский писал повесть «Под открытым небом», наполненную детскими впечатлениями, эта картина всё время была у него перед глазами.

Работая в архивах, Малиновский углублялся в историю своего села. Он выяснил, что впервые Утёвка упоминается в документах в 1792 году. А первыми жителями села стали переселенцы из центральных губерний, которых привели в Заволжье войны, голод, крепостная неволя и нехватка земли в центральных губерниях.

Следуя дорогой истории, писатель поворачивает то на одну, то на другую тропинку. В этом повествовании важны подробности. Вот жительница Утёвки Любачева вспоминает, как ломали храм: «Нашу церковь разрушали долго. Она как бы сопротивлялась людям, потерявшим разум. Связка между кирпичами была намного прочнее самого кирпича. Для того, чтобы получить один целый кирпич, три-четыре надо было разбить».

Удивительна история того, как жителям села удалось сохранить иконы из храма.

«Весной 1934 года, — рассказала та же уроженка Утёвки, — мой отец готовил ульи для колхозной пасеки. Однажды ему вместо досок привезли целую подводу икон из нашей церкви. Это событие, конечно, стало известно жителям села, которые стали собираться в нашем дворе. Сокрушались,

плакали. Но как спасти иконы? Могут посчитать врагами советской власти. Что делать? Отец принимает решение: раздаёт иконы взамен досок, равных по размеру. Таким образом, ни одна икона из привезённых не погибла».

Духовный подвиг

Книга «Радостная встреча» — это и путешествие к себе, к своему истинному «я». К пытливому сельскому парнишке, который смотрел на мир широко открытыми глазами.

«Работа над повестью многому меня научила, — говорил писатель. — Главное, что я понял: никогда не надо врать. Ни в жизни, ни в литературе».

Бывает, что в ранней юности нам приоткрывается что-то истинное, настоящее. Взрослея, мы часто забываем об этом — в суете, в необходимости приспособливаться к каким-то жизненным обстоятельствам, в необходимости врать — из-за опасений, что нас не так поймут... Мы сами гасим тот огонёк, который кто-то зажёл нам в юности. Малиновский не погасил.

Вот что он вспоминал о том, как зародился у него интерес к судьбе его великого земляка: «Началось с рассказов моего деда, Ивана Дмитриевича Рябцева. Дед застал Журавлёва живым. Мне тогда было 12 лет, и эти рассказы поразили меня. Я понимал, каким мужественным был этот человек, который не зарыл свой талант в землю, несмотря на жизненные обстоятельства, а работал, держа кисть в зубах. И не лубочные картинки писал, а иконы. Меня поразили духовный подвиг этого человека, который посвятил свою жизнь Богу и людям. Когда позднее, будучи студентом, я начал собирать сведения о нём, окружающие на меня смотрели как на ненормального. Это же было время воинствующего атеизма. Позже я отыскал второго человека, который видел Григория Журавлёва. Его рассказ я записал на плёнку. В 60-е годы мне удалось обнаружить и переснять на «Смену-12» единственную фотографию Журавлёва, на которой художник с братом, и его икону «Млекопитательница»...»

Книга «Радостная встреча» носит ещё и характер прямого диалога с читателем. Рассказывая о беседе с человеком, знавшим Григория Журавлёва (это был девяностолетний старик Корнев), автор говорит, что записал тот разговор на магнитофон, плёнка хранится в его домашнем архиве среди самых дорогих для него вещей. Но если читатель пожелает, автор может дать ему послушать эту запись. А послушать было что...

Этот диалог читается не хуже любой биографической книги из серии «ЖЗЛ».

«— Он лёгонький был, маленький. Его принесут мужики в церковь, он сидит и зорко на всех поглядывает.

— А сколько вам было лет, когда Григорий помер?

— Я с тысяча девятьсот первого года. Вот, считай. Он умер в тысяча девятьсот шестнадцатом. Похоронили его около церкви в ограде. Там могила была. В ней уже были похоронены двое: церковный староста Ион Тимофеевич Богомолов и священник Владимир Дмитриевич Люстрицкий. Могилу разрыли и установили третий гроб.

— Большой гроб был?

— Нет, короткий гробик. Но широкий и высокий.

— Николай Фёдорович, а вы сами видели, как Григорий рисовал?

Старик опускается на колени перед стулом и поясняет:

— А вот так и рисовал. Держа кисть в зубах, стоял на полу перед маленьким особым столиком.

— Как же он обучался?

— Вначале земский учитель Троицкий помогал. В Самаре — художник Травкин. Мало ли добрых людей. Потом сам.

— Он рисовал красками?

— И красками, и углём. Писал всякие письма, прошения по просьбе сельчан. У него часто в избе кто-нибудь да бывал. Приветливый был человек!

— Ну, а как вот с бытом его, кто за ним ухаживал?

— Да ведь вначале матушка его, дед, а потом, до самой смерти — брат Афанасий. Он был искусный чеканищик.

В столярной мастерской, которая от отца им досталась, он, брательник-то, мастерил деревянные заготовки для икон, готовил краски, мало ль чего ещё?.. Он вместе с Григорием обучался в Самаре. И в церковь, и на базар, и в баню, и на рыбалку, всё он — брательник его доставлял.

— А на чём возил его брательник?

— Были у него лошадь-бегунок и тарантас. Ему дал их самарский губернатор после того, как Григорий был у царя.

— Он был у царя?! Точно?

— Так говорили, и я слышал. Утверждать не буду.

Народ лучше знает. Дали упряжь, тарантас, лошадь и пожизненную пенсию. За что дали? Говорят, что рисовал портрет всей царской семьи. Каково!

Хороший был мужик, Григорий. Его все любили.

— А за что любили?

— Весёлый был, шутить умел. Мужики, особенно певчие, рады были его брать с собой. Часто его уносили и приносили на руках. Раза два мы, ребятня, на Рождество ходили к нему славить. Интересный. Взяв в зубы пастуший кнут, размахивался и хлопал им с оглушительным звуком...»

Эти и рассказанные дальше стариком Корневым истории позднее были пересказаны в десятках краеведческих статей. А впервые они появились у Малиновского в «Радостной встрече».

Повесть длиною в жизнь

Сюжетные повороты в книге подбрасывала сама жизнь. Не раз я слышал от Александра Станиславовича слова, которые многим пишущим людям, склонным к фантазии, гротеску, могут показаться спорными. Но это было его кредо, его собственный путь в литературе. Путь человека пытливого, познавшего многое в жизни — и сельской, и городской. А слова такие: «Шаманить, заниматься словесным украшательством — не по мне. Когда нечего сказать — вот тогда шаманство и начинается. Не нужно ни-

чего придумывать. Самая богатая фантазия — у природы, у жизни. Надо уметь слушать её, слушать людей, которые живут на этой Земле. И пытаться самому докопаться до истины...»

Читаешь прозу Малиновского и чувствуешь: всё это настоящее, подлинное, не придуманное. Писатель то отступает от заданной темы, то снова возвращается. И повествование опять неспешно следует по главному руслу. Словно течёт свободно река жизни, а рядом роднички бьют, подпитывают её.

...Признаемся себе: не так уж и часто мы находимся в состоянии размышления. Внутренней сосредоточенности. Чаще бывает: то, что происходит в мозгу, — калейдоскоп из сиюминутных впечатлений, не имеющих никаких последствий для души. Клочков воспоминаний о потаённых обидах или полученных удовольствиях. Мысленных проговариваний бытовых планов на ближайшее время.

Размышлять — непростой труд. Малиновскому он был по силам. Он умел держать свою душу в напряжении. Умел сосредотачиваться на главном.

Философ Мераб Мамардашвили, помнится, говорил, что настоящий писатель садится за работу не с готовой идеей будущей книги, но он обретает эту идею и начинает понимать себя и своё место в мире в процессе сочинения. А для этого нужно погрузить себя в состояние особого душевного напряжения.

С документальной книгой Малиновского, мне кажется, происходило нечто подобное. Сам он как-то заметил: «Начинаешь писать, и будто открывается дополнительный канал. В такие мгновения ты более всего приближаешься к самому себе. Порою пишешь и не понимаешь ещё себя. Не знаешь, что с тобой произойдёт через две-три страницы. «Пробираешься» к этому пониманию...»

В ходе работы писатель открывал что-то новое в себе. И в людях — тех, кто были его современниками, и тех, кто уже стал тенью. И в окружающем мире.

«Когда я занялся поиском работ Журавлёва, — вспоминал Александр Станиславович, — к иконам было небрежное отношение. Даже если они были в музеях, то находились в запасниках, и никто ими не занимался».

Правда о подвижнической жизни утёвского иконописца писали и до Малиновского. Первое сообщение о Григории Журавлёве появилось в 1883 году в газете «Казанские губернские ведомости», где была помещена большая статья безымянного автора «Безрукий и безногий самоучка-живописец».

Потом были и другие публикации. Малиновский в своей книге приводит их библиографию. Но сам он, по сути, заново открыл нам этого мастера. Работал в архивах, встречался со многими людьми, бывал и в Троице-Сергиевой Лавре, и в других местах, связанных с творческим наследием Григория Журавлёва. Нашёл его единственную фотографию в полный рост с братом Афанасием (с тех пор она «гуляет» по множеству изданий). Нашёл считавшиеся утерянными иконы и рисунки.

Впервые книга «Радостная встреча» вышла в 1994 году, потом она издавалась ещё шесть раз. И каждый раз повесть расширялась, дополнялась новыми деталями. И новыми иллюстрациями, связанными с обретением творческого наследия иконописца-подвижника.

Каждая новая «Радостная встреча» не простое повторение прежней. Автор как герой произведения, исследующего давнюю, запутанную (вокруг Журавлёва скопилось столько легенд — пойдй разберись, что правда, что вымысел) и невероятно интересную историю...

Книга как документальное исследование. Исследование длиною в жизнь. Подобного в русской литературе не много. Первое, что вспоминается, — книга Юлиана Семёнова «В поисках Янтарной комнаты». Однако есть два немаловажных отличия. Семёнову помогали в его поисках органы госбезопасности. Малиновскому — только неравнодушные люди, на которых он сам и выходил. Поиски Семёнова так

и не увенчались успехом. Поиски Малиновского озарились множеством открытий. И дело не только в том, что самарскому писателю удалось выйти на след нескольких икон и рисунков Григория Журавлёва, которые считались утерянными. И не только в том, что он развеял мифологический туман вокруг жизни иконописца. И не только в том, что «продолжением» книги стали реальные дела — восстановление могилы иконописца, открытие музея Григория Журавлёва в Утёвке, восстановление храма.

Для Малиновского жизнь Григория Журавлёва стала примером духовного подвига. Свидетельством того, что человек может сделать. Как может построить свою судьбу — вопреки всем сложностям и бедам — если только положит в основании своей жизни духовное начало. Наверное, это и было главным открытием писателя, которым он хотел поделиться с нами. А уж захотим ли, сможем ли мы взять этот дар — это зависит от нас...

Тревожный лик Николая Чудотворца

Помню, как, воодушевлённый новыми находками, Александр Станиславович вернулся из Санкт-Петербурга. Эти находки стали материалом для очередного дополненного варианта книги «Радостная встреча».

Вот как он рассказывал мне об этом повороте в своей исследовательской работе: «В этом поиске мне помогала Алла Алексеевна Ижедерова, сотрудница Нефтегорского департамента культуры. В ответ на письмо, направленное в «Эрмитаж» от имени нефтегорской администрации по поводу одной из икон, было написано, что в запасниках музея такой иконы нет, но хранится икона Святого Николая Чудотворца работы Григория Журавлёва. Никто в музее не знал истории этой иконы. На обратной стороне её — надпись, которой ранее никто не придавал значения: «Госнаследие цесаревича». Прежде, работая в РГАЛИ с архивами самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева, я обнаружил письма к нему Григория Журавлёва. В одном

из них он пишет, что посылает вместе с отцом икону, выполненную по заказу губернатора...»

Обращаясь к Свербееву, художник перечислил более десятка икон, созданных им по его просьбе.

В том же архиве Малиновский обнаружил письмо Журавлёва цесаревичу Николаю от 1884 года с просьбой принять специально написанную для него икону.

«Речь шла как раз об иконе Святого Николая Чудотворца, хранящейся ныне в «Эрмитаже», — рассказывал писатель. — Кстати, и газета «Самарские ведомости» от 16 января 1885 года писала о том, что Григорий Журавлёв обратился к самарскому губернатору с просьбой передать икону цесаревичу. Что и было сделано, это газета подтверждает. Я написал об этом в своей книге...»

В выставочном центре «Эрмитаж-Выборг» прошла выставка «Последний российский император». Одним из главных экспонатов стала икона Григория Журавлёва «Святой Николай Чудотворец».

Многие посетители выставки тогда проявили живой интерес к этой иконе Журавлёва, долго расспрашивали Малиновского о ней и о её авторе. Александру Станиславовичу пришлось выступить и в роли искусствоведа. Прямо в выставочном зале он давал пояснения. А потом минут сорок рассказывал сотрудникам лаборатории реставрации об этой иконе...

«Во всём мне хочется дойти // До самой сути...»

Подумать только: учёный-химик, краевед-любитель рассказывал сотрудникам «Эрмитажа» о святыне, которая много лет практически незамеченной хранилась в запасниках музея!

«Мы обсуждали манеру письма, её художественные достоинства, — вспоминал потом Малиновский. — Невольно обратили внимание на тревожный лик Чудотворца... Это действительно так. Здесь Журавлёв отступил от традиции. Я просмотрел много старинных икон с изображением Николая Чудотворца. И все они отличаются от лика, написанного Журавлёвым...»

Почему же утёвский иконописец отступил от традиционного написания лика Николая Чудотворца? У Малиновского было своё объяснение этой загадки.

«Я об этом размышляю в своей книге, — говорил он. — Цесаревичу было тогда 16 лет. Он знал, что в будущем ему суждено быть царём. В России тревожная обстановка. Убит Александр II... В дневниках Николая Романова есть запись о том, что он страшится того момента, когда станет царём. Когда это время пришло, он плакал. Цесаревич морально не был готов к этому. Я и пишу: «Возможно ли такое, что в далёком заволжском селе простой крестьянин понимал всю трагичность положения России, с которой столкнётся будущий царь?» У меня нет однозначного ответа на этот вопрос. Но думаю, что в народе ощущалась грядущая трагедия... Отчего цесаревичу была послана именно эта икона? Святитель Николай Чудотворец жил около семнадцати веков назад, когда Римская империя преследовала христианство. Николая Чудотворца отличали стойкость и жертвенность. Этого же ожидал народ и от будущего российского царя...»

Поиски творческого наследия иконописца помогли многое понять в истории нашего Отечества. И самому писателю, и читателю, которого он приглашает в путешествие в глубь истории. Особенно показательно в этом отношении знакомство с дневниками бывшего самарского губернатора Александра Свербева. В этих записях и других архивных документах Малиновского ждало немало открытий, которыми он поделился с нами, читателями. Одно из самых удивительных — текст завещания, который оставил Александр III своему сыну. Этот удивительный документ почему-то не очень часто упоминается в трудах наших историков. А жаль. Многие в нём звучат актуально и в наши дни. Вот отрывок: «Будь твёрд и мужественен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только Самого Себя и Своей совести. В политике внешней — держись независимой позиции.

Помни, у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн. В политике внутренней — прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в годы бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

Как тут не согласиться с автором книги, которого поразили эти слова Государя. «Прочитал я завещание и не смог сразу отойти, — пишет Малиновский. — Начал читать повторно, уже не торопясь, проникаясь судьбоносностью и пронзительностью строк, давая отчёт в том, что речь в завещании идёт не только о самодержавии, речь о нас всех...»

Икону с ликом святителя Николая Чудотворца, подаренную цесаревичу, будущему императору Николаю II, Александр Станиславович искал пять лет. В книге не только рассказ о её обретении, не только её фотография, но и копии найденных писателем писем художника. В том числе и письмо Журавлёва цесаревичу Николаю от 1884 года с просьбой принять специально написанную для него икону.

Поражает слог крестьянского самородка: «Покорнейше прошу Вас допустить препровождаемую сию икону до Вашего Высочайшего имени потому, что я не имею у себя рук и ног. И написал сию икону по вразумлению Всемогущего Бога, который допустил меня на Свет Божий. И даровал мне дар. Потом открылось движение моего рта, которым я управляю своё мастерство по повелению Божию».

Воспоминание о чуде

За эти пять лет Малиновский напал на след ещё нескольких икон. Одна из них — «Избранные святые» — находится в музее истории религии в Санкт-Петербурге. Другая икона, «Спас Нерукотворный», — в Паисиево-Галичском женском монастыре в Костромской области. Малиновский нашёл время, чтобы съездить туда, встретиться с иконой, а затем описал эту встречу.

Ещё одна удивительная находка была сделана в нашей области, в храме Вознесения Христова в селе Кинель-Черкасы. Историю её обретения Малиновский тоже описывает в своей книге. Это икона святителя Алексия, митрополита Московского, покровителя города Самары. Она была написана Журавлёвым по просьбе губернатора Свербева и находилась в иконостасе кафедрального собора Самары. В советское время собор взорвали, икона затерялась. И вот более чем через восемьдесят лет обрела новую жизнь.

Поиск каждой иконы — своего рода расследование, основанное на встречах с разными людьми. Помогало в этом деле автору и предыдущее издание книги о Журавлёве. Книга была как пароль. С её помощью, как рассказывал Александр Станиславович, он стремился привлечь как можно больше помощников к поиску творческого наследия иконописца.

От книги «Радостная встреча», даже от последнего её издания, остаётся ощущение незавершённости, и в этом, мне кажется, тоже особенность жанра. Как в фильме Козинцева по сценарию Шварца: Дон Кихот не уходит мирно из жизни под плач родни (как в романе Сервантеса), а снова в сопровождении доброго Санчо отправляется на поиски приключений, и они не закончатся никогда...

Никогда Дон Кихот не встретит свою Дульсинею. Но суть не в этом, а в дороге. В дороге к своей мечте. Никогда Малиновскому так и не пришлось снова увидеть журавлёвскую икону, прозванную в народе «Утёвской Мадонной». Как видение, как чудо, промелькнула она перед ним в ранней молодости. Промелькнула и скрылась.

«В Дрезденской галерее, — вспоминал писатель, — я видел «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля. Я испытал тогда неопишное чувство. Близкое к этому ощущение возникло и от «Утёвской Мадонны» Григория Журавлёва. Хотя там необычный для мадонны образ...»

В книге впечатление от встречи с этим образом писатель описывает так: «Мне кажется, душа художника-са-

моучки более всего проявилась в этой небольшой картине-иконе. Тогда я впервые услышал, как её называют в народе: «Утёвская Мадонна». На иконе небольшого формата изображена крестьянка в белом платке с младенцем на руках. Лицо простое, типично заволжское. Большие тёмные глаза. На губах чуть наметившаяся улыбка. Нет ни тени церковности. Но всё же картина воспринимается именно как икона...»

Книга — как дорога. Поиски прекрасного и порою, увы, несбыточного. Как горизонт, оно приближается и, кажется, вот уже — рядом, только руку протяни. Ан нет.

В книге Малиновского есть сделанный его приятелем чёрно-белый снимок с так и не найденной «Утёвской Мадонны». Этот снимок — как мираж. Как воспоминание о чуде.

Сделаю небольшое отступление и вспомню, как побывал по журналистским делам в храме Святой Троицы в Утёвке. Малиновского тогда уже не было в живых, а храм ещё не начали реставрировать.

Огромный, небесно-синего цвета купол был виден издалека, он поражал своим величием и мощью. Рядом возвышалась колокольня. И над ней в тот жаркий июньский день вились ласточки. Было ощущение покоя и тихой радости. Рядом — цветники, колодец со святой водой. Возле храма — несколько могил. Вот одна из них. Синий православный крест, лик Христа и начертанные слова из Евангелия: «Заповедь новую даю вам: Да возлюбите друг друга». Чуть ниже, на памятнике, написано: «Здесь похоронен художник-иконописец Журавлёв Григорий Николаевич 1858–1916». Под надписью — два поэтических отрывка. Один из них такой: «...И ты сумел делами воплотить свою любовь к родному краю». И подпись: «А. Малиновский 1992».

В храме увидел несколько икон кисти Журавлёва. Мне дали полистать копию альбома с его карандашными рисунками. Увиденное поразило. Рядом с рисунками, точно копирующими иллюстрации к одному из изданий Библии, — авторские карандашные эскизы Журавлёва. Лики Христа

и портреты земляков. Среди них — несколько блестящих эскизов к «Утёвской Мадонне». Более всего удивило, как в обычной крестьянке, своей современнице мастер сумел разглядеть нечто божественное...

Много лет Александр Станиславович мечтал найти эту икону. И путь к возможному её обретению тоже обозначен в книге. Поиски «Утёвской Мадонны» — целая история, почти детективная. Вот как рассказывал об этом сам писатель: «Ранее икона хранилась в доме одной из жительниц Утёвки — Подусовой. В 1964 году мы с приятелем сфотографировали её на чёрно-белую плёнку. С тех пор чуть ли не по всему миру эту работу знают именно такой — в чёрно-белом варианте. В цветном изображении почти никто икону не видел. В конце 80-х годов я приехал в Утёвку, чтобы запечатлеть икону на киноплёнку, со мной была тележурналист Елена Умнова. Из дома вышли два незнакомца: «Хозяйка больна, а мы вам ничего не покажем». Часа полтора уговаривал — бесполезно. Не драться же с ними... Через три-четыре недели я опять поехал к Подусовой. А её уже не было в живых. И икона исчезла.

У этой истории есть продолжение. Несколько лет назад на площади Куйбышева была выставка фотографий Виктора Пылявского — храмы, снятые сверху. Около охранника лежал журнал с восторженными отзывами. В одном из них человек написал: «У моей дочери Лены есть одна из работ Журавлёва — икона с Мадонной в крестьянском головном уборе. Живём мы с ней в Самаре недалеко от места выставки». Ни телефона, ни адреса... Пытаюсь найти этого человека — пока ничего не получилось. Я понимаю, икона — чья-то собственность, никто и не претендует на неё. Но это же и всенародное достояние. Люди должны увидеть хотя бы её цветную фотокопию...»

Кто знает, выйдет ли когда-нибудь это журавлёвское чудо на Божий свет? Или так и будет таиться где-нибудь в частной коллекции, словно в сундуке Скупого рыцаря?

В поисках истины

Шестое издание «Радостной встречи» вышло не только на русском, но и на английском языке. У книги есть читатели и за границей. Многим книга разбередила душу. Для читателей Григорий Журавлёв стал символом стойкости, несгибаемого таланта.

В одном из откликов сказано, что книга интересна «фактами и отношением автора к материалам, его переживаниями и стремлением докопаться до истины, показать читателю реальную сторону происходившего несколько десятилетий назад и в настоящее время». Другой читатель считает, что эта книга «оживляет интересную и полную радости историю необычного человека. Нечасто можно где-то прочесть о подобном. Такие повествования помогают сохранять историческую память».

Повесть Малиновского как будто вырвалась за рамки печатного издания и стала частью реального мира, сделав его лучше, осмысленнее, интереснее. И теперь, когда автора нет, продолжает свою самостоятельную, красивую жизнь.

В Утёвку проложены туристические маршруты. Немало людей приезжает сюда, чтобы прикоснуться душой к тому месту, где родился иконописец-подвижник. Где родился летописец его жизни. И где оба упокоились.

Не было бы книги «Радостная встреча» — вряд ли в 2021 году состоялась выставка журавлёвских икон «Вопреки невозможному». Она триумфально прошла более чем в двадцати городах России. В том числе в Государственном музее истории религии Санкт-Петербурга и в Москве, в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва.

Как-то в беседе со мной Малиновский сказал, что окончит свою книгу только тогда, когда найдёт «Утёвскую Мадонну». Не нашёл, не успел. Сможет ли это кто-то другой? Вряд ли. Да если и найдётся утерянная святыня, мне кажется, сама природа изобретённого Малиновским жанра тако-

ва, что «Радостная встреча» не может закончиться. Как не может закончиться дорога, по которой едет на своём Росинанте Дон Кихот. Как не может погаснуть тяга человека к открытиям, тяга к прекрасному.

Последние два издания книги — шестое и седьмое — появились уже после смерти Александра Станиславовича. Они вышли в 2018 и 2021 годах. Вышли, прежде всего, благодаря его жене, Ларисе Петровне, и дочери, Юлии Александровне. И снова издания дополнены новыми материалами. Они рассказывают, как продолжают в последние годы дела, начатые Александром Станиславовичем Малиновским.

Радостная встреча продолжается...

2 место

Ирина Владимировна

г. Казань

Печать души

Эссе

*Но скажешь мне: какая польза
от слов твоих? Есть польза,
если кто слушает меня.
Я делаю своё; сеятель сеет.*

Иоанн Златоуст

«Молодость хороша ощущением пути. К этой мысли Александр Ковальский будет неоднократно возвращаться через три с лишком десятков лет».

Вместе с героями своих произведений известный российский писатель, Александр Станиславович Малиновский, автор многих повестей и рассказов, снова и снова проходит этот путь, путь зрелости и совершенства. И мы, читая его произведения, идём с ним нелёгкой дорогой поиска.

Его творчество уникально своей самобытностью и неповторимостью. Оно отличается умением автора наблюдать за природой человека, его внутренним миром. Александр Станиславович предлагает нам вместе с его героями задуматься о смысле жизни.

«Есть ответы, которые надо искать самому», — читаем в повести «Встречный ветер». И Александр Малиновский искал их на протяжении всей жизни, выражая собственные мысли через персонажей своих произведений. Герои повестей и рассказов не выдуманы, они живут рядом с нами. Трудятся, страдают, мечтают, любят.

Его книги затрагивают не только отношения между людьми в сложных и противоречивых жизненных ситуациях, но и через них поднимают важные проблемы современного общества.

Как-то я услышала слова известного священника миссионера Андрея Ткачёва. Он сказал, что писатель — это человек, бросивший в море бутылку с письмом и надеющийся на то, что её откроют и прочтут спрятанное послание.

Но чтобы понять написанное, надо быть причастным к духу человека, это написавшего.

Я ощущаю эту причастность и в своей душе нахожу отклик на всё, что хотел донести до нас писатель Малиновский. Автор привлекает и подкупает меня умением ненавязчиво и проникновенно анализировать взаимоотношения людей и происходящие события.

Александр Малиновский взывает к вселенной, спрятанной в душе каждого человека. Он пишет о жизни общества, о России, но всегда в основе всего этого видит человека. Человека, равнодушного к Родине и к людям, его окружающим.

«Его привлекали к себе люди, умеющие делать конкретное Дело. И обычное, и значительное». Так говорит Малиновский устами главного героя книги «Под открытым небом» Александра Ковальского, в судьбе которого отражена жизнь целого поколения.

И сам автор этого творения тоже заключает в себе целую эпоху. Его рассказы и повести не сходны по сюжету, но все они едины по духу. То ли это происходит на нефтехимическом заводе в повести «Встречный ветер», технологические процессы и производственные отношения на котором он описывает со знанием дела, то ли в квартире Сергея Сергеевича в рассказе «Новое имя», или в жизни новоиспечённого пенсионера Касторгина, нашедшего в себе силы на обновление в повести «Отклонение», или с героями цикла рассказов «Голоса на обочине» — везде лейтмотивом звучит душа человека со своей болью, радостью, надеждой.

В произведениях Малиновского очень точно передана атмосфера тех лет, в которых происходят описанные события. Его интересуют люди, их судьбы. «Он впитывает все как губка», а потом отражает на страницах своих книг.

«Какое сомнительное дело — литература. Как всё зыбко и неопределённо в ней, — думал Ковальский. — Надо всего себя принести в жертву — тогда ещё можно на что-то надеяться, а делить себя на половинки — пустое дело...»

Эти слова со всей определённой можно отнести к Александру Станиславовичу. Вся его жизнь является их подтверждением. Литература и судьба писателя не разделены. Простые истины и человечность во всём, что делает Малиновский, определяют его суть, которую мы ощущаем в книгах писателя. Добившийся признания, не только в своей основной трудовой деятельности, но и в любимом деле, литературе, он кропотливо на протяжении долгого времени собирает исторические документы о художнике-земляке Григории Журавлёве, которые лягут в основу его произведения «Радостная встреча», находит документы для создания большого труда «Сага о первооткрывате-

лях», участвует в восстановлении Храма, в организации музея.

Таким образом, он ставит «печать» своей души на всё, что делает.

«Сбережение правды и добра — разве это не главное?» — словами одного из героев Александр Станиславович будто подтверждает моё личное мнение о нём. Это жизненная позиция писателя и человека Малиновского. Ему хотелось успеть сделать многое, и он писал: «Успеть бы сделать задуманное. Осмыслить увиденное и пережитое лично, страной».

Важно отметить, что в произведениях Малиновского проникновенно звучит божественная тема. И появилась она не случайно. Писатель пропустил её через душу, почувствовав на себе промысел Божий во время подготовки книги о художнике, родившемся без рук и ног и писавшем иконы, зажав кисть зубами.

«Есть среди моих книг одна, которая не только повлияла на моё дальнейшее творчество, но и на формирование моего мировоззрения, привела меня к православию, хотя крещён я был в самом раннем детстве, когда был слепым».

И словно о своих личных ощущениях говорит Александр Станиславович, описывая состояние души героя повести «Встречный ветер»:

«Под куполом Храма чувствовал, что с ним происходит нечто такое, что рождает в нём новое и глубокое отношение к миру».

Я не перестаю удивляться трудолюбию писателя и человека Малиновского, его стремлению докопаться до истины, найти то главное, что приводит людей к подвигам, которые они совершают. Его произведения поражают глубиной знаний всего того, с чем он соприкасался и о чём писал.

Имея огромный опыт научно-исследовательских работ, Александр Станиславович подходил ко всему с основательной подготовкой, изучая архивные материалы, документы. В его книгах исторические и реальные события органично переплетаются с судьбами людей.

Малиновский постоянно совершал открытия, занимался поиском и изучением событий, которые ложились в основу его книг.

И весь его труд — это подвиг длиною в жизнь, видимым проявлением которого являлась любовь к Родине и к тем ценностям, которыми он жил.

Уникален и удивителен документально-художественный роман «Сага о первооткрывателях». Он сродни научной работе. Писатель собрал и использовал официальные документы, записи самих первопроходцев, отправившихся на освоение Северо-Востока России. Но это не простое описание фактов. Как обычно, в своих произведениях, в первую очередь Малиновский рассказывает о судьбе реальных героев, о их жизни, нелёгком труде, который сами они воспринимают как радость служения Родине. Сага рассказывает о Валентине Александровиче Цареградском, Юрии Александровиче Билибине, их соратниках, родственниках — о настоящих людях, делающих своё дело. На протяжении многих лет изучая не только события, связанные с основными героями и их близкими, но и предшествующие исторические факты, писатель создал настоящую «сагу», охватывающую большой временной период и несколько поколений людей, посвятивших свою жизнь геологии, исследованию недр, добыче полезных ископаемых.

Я будто слышу его голос: «И я писал, всё больше радуясь за людей пытливой мысли, удивляясь и досадуя, как мало сам знаю и не всё сделал, что задумал. Отмечал, как много значит удачное соединение научной мысли и инженерной практики. Как важна обоюдная связь: учитель — ученик! Если они единомышленники! Как много когда-то стояло за званием «инженер»! Сага моя в первую голову о них... инженерах».

Сотворив такое значимое произведение, он и сам, по сути, являлся первооткрывателем, открывая в людях и показывая нам глубинные процессы их души, способность определять себя и своё место в обществе, умение находить способы решения различных проблем.

Путешествие на резиновой лодке по реке Самарке, где на протяжении двадцати трёх дней Александр Станиславович не переставал удивляться красотами своей малой Родины и по крупинкам собирал историю родного края, подтверждает его дар открывателя нового.

Творчество Малиновского очень разнообразно и так же широко и многолико, как его чистая душа. Оно представлено повестями, рассказами и стихами.

Нельзя не отметить большой пласт в творениях Малиновского, представленный литературой для детей.

В детских книжках Александра Станиславовича через простые истории маленькие читатели соприкасаются со всей сложностью этого мира, учатся отвечать за свои поступки, справляться с трудностями, отличать добро и зло.

Герои повести-сказки «Три смельчака» бобр Боря, тушканчик Тиша и скворушка Серёжа будто плывут не по реке, а по жизни, несущей их в неизведанное. И дети, взрослеющие на его книгах, путешествуют вместе со сказочными героями, познавая мир.

Сочиняя рассказы и сказки для детей, писатель окунается в своё детство в с. Утёвка, о котором вспоминает с нежностью и любовью.

«Теперь нет-нет да и увижу себя среди лугового разнотравья, под синим небом над головой. И — в сиреневой майке. Как в детстве! У реки! И радость на душе от того, что было у меня в жизни такое...»

Все мы родом из детства. Маленький мальчик Шурка переживает об украденных прищепках в повести «Госпиталь на Молодогвардейской» и о том, что не смог рассказать правду. Это мучает его. Так писатель показывает нам становление подрастающего человека. «Без самоуважения жить не просто», — скажет позже уже взрослый Шурка — Александр Ковальский.

Красота души и чистота помыслов формируются ещё в детстве и сохраняются на протяжении всей жизни. Спасибо Александру Станиславовичу за эту экологически чистую

красоту, с которой мы соприкасаемся, читая его произведения и наполняясь светом его души.

Вся жизнь и творчество Александра Станиславовича укладывается в простые искренние слова преподобного Амвросия Оптинского:

«Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно, тогда наше дело будет верно...»

«Могу сказать, что писал как дышал», — так сам писатель говорит о своём труде. Да, он писал как дышал о вечных ценностях, просто и доступно, потому и не ослабевает интерес к его творчеству.

В заключении, подводя итоги сказанного и делая выводы о значении трудов Александра Станиславовича Малиновского в литературе нашего времени, хочу отметить, что всё написанное им — это как глоток чистого воздуха, ощущение чистоты и экология души.

Слово экология в переводе с греческого означает наука о доме.

И книги Малиновского — это наука о доме души.

2 место

Татьяна Шахлевич

с. Абрикосовка, Республика Крым

Вся жизнь под открытым небом

Эссе

Полоски электрического света размазаны по мокрому асфальту. Полдня моросил долгожданный осенний дождь. В степном Крыму весной и летом тучи не хотели останавливаться и, как отдыхающие, стремились на южный берег. Там они омывали резные листья платанов, многолюдную

набережную, громко болтали с морем. Мы, сельские жители, с надеждой смотрели на небо, читали прогноз погоды да полили свои грядки из шланга и лейки.

Я иду не спеша по самой тихой улице, чтобы осмыслить прочитанную книгу А.С. Малиновского «Под открытым небом». На первый взгляд, автор рассказывает о простых сельских людях простым, незатейливым языком. Без вычурных оборотов и высокопарных слов. Но душа моя откликается на эту простоту: щемит, волнуется, сопереживает, плачет. Значит, автор сумел задеть потаённые струны читателя, и они зазвенели. Вспомнились строки Н. Рыленкова: «Здесь мало увидеть, здесь нужно всмотреться. ...Здесь мало услышать, здесь вслушаться нужно».

«Под открытым небом» — это эпический цикл из пяти повестей. Главный герой Шурка, Александр Ковальский. «Жажда знать и видеть как можно больше подталкивала его постоянно». В детстве Шурка задал бабушке вопрос: «Кто я?» И всю жизнь искал на него ответ. Семья у мальчика обычная, да не совсем так. Два отца (биологического ни разу не видел, а присутствие его ощущал), бабушка — любительница повествовать всякие жалостливые истории, мама-оптимистка веселила своими рассказами. Дед любил петь. Негромко, неторопливо, для себя, а не для слушателей. Пел в степи, в лесу, в дороге, дома, что-то мастера или когда вязал бредень. Однажды Шурка был на концерте приезжих артистов. Выступали они на самодельной сцене на природе. Зазвучала «Липа вековая». Красивый, нарядно одетый солист пел резко, с напором, будто с кем-то спорил. «Вокруг луговая трава, озеро Подстепное — слева, справа — Осинное и Лещевое. Дальше, где синева ложится большим широким пологом с белыми кудряшками на зелёную необозримую ленту леса, прячется Самарка. От неё всегда исходит особый свет». Шурке не понравилось исполнение песни, сердцем почувствовал неестественность. Отец, Василий Фёдорович, инвалид с негнущимися позвоночником и ногой, старался не быть обузой семье, за всякую работу

брался, многое умел: поточить ножницы, отремонтировать сепаратор, подшить валенки, плести кошёлки, плетни, а ещё умел руководить рабочим процессом спокойно и уверенно. Односельчане его уважали. Шурка тоже без дела не сидел. Рыбалка, охота, сенокос, огород — это так, мелочи. Копал с матерью колодец, который назвали Шуркиным, делал кирпичи из самана для нового дома, помогал матери убирать в Доме культуры. Дядья у Александра играли на многих музыкальных инструментах, увлекались фотографией, рисовали масляными красками огромные копии известных картин. В избе деда часто вслух читали книжки. Да и сам Шурка много серьёзных книг прочитал в детстве. Гибель Дерсу Узалы вызвала слёзы, душа мальчика разрывалась от несправедливости. Вот такая, не совсем типичная, была семья у Александра Ковальского. Родные и односельчане сформировали характер юноши. Честность, целеустремлённость, трудолюбие, профессионализм, самокритичность, любовь к Родине, уважение к людям труда — эти и другие черты характера присущи Ковальскому, как и самому Александру Малиновскому.

Почему меня так зацепила книга? Потому что автор, старше меня на десять лет, описывает те чувства, которые и я испытывала, те события, свидетелем которых и я была. Наши родители пережили войну. Мама до пятидесятого года (до переселения в Крым) жила в Чувашии, там тоже лепили птичек из теста, запекали, а потом бросали на копну со словами: «Жаворонки, прилетите, красну вёсну принесите. Нам зима уж надоела, она весь хлебушек поела». Дети зазывали весну. У них в деревне тоже жил белый, как лунь, старик, только он не гадал на бобах, а так «видел», предсказывал. Нашим родителям некогда было нас воспитывать, им надо было работать. Весной мама брала меня и брата на подвязку виноградной лозы. В воскресенье, единственный выходной от школы, хотелось поспать, но шли помогать взрослым. Кусты винограда стояли растрёпанные, аж страшно заходить в междурадьё. «Глаза боятся — руки делают», — подба-

дрилала нас мама. Летом низали острыми длинными иглами листья табака. Тюки с табаком сбрасывали у ворот дома, дети и пенсионеры до темна нанизывали на шнуры широкие листья. Осенью школьники старших классов организованно помогали колхозу убирать виноград, помидоры, перец, яблоки. Воспитывали нас трудом, не думая, что это воспитание. Так жили все или почти все. Правление колхоза поощряло детей поездками в Волгоград, Ленинград, на Кавказ. Когда маму после операции перевели на «лёгкий» труд уборщицей в тракторную бригаду, я ходила с ней.

Мне близко желание Александра Ковальского дать ребёнку патриархально-индустриальное воспитание. В селе, где все на виду, под открытым небом, хорошо видно, кто чего стоит. В деревенском детстве среди полей и лесов, на берегу реки или озера больше получишь опыта для понимания жизни. Потом можно и город осваивать с его заводами, фабриками. Александра не покидало чувство сироты в большом городе. «Я жил как бы с необрезанной пуповиной, соединявшей меня с породившей меня средой». Большая разница была между сельским бытом и городским, Александр словно «с одного материка шагнул на другой».

В детстве Шурки были моменты, которых он стыдился: загорелась школа, а он обрадовался, не надо идти на занятия, взял без разрешения две алюминиевые бельевые прищепки, так и не смог их унести — совесть замучила. Совесть — мерило всех поступков в жизни Ковальского. Он тяжёло перенёс гибель своего друга Николая Румянцева, смерть Верочки Рогожинской, любимой женщины Анны Бочаровой.

В произведении А.С. Малиновского небо — такой же персонаж, как и другие герои. Высокое, звёздное, завораживающее, широко распахнутое, оно притягивало взгляды. «Неужели там, над нами, действительно кто-то есть?» — думал Шурка. Шли годы, менялись события и люди. «Под открытым небом Средней Волги раскручивался маховик химизации земель».

Нефтехимия — дело жизни и писателя, и его героя. Цивилизация, индустриализация нужны народу и государству, но это губительно для земли.

Слово «экология» не является только биологическим термином. Понятие экологии связано с безопасным существованием и материального, и духовного мира. Эгоизм, ненависть, тщеславие, жажда наживы загрязняют душу. Экология души — это охрана от загрязнения. А. Вознесенский в поэме «Ров» описывает судебный процесс над людьми, которые раскапывали место расстрела симферопольцев в годы войны, чтобы пожить золотыми коронками. Нелюди были разного возраста, разных профессий, из столицы и местные. Поэт утверждает: «Окружающая среда страшна, экология духа — страшней». Проповедник, писатель Иоанн Кронштадтский отмечал, что в воспитании человека опасно развивать только ум, гораздо важнее развивать чувства, сердце.

В романе «Под открытым небом» декан Калашников и доктор исторических наук Засекин иногда приглашали с собой на прогулки студента Ковальского. Они вели довольно смелые, по тем временам, беседы о душе. «Мы должны покаяться и вернуться к Богу. Придёт время, понятие души будет иметь место в материализме», — увлечённо говорил историк.

А.С. Малиновский помогал в строительстве храма в Новокуйбышевске деньгами, транспортом, выделял рабочих. На его заводе были вылиты кресты для куполов, изготовлены подсвечники. В двухтысячном году Александр Станиславович награждён медалью преподобного Сергия Радонежского первой степени, годом позже — памятной медалью Свято-Серафимовского храма. Священник С.А. Усков так написал о Малиновском: «Его душа стремится к возвышенному. Его произведения призывают к свершению добрых, богоугодных дел».

Я смотрела видео, где А.С. Малиновский говорил о том, зачем ему прошлое, почему часто ездил в родное село. Искал

ответы на вопросы, которые не решишь на заводе и в огромном городе. У него лучистые, ясные глаза, тёплый взгляд, неторопливая образная речь. Такому человеку веришь. «Его память неуспокоенная».

Вот и конец улицы. Дальше выгон, где когда-то пасли коров, сейчас редко кто держит корову или козу. Шумит трасса «Таврида», мелькая огоньками машин, за ней виднеется седая гора Агармыш. Огромное звёздное небо прикрывает своим куполом и меня, и село, и всю Землю.

3 место

Ирина Боштан

г. Королёв, Московская область

**Что такое талант,
или Кем был
Александр
Станиславович
Малиновский?**

Эссе

~ 74 ~

Знаете, нужно проникнуться творчеством, нужно дышать им. Но тут не подходит слово «нужно». Александр Станиславович Малиновский пел для нас, он не рассматривал своё творчество как обязанность, как необходимость, как работу. Он дышал строчками. Его стихи — воздух для него. Его слова как лесной аромат ели.

Веретено слов закручивается — и сплетается гнёздышко новых смыслов, красивых метафор, сказочных эпитетов. Спокойно душе от прочтения стихов о природе, о родном крае. Замирает сердце, будто хочет догнать ту «пепельную белку», о которой пишет Малиновский.

В творчестве Александра Станиславовича переплетается философская нить жизненных обстоятельств с любовью, которая лечит. Любовь, как та белка, перескочит с ветки на ветку, отряхнётся от пушистого и мокрого снега, спрячется к себе в уютное дупло и радостно вздохнёт, потому что любовь не видит преград, не чувствует холода и находит счастье в себе самой. Любовь не только слышит, но и слушает успокаивающее пение птиц, а красоту мира любовь видит во всём: в каждом многогранном колоске, колышущемся на ветру, в каждом прозрачном листочке, трепыхающемся в полёте до земли, в каждой снежинке, упавшей на варежку...

Прости, Матушка-Природа, что не видим твоих чудес. Александр Станиславович познал их, кажется, все... Он так талантливо описал твои невероятные мысли, твою суть... Невозможно, казалось бы, прочитать мысли самой Природы, но каким-то чудесным образом Малиновский заглянул в голову самой Матушки-Природы, он растворился в ней, в её мыслях, в её мечтах. Зимой ей хочется, чтобы снежное покрывало быстрее уже стянули с её горных плеч, а летом ей так жарко, что, наоборот, хочется, быстрее накрыться этим снежным покрывалом. Но в этом и есть вся её женская сущность. У капризной женщины семь пятниц на неделе. Именно поэтому и смена погоды такая неожиданная порой: то в слёзы она кидается, то через пять минут улыбается...

Невозможно оставаться равнодушным, читая строчки этого великого человека. Кто-то, может, скажет, что первый раз слышит о нём. Это же не Пушкин, не Лермонтов, не Есенин. Но, поверьте, слава и признание приходит к человеку лишь после его смерти. И даже не одно столетие должно пройти, прежде чем читатели в полной мере проникнутся волшебством слов, складывающихся в узор повествования или описания. Только время — главный показатель таланта автора: когда тысячи рецензий на его творчество напишут критики, когда в школе будет не одно поколение учить его стихи наизусть, а его рассказы войдут в обязательную программу школ, тогда и станет его имя в одну строку с величайшими писателями, такими как Достоевский, Толстой и Чехов. А пока эта история лишь пишется здесь и сейчас, начиная с этой моей рецензии и с других таких же, подобных ей.

Главное качество Александра Станиславовича Малиновского — умение передавать его силу любви читателям. Формула передачи этой любви очень простая: сохранённая энергии любви в сердце, помноженная на константу доброты, равна бесконечному потоку искренних строчек, проникающих прямо в глубину души.

Давайте на минутку подумаем: зачем писатель творит? Почему поэт не может не писать своих стихов? Для чего необъяснимый поток мыслей проходит сквозь писателя и выливается на бумагу? Кому пишет Автор? Какая цель им движет?

Представим себе ситуацию, если бы Малиновский не написал бы своих произведений? Вот ходил бы просто и восхищался природой, её красивыми пейзажами, но не передавал бы свои чувства читателю? Зачем писать, и кому это нужно?

Я расскажу сейчас одну интересную историю, немного отступив от темы касательно самого Малиновского, но придерживаясь его любимой темы таланта в принципе. Однажды, когда мне было лет семь-восемь, я увидела в небе лучезарное облако. Оно было окутано тайной. Облако было

серым в своём обрамлении, но оно всё равно светилось. Это необычное облако заорожило меня настолько, что я прибежала домой и тут же нарисовала его. Это был творческий порыв, это было невыразимое счастье для меня — нарисовать то облако. Я побежала потом к маме, к бабушке, к дедушке. Я показывала им своё облако так, будто я нарисовала какую-то истину, о которой они не знали, но должны узнать от меня. Они лишь кивали в ответ, что облако похоже на облако, что облака именно такие. Но для меня это облако было самым необычным на свете, самым волшебным. Я потом долго ещё искала такие же облака, но даже сейчас я понимаю, что такие красивые пейзажи — очень большая редкость. И взрослые не восхищаются лучезарными облаками, как это делают дети. Детское видение мира исчезает с годами, и все мы знаем почему. Я перестала искать своё облако где-то в 17 лет. Философским смыслом наделён стих, который я написала в подростковом возрасте.

*Оболочка ненужных видений
Истончается, как облака.
В водопаде безумных решений
Начинается путь в Никуда.*

Облака стали ненужным видением. И решение их рисовать стало безумным. Но тогда я остановилась в некой точке:

*Как тесен мир, в котором я живу;
А я хочу свободу за чертою.
Но все пути отрезаны, стою...
И верю в бесконечность за чертою.*

То есть, как и любой другой писатель, поэт, художник, я видела, что для меня этот мир не может быть однообразным. Я хотела показать это другим, но видела, что они не испытывают интереса к тому другому миру, который видела я. Но желание показать мир своими глазами было непреодолимо...

Рано или поздно каждый, у кого есть дар видеть то, чего не замечают другие, приходит к мысли, что он не может держать это в себе. Даже если на какое-то время закрывать в

себе этот дар, потому что хочется быть как все и не выделяться, но вечно быть в клетке, сидеть на жёрдочке и не летать очень сложно. И именно с чувством полёта можно сравнить процесс творчества.

Но вернёмся к Александру Малиновскому, который очень талантливо стёр грань между поэтическим и прозаическим. В этом и есть дар Художника, когда муравьишка становится Гераклом, а дятел — лекарем, когда осень превращается в Шамаханскую царицу, а лето ассоциируется со скрипкой кузнечика, играющего праздничную кантату Баха.

Но не только про природу писал Александр Станиславович, писал он также горькую правду жизни. Без прикрас, без метафор, рубил с плеча. Описывал жизнь и события в деревнях как есть, чтобы городские знали, что деревенские дома и школы деревянные, потому каждый день рискуют сгореть... Ничего тут сверхъестественного нет. И про талант тоже он не забыл сказать, что и в деревнях таланты рождаются сплошь да рядом. Как, впрочем, доказал он этот факт и тем, что отстаивал признание икон Журавлёва, как много времени посвятил он этой главе своей жизни в прямом и переносном смысле. Удивительно, ведь если бы не Малиновский, то никто бы почти ничего про Журавлёва не знал. Никому и дела бы никакого не было, кто был этот безрукий и безногий иконописец, и где сейчас его иконы.

Грустно, но в этом тоже своя горькая правда, насколько люди безразличны к судьбам других. Малиновский упоминал о том, что такие, как Журавлёв, милостыню просят с протянутой рукой. Но вопреки устоявшемуся мнению Журавлёв зарабатывал на жизнь с кисточкой в зубах, рисуя картины и продавая портреты, а в тяжёлые времена он выживал благодаря выписанному царскому пособию Николая II, который заказывал у него семейные портреты и был впечатлён талантом безрукого и безногого художника. И волей-неволей понимаешь, что во все времена были люди, которым физические недостатки не мешали добиваться своих целей, а их талант находил способ самовыражения.

В творчестве Малиновского каждое слово кричит о том, как он любил жизнь, как любил людей, как ценил своё присутствие в этом мире. И мир отвечал ему. Отвечал так, будто сливался воедино с ним. Отвечал, потому что верил, что Малиновский прочувствует. Жил на одном ритме с Миром, на единой волне, когда всё живое как целый организм, вся планета как общее дыхание. Малиновский выражал то, что хотела бы сказать нам вся Земля, будто был переводчиком с такого знакомого языка птиц и зверей, деревьев и цветов, дождя и ветра... Все мы слышим этот язык, но не понимаем его. Он же понимал и переводил нам этот язык звуков Природы. Переводя дыхание, Природа то стонала, то радостно кричала. Иногда взрывалась вулканами, но чаще пела песней соловья.

У Матушки-Природы много талантов. Главный талант её — открывать и вдохновлять другие таланты. И если кто не видит в себе талантов, то нужно прочитать Малиновского, дабы понять, что пытается сказать нам наша Земля. Не нужно искать, нужно слышать Природу. Она и есть ключ к познанию самого себя.

Будет время всё понять только в слиянии с природой. Александр Малиновский был безумно благодарен судьбе, что жил в деревне. Деревня подарила ему эту неуловимую взаимосвязь с солнцем, небом, землёй, деревьями, животными, особенно с конями, любовь к которым у него появилась от деда-конюха, с которым он по две-три недели жил в лесу. Живя в городе, люди далеки от тайн мироздания, далеки от ощущения чуда, точнее, они забывают среди многоэтажек, что мир живой природы удивителен.

Благодаря своему слиянию с Природой Малиновский стал изобретателем: более двадцати его изобретений нашли применение в производстве. Выбор профессии инженера для него был неизбежен, наверное. Природа всегда толкала людей на изобретения: восторгающие глаз крылья бабочки, паутинки-сети, парашютики-одуванчики, павлиний хвост воланчиком, кошачий глаз, способный отражать свет в тем-

ноте... Как тут оставаться равнодушным, если так и хочется что-нибудь изобрести!

Как же всё было интересно этому человеку, и как он заинтересовывал других. Например, когда Александр Станиславович узнал, что даже самарцы не знают исток реки Самары, то отправился в настоящую мини-экспедицию, итогом которой стала книга «В плену светоносном». Очень примечательна его фраза, что река петляла, «как голубая светоносная артерия». Подробно описав, где находится исток, как он его нашёл, Малиновский также нарисовал карту. Получается, что эта светоносная артерия вдохновила его, писателя, исследователя, изобретателя, стать картографом и краеведом.

После того как книга вышла в свет, уже не один краеведческий отряд дошёл до истока реки Самары. Малиновский заставлял людей видеть то, что видел сам. Он, как проводник, вёл читателей, говоря им, что они слепы, но могут прозреть, если станут верить в то, что есть нечто большее, чем просто зелёная трава и засохшая, в трещинах, земля. Как проводник, Александр Станиславович привёл читателей к прекрасному — к речке, которая хвасталась не своей многовековой историей, а журчала о том, сколько песен спели ей птицы. Малиновский пытался донести мысль, что, конечно, хорошо читать книги, представлять в своём воображении, что есть такая река, но, не увидев реку, не познакомившись с ней, не услышав её журчание, не сроднившись с ней, не сможешь осознать биографию без близкого общения, не составишь свой портрет по чужому портрету. Всегда, читая книгу, ты видишь глазами автора либо его героев, но никогда не видишь так, как если бы ты сам через это прошёл. Это всего лишь иллюзия опыта. Но настоящий истинный опыт даёт нам реальный мир. Книги учат нас видеть, не видя, и слышать, не слыша. Природа учит нас воспринимать жизнь в её первозданном совершенстве.

Что хочется ещё раз подчеркнуть, это то, что, читая произведения Малиновского, очень хочется перенять у него тот опыт, который он проживает всей душой.

Александр Станиславович умел делиться своим опытом, заражая читателя своим желанием познания мира через себя и познанием себя через мир. Даже есть такой момент, что Природа даёт тебе ключ к тому, как из грусти, обиды, злости выйти в противоположное гармоничное радостное состояние. Есть энергия у Природы, которой она готова с каждым поделиться. Наполниться этой энергией легко. И тому подтверждающим примером является сама личность Александра Станиславовича Малиновского. Он успевал работать на заводе на руководящей должности, писать при этом рассказы, стихи. Успевал преподавать в университете, изучать иконы Журавлёва, быть краеведом, изобретателем, учёным, получать десятки премий в области литературы, инженерии. И душа его продолжала гореть творческими идеями. Природа его заряжала энергией, он, в свою очередь, передавал эту энергию своим читателям, слушателям. Безвозмездно отдавал, не требуя взамен почестей, благодарностей. Хотя они сами его находили, но важнее было для Малиновского другое — убедить людей в исключительной важности Природы, приобщить их к этому удивительному миру бесчисленного разнообразия видов и форм. Природа дарит бесконечное слияние души с чем-то необъяснимо прекрасным, когда мы не можем выразить словами то чувство гармонии и умиротворения, которое разливается по всему телу от ощущения себя частью этого мира, когда мы восторгаемся фейерверком снежинок, искрящихся на солнце, или стремительностью водопада, kloкочущего и танцующего в горах. Это и называется экологией души, когда внешний мир Природы проникает в наш внутренний мир и наши мысли совпадают с замыслами Творца относиться бережно и с любовью ко всему живому. Этот опыт бесценен. И Малиновский не мог не получить признания и остаться незамеченным, ведь Дух Земли благословил его на передачу опыта общения с Природой современникам и потомкам.

3 место

Наталья Кулёмина

г. Нефтегорск, Самарская область

**Малиновский —
человек, влюблённый
в свою Родину**

Эссе

«Экология души» — как интересно сплелись два важных понятия...

Это очень похоже на творчество нашего замечательного земляка! С самого раннего детства мы слышим от взрослых,

что экология очень важна для человека, для его будущего. То же и с душой! Помните, как в детском саду мы сначала кормим птиц вместе с воспитателем и родителями, став по-старше — учим слова гимна нашей страны, маленькими ручками бережно делаем открытку маме!

Вот она, экология души, всё то, что близко нашему сердцу, от рождения и на протяжении всей жизни.

Сегодня очень большое внимание уделяется вопросу воспитания патриотизма. Поколение моих родителей, которое родилось в 1950-х, — это в большинстве своём дети участников Великой Отечественной войны, с самого раннего возраста они любили свою страну, гордились отцами и дедами, отдавшими свою жизнь в борьбе с фашизмом. Они с детства знали эти прописные истины! Ухаживать за могилами солдат, поздравлять ветеранов с 9 Мая, собирать фотографии и биографии участников Великой Отечественной войны — всё это было неотъемлемой частью жизни каждого! Родители дали им напутствие на всю жизнь — жить под мирным небом и всегда помнить тех, кого унесла жестокая война.

Времена меняются, но люди остаются. И теперь уже новое поколение внуков и правнуков должно сохранить в памяти для потомков историю нашей страны. Экология души в современном обществе — это не столько образованность (институтов в нашей стране достаточно), но должна быть в людях ещё и нравственность, духовность, культура общения, любовь к малой и большой родине, к истокам бытия, к своему роду.

«Мне очень повезло! Вот конкурс, в котором я очень хочу поучаствовать!» — подумала я, когда увидела на просторах интернета информацию о конкурсе, посвящённом Александру Станиславовичу Малиновскому, и конечно же я сразу поделилась записью, чтобы как можно больше людей узнали, что и они могут написать о земляке.

Я очень счастлива от того, что мне довелось видеть Александра Станиславовича, беседовать с ним. Кажется, что это было вчера, но на самом деле прошло уже порядка 10 лет с этого момента.

Я работаю в Нефтегорском краеведческом музее. Как много Александр Станиславович сделал для него. Каждая наша музейная выставка начинается со слов благодарности именно этому человеку. И не зря портрет А.С. Малиновского, его рукописные тексты, книги, очки, пиджак, фотографии из личного архива, удостоверения и многое другое занимают центральное место в нашем музее. Всё это бережно хранится, и мы очень благодарны, что некоторые экспонаты подарил нам лично Александр Станиславович!

Об этом человеке можно говорить много! Все его регалии трудно перечислить, но самое важное — это то, что он был настоящим патриотом, искренне любил малую родину — с. Утёвка Нефтегорского района. И вся душа его была направлена на сохранение истории любимого села, района, области, страны!

Смело можно сказать, что имя Григория Журавлёва открыл многим людям именно Александр Станиславович! Его книга «Радостная встреча» — одна из моих любимых книг. Читается легко, запоминается каждое слово... Так и хочется пересказать её посетителям нашего музея, чтобы они тоже полюбили свою малую родину, как любил её автор книги. Он по крупицам собирал информацию, отыскивал краеведов, жителей с. Утёвка, которые хоть что-то знали об уникальном иконописце — Григории Николаевиче Журавлёве, писавшем иконы, не имев ни рук, ни ног.

И здесь черед событий, которые говорят о большой и доброй душе. Александр Станиславович подарил музею карандашный портрет молодого человека Ивана Соловьёва, написанный Григорием Журавлёвым! Это уникальный подарок, который мог преподнести только человек такой чистой и открытой души, как А.С. Малиновский. Этот его бескорыстный поступок мы всегда будем помнить. За долгие годы портрет не просто находился в Нефтегорском музее, он экспонировался на выставках в с. Утёвка, в г. Самаре, и конечно же его увидели в Москве!

Как бы был несказанно этому рад Александр Станиславович: его труды по поиску работ Григория Журавлёва

не прошли зря! Большая выставка «Вопреки невозможному. Нерукотворные иконы Григория Журавлёва», которая в 2021 году собрала не только иконы, но и карандашные портреты, зарисовки, документальные источники жизни иконописца, поразила всех. Идея провести серию выставок в память о Григории Журавлёве родилась ещё в 2020 году.

Благодаря стараниям депутата Государственной Думы Александра Евсеевича Хинштейна и поддержке Губернатора Самарской области Дмитрия Игоревича Азарова, удалось преодолеть много технических сложностей, и долгожданная выставка состоялась. Слова благодарности при открытии звучали в адрес именно Александра Станиславовича Малиновского, так много сделавшего для того, чтобы имя Журавлёва не было забыто.

Вот так бывает в нашей жизни: нет с нами Александра Станиславовича, а дело его живёт, потому что крепко заложил он основу, много дал современному обществу, много источников открыл, чтобы и мы могли гордиться земляком.

Примечательно, что в 2021 году уникальная мультимедийная выставка о жизни и творчестве знаменитого утёвского иконописца Григория Журавлёва работала на 23 площадках России в пространстве «Россия — моя история»!

Думаю, Александр Станиславович гордился бы этим. Потому что, будучи человеком не только творческим, но и технически подкованным, он всегда шёл впереди, опережая своё время, даря людям новое. Никогда он не боялся перемен или нововведений, наверное, поэтому и прожил свой век на одной волне с разными поколениями, и всех он понимал, со всеми находил общий язык.

Скажу честно, осознание того, что нужно больше знать о своём роде, своих корнях, беречь всё это и давать знания детям, пришло именно тогда, когда я стала работать в музее, и закрепилось в моём сознании в тот момент, когда я стала мамой. Поэтому и к молодёжи, которая ещё пока смотрит на это с некой усмешкой, мол, успеем ещё, какие наши годы, я отношусь вполне спокойно.

И верю, что если эти подростки хотя бы раз были в библиотеке или музее, то они обязательно слышали имя Александра Станиславовича Малиновского и в их память закрался тот самый смысл, что человек без любви к своей Родине существовать не может. А значит, эти подростки, став старше, обязательно проникнутся всей душой к своему отечеству.

Произведения А.С. Малиновского очень важны для подрастающего поколения: в них не только история, но и патриотизм, не навязанный, а возникающий сам собою. Когда автор любит природу, говорит о людях, показывает их душу через поступки. Мы переживаем вместе с его героями, радуемся вместе с ними.

Сегодня дети очень увлечены телефонами, компьютерами, но не будем говорить о том, что они вовсе не читают. Нет! Современные дети много читают, много думают. Именно поэтому с ними нужно вести диалог, а не поучать их. И поверьте мне, если им будет интересно, они будут слушать, будут задавать вопросы.

В нашем музее есть выставка, которая стала постоянной и равнодушных после её просмотра не бывает. А значит, мы сумели коснуться души каждого ребёнка и взрослого...

Её название «Две жизни — две судьбы». Конечно же она о двух наших удивительных земляках, Григории Николаевиче Журавлёве и Александре Станиславовиче Малиновском. И здесь мы можем бесконечно много говорить о биографиях обоих героев. Особенно посетителям нравится рассмотреть экспонаты — это и красочные расписные башенки с видами г. Нефтегорска и сёл Нефтегорского района, подаренные А.С. Малиновским в 1999 году на открытие Районного детского музея, и столик, который имеет очень символические строки, написанные Малиновским:

*Умей то светлое хранить,
Что издавна любовью называют.
Умей делами воплотить
Свою любовь к родному краю.*

Когда посетители музея смотрят на эти экспонаты, им даже ничего не нужно объяснять: любовь и патриотизм они чувствуют, ведь башенки содержат изображение обелисков, которые есть в каждом селе, так же как и погибшие или пропавшие без вести во время Великой Отечественной войны есть в каждой семье нашей большой страны. И забывать об этом нельзя!

Когда мы по документальной повести «Радостная встреча» рассказываем о том, какой трудный путь прошёл А.С. Малиновский в поисках информации о Г.Н. Журавлёве, то посетители удивляются, сколько сил и энергии было у этого замечательного человека. И одновременно гордятся тем, что являются земляками. Конечно же мы все гордимся А.С. Малиновским.

Родившись в 1944 году, окончив Куйбышевский политехнический институт и пройдя путь от рабочего до генерального директора крупных нефтехимических заводов, став доктором технических наук, почётным нефтехимиком СССР, академиком инженерной Академии Российской Федерации, заслуженным изобретателем России, Александр Станиславович сочетал в себе ещё и талант писателя и мецената. Член Союза писателей России, лауреат многих конкурсов, лауреат Губернской премии в области культуры и искусства. Огромную помощь оказывал православным церквям. Награждён знаком «За доблестный труд во благо земли Самарской» Губернатором Самарской области в 2014 году.

Люди живы, пока мы о них помним...

О Малиновском Александре Станиславовиче, внёсшем огромный вклад в различные сферы жизни нашей страны, мы будем помнить всегда, ведь у нас есть его книги, фотографии, воспоминания современников.

А экология души — это совсем просто: любить свою Родину и заботиться о людях, которые рядом.

**Лауреаты конкурса
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2023 года**

**Возрастная категория
от 14 до 35 лет**

1 место

Антон Коротков

с. Утёвка, Самарская область

Время для души

Рассказ

Я люблю путешествовать, люблю дороги. С огромным нетерпением жду момента, когда сам сяду за руль, а пока использую любую возможность, чтобы отправиться в путь. Хорошо, что сейчас мне часто улыбается удача, ведь мама нередко на выходные отправляется в город на авто. И я с ней.

...Вот ранним июльским утром я сажусь на переднее сидение нашей «Газели». Сердце замирает, когда заводится мотор. Машина набирает ход. Дорога передо мной словно

бесконечная лента, ведущая в неведомое. Я устремляюсь взглядом вперёд, в бесконечность... Через минуту оглядываю пространство вокруг. Село уже позади. Деревья с ярко-зелёной листвой, как шеренги солдат, стоят по обочинам, сопровождая мой путь. Приветливые лучи солнца проникают сквозь густую листву и играют на капоте, создавая живые отблески. Машина движется по гладкому шоссе легко, чётко размеченные линии радуют глаз. И вот уже небольшой посёлок раскинулся по обеим сторонам дороги. Домики, выстроенные в ряд, словно ожидают кого-то, глядя на мир своими прозрачными глазами-окошками. Одни дома окрашены в яркие, радостные цвета, другие удивляют деревянной резьбой. По тротуару гуляют жители. Я успеваю выхватить взглядом семейную пару с маленькой девочкой. Они крепко держатся за руки и чему-то улыбаются. И я улыбаюсь им вслед.

Оставив поселение позади, я переключаюсь на дорогу и думаю о том, как много встречается машин, подобных моей. Каждая идёт своим маршрутом, а в ней — люди. Со своими интересами и секретами.

Время в дороге — это отрезок нашей жизни, страничка наших впечатлений. В этот момент мы находимся во власти своих чувств и мыслей. Они могут быть плохими и хорошими. Всё зависит от настроения, с которым мы отправились в поездку. Мы вспоминаем прошлое, думаем о настоящем, представляем будущее. Это время для души. Смотрим на меняющиеся картинки за окном и слушаем себя. Себя истинного.

Мои мысли и чувства сегодня в недалёком прошлом. «Смотрю на наши степные просторы и представляю Его. Он много раз проезжал по этой же дороге, смотрел и думал, а потом стал писать. Стихи, повести, сказки... Я прочитал с упоением. Всё о нашей с ним общей родине, о родной природе, о милых сердцу земляках... Недавно я прочёл Его книгу «В плену светоносном». Просто и с душой описал Александр Станиславович Малиновский путешествие по нашей род-

ной реке Самарке. Как же он любил наш край! Как радостны были его открытия, и как бережно он их сохранил в своей книге!.. Я попал в этот сладкий светлый плен, в котором так уютно моей душе... Я это чувствовал, но книга помогла понять и выразить... А ещё я заразился путешествиями. Мне захотелось делать открытия, расширить горизонты восприятия жизни, как Александр Станиславович... Теперь это моя мечта».

Вот такая карусель мыслей. Я слушаю себя и радуюсь. Я в пути. Я уже исполняю свою мечту. Поездка продолжается. Я готов к новым впечатлениям.

...Постепенно начинает проявляться город. Вот высится небольшой холм, поднимаемся по нему, и я чувствую волнение и ожидание чего-то особенного. Я понимаю, что впереди меня ждут новые приключения, встречи и открытия. Ветер, пробирающийся через щели окон, ласкает моё лицо и вызывает улыбку.

И вот город разворачивается перед моими глазами. Разговоры, гул машин, обилие красок, суета, толпы людей, множество высотных зданий — всё это «живое течение» города, в которое я ныряю головой. Всё, что раньше казалось далёким и недостижимым, теперь становится реальностью. Испытывая новые ощущения, я чувствую с каждым новым километром, что я делаю свою жизнь ярче и насыщенней. Мне радостно от сознания того, что я становлюсь частицей этой интересной и яркой жизни. Она волнует и пугает одновременно. Но я знаю, что не собьюсь с пути, не потеряюсь. Луч света, подаренный мне моим земляком-писателем, всегда укажет верное направление, и дорога обязательно приведёт... домой.

Да, я люблю путешествовать, но всегда с удовольствием возвращаюсь в родное село. Оно меня манит из любой дали. И лечит, освобождая от всего неважного, даёт силы, дарит надежды...

2 место
Спартак Губаев

с. Малая Глушица, Самарская область

**Перечитывая
Малиновского**

Эссе

В силу моего характера или, быть может, из-за стиля жизни я редко обращаю внимание на мелочи, а что уж говорить о рассуждениях на философские темы... Как говорится, ни времени, ни сил. Однако изредка у меня появляется такое «осеннее» настроение, когда меня тянет почитать что-то

серьёзное и философское. После прочтения меня буквально с головой обволакивает депрессия и я надолго погружаюсь в раздумья. Как любит шутить моя мать: «Вот мы целый год мозгом не пользуемся, а как попользуемся, так сразу депрессия. Экая вы батенька неженка!..»

Шутки шутками, но, действительно, «переваривать» щепетильные, философские истории сложно. Особенно сложно, когда непростые темы оканчиваются абсолютно не радужно. Однако вот уже пять лет как осенняя хандра меня практически не тревожит. Всё потому, что, будучи ещё студентом третьего курса филологического факультета, я решил прочесть книгу Александра Малиновского «Новое имя», которую порекомендовала мне преподаватель литературоведения.

Являясь скептиком, я не питал надежд, что данное произведение найдёт отклик в моей душе. Я принялся читать днём, рассчитывая пролистать несколько страниц и вернуться к книге позже, когда закончу подготовку к модулю. Но каково же было моё удивление, когда я взглянул на часы и увидел, что уже поздний вечер. Я прочёл всю книгу, не прерываясь ни на что, а после всю ночь обдумывал эту удивительную историю.

С того момента я хотя бы раз в год, но читаю одно из произведений Александра Станиславовича. Их отличает от подобных произведений особое послевкусие, но что мне нравится больше всего: со временем эти истории воспринимаются мной совершенно иначе.

В апреле этого года я собрался с духом и переехал из Армении в село Малая Глушица Большеглушицкого района Самарской области. На этот шаг меня подтолкнула девушка, с которой мы познакомились в интернете, но из-за проблем со здоровьем она не могла сама приехать ко мне. Однако я даже и подумать не мог, как много необходимо документов, чтобы можно было устроиться на работу в сфере образования. Из-за всех проблем, разом навалившихся на меня, я не только растерялся, но и не знал, что делать.

Я живу в старом деревянном доме, построенном в 1906 году. Хотя он построен добротно и качественно, в нём по-

началу водилось много мышей, которые ничуть меня не боялись. Серые проказники могли сидеть на клавиатуре и разглядывать меня, пока я пытался закончить очередную главу будущей книги. Тогда моя девушка предложила завести котёнка, чтобы он отгонял вредителей. Я не думая согласился, считая, что совладать с одной кошкой проще, чем с оравой мышей... Наивный армянский юноша...

Появление котёнка вызвало бессонные ночи, во время которых юный исследователь громил дом, громко мяукал и пытался залезть ко мне под одеяло. Он штурмовал настенный ковёр и шторы, сбрасывая со стола всё, что плохо лежит. Наблюдая за происходящим, я решил отвлечься и почитать. И вот спустя пять лет я взялся перечитывать «Новое имя».

Однако как же сильно я удивился, когда осознал, что смотрю на уже известную мне историю совершенно другими глазами. Даже действия моей кошки начали казаться мне более осмысленными. Я начал замечать некоторые особенности в её поведении, на которые раньше и не обратил бы внимания.

Даже почёсывание в области ушек и небольшая помощь в умывании кардинально меняют её поведение: ей это нравится, в точности как и Симе. Сейчас, только лишь взглянув на её ушки и хвост, я могу с лёгкостью определить, в каком она настроении.

Более того, мы меньше конфликтуем. А в самые тяжёлые моменты, переживаниями о которых я стараюсь ни с кем не делиться, она сама приходит ко мне и нежно трётся о руки, мурлыкая и ласкаясь. Во время моих рассуждений вслух она не сводит с меня взгляд, изредка мяукая, будто бы соглашаясь. В такие моменты приходит осознание того, что выход есть даже в кажущейся на первый взгляд безнадежной ситуации. Стоит лишь успокоиться и отвлечься на что-то приятное, и решение придёт само.

Я действительно благодарен Александру Малиновскому за то, что его творчество не только помогло мне лучше понимать окружающих меня людей и животных, но и не дало превратиться в убеждённого реалиста.

2 место

Анна Крамаренко

г. Шахтёрск, Донецкая Народная Республика

Услышать Бога в себе

Эссе

Творчество А.С. Малиновского — хоть проза, хоть поэзия — пестрит своей глубиной помыслов и множеством философских идей о постоянстве жизненных устоев, к которым каждый приходит в своём возрасте. В своих произведениях автор часто затрагивает темы бытия, простые, но такие близкие читателям моменты из обыденной жизни, истины, которые, казалось бы, лежат на поверхности, но мы не в силах их лицезреть. В творчестве автора всегда мож-

но найти «уголок» чего-то далёкого и незримого, но такого близкого душе.

А что же такое «душа»? И как она может быть связана с темой экологии? Разберёмся по порядку. Экология — это наука, которая изучает взаимодействие живых организмов между собой, занимается охраной природы от вредоносных факторов и ищет баланс между индустриальной деятельностью человека и могуществом неукротимой природы. Ну а душа — это наше сознание, маленький кусочек вселенной в оболочке прекрасной материи, именуемой телом.

Казалось бы, как сопоставить эти два термина? Что может быть общего у чего-то вселенского, религиозного с земной наукой? Как оказалось, может...

Когда мы говорим о понятии «экология души» — мы подразумеваем заботу о своём внутреннем «я», охрану нашей души от окружающего негатива, которого так много в больших и шумных городах. Нам постоянно приходится искать равновесие между нашим внутренним миром и окружающей нас реальностью с другими «маленькими мирами», находящимися рядом с нами, при этом мы стремимся к сохранению в себе кусочка близости с природой, когда вокруг лишь бетон и безжизненный асфальт.

Каждый день мы сталкиваемся с различными трудностями, проблемами, неприятностями, на которые мы реагируем индивидуально, исходя из того, что находится внутри нас. Но всегда в нашей душе, вне зависимости от того, что нас наполняет (добро или зло), находится лелеемый душой маленький светлый уголок, ведущий в детство, наполненный улыбками родителей, мудрыми советами стариков, бескрайними полями разнотравья и звонким смехом ребёнка, которым когда-то был каждый из нас.

Творчество Александра Станиславовича буквально пропитано духом тех мест, к которым ещё не успела добраться индустриализация, где дышится легко и свободно, где нашей душе спокойно, те места, которые мы сопоставляем с детством, и где мы можем найти себя и услышать Бога в себе.

3 место

Елизавета Кошелева

г. Керчь, Республика Крым

«Душа — это наше богатство»

Эссе

Как и многие другие термины, «экология души» может иметь различные толкования в зависимости от контекста. В общем смысле экология души — это забота о своём внутреннем мире и окружающей среде, которая влияет на нашу психическую и эмоциональную жизнь. Это может включать в себя практики самопознания, медитации, здоровый образ

жизни, уход за своими эмоциями и мыслями, а также уважение к природе и окружающей среде. В целом экология души предполагает осознанное отношение к себе и миру вокруг нас, что помогает нам сохранять баланс и гармонию в нашей жизни. Александр Малиновский, известный поэт и мыслитель, обращал внимание на важность экологии души в своём творчестве, пытаясь понять и раскрыть связь между внутренним миром человека и его окружением.

В поэзии Малиновского часто можно найти отражение его внимания к внутреннему миру человека, его душе. Он обращается к теме самопознания, пытается разгадать тайны человеческого существования через внутренние переживания, чувства, эмоции. В его стихах присутствует идея об экологии души как важной части нашей жизни, которая требует ухода и заботы, так же как и внешний мир.

Малиновский обращается к теме взаимосвязи между человеком и природой, показывая, что забота о природе также является заботой о нашем внутреннем мире. Он понимает, что наше внутреннее состояние неразрывно связано с окружающей нас природой, и что любая экологическая проблема также оказывает влияние на наше внутреннее состояние. Поэтому он призывает к заботе о природе как к важной части нашего внутреннего мира.

В своих произведениях Малиновский также обращается к теме гармонии с природой, показывая, что только в гармонии с внешним миром мы можем обрести гармонию внутри себя. Это означает, что забота о природе не только важна для сохранения внешнего мира, но и для достижения гармонии внутри нас самих. Таким образом, экология души в творчестве Малиновского становится неотъемлемой частью его мыслей и идей.

Кроме того, Малиновский обращается к теме ответственности за свои внутренние состояния. Он понимает, что забота о себе, о своей душе — это также форма ответственности перед миром, перед природой. Он призывает к осознанности своих поступков и мыслей, к пониманию важ-

ности личной ответственности за своё внутреннее состояние, за свою душу. Также Малиновский призывает нас быть внимательными к окружающим людям и помогать им, если это в наших силах. Ведь забота о других людях и их благополучии также влияет на нашу душевную гармонию.

Таким образом, творчество Александра Малиновского демонстрирует важность экологии души в нашей жизни. Он показывает, что забота о внутреннем мире человека, о его душе также является важной частью нашего бытия, требующей внимания и заботы. Его стихи отражают идею о взаимосвязи между внутренним и внешним миром, о необходимости гармонии с природой для достижения гармонии внутри нас самих, а также о важности личной ответственности за своё внутреннее состояние.

В заключение, экология души — это концепция, которая напоминает нам о важности бережного отношения к своему внутреннему миру. Мы должны учиться слушать себя, заботиться о своих эмоциях и мыслях, находить время для своих увлечений и помогать другим людям. Только тогда мы сможем сохранить гармонию внутри себя и жить полноценной жизнью. Как говорил Малиновский: «Душа — это наше богатство, которое нужно беречь и укреплять».

3 место

Ксения Морозова

г. Самара

**Волжский текст
А.С. Малиновского**

Литературное исследование

1

Волга с её необъятными просторами проходит не только через всю нашу страну, но и через всю русскую культуру. Ядро образа этой величественной реки — «фольклорный образ Волги, поскольку он является древнейшим» [5, с. 7]. Его се-

мантика «постоянно пополняется и актуализируется» [5, с. 7] и главным образом благодаря поэтам и писателям, воспевающим красоту и природное богатство главной русской реки.

Одним из первых крупных литераторов, заговорившим о «великости» и святости Волги, был Н.М. Карамзин:

*Река священнойшая в мире,
Кристалльных вод царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лире
Тебя, о Волга! величать,
Богиней песни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?*

[3] («Волга», 1793 год).

Как отмечает историк К.А. Мазин, Карамзин начал «огромную антологию, продолженную последующими поколениями русских литераторов» [6, с. 5].

В произведениях отечественных писателей Волга может выступать:

- только лишь местом действия, слабо участвуя в построении сюжета (например, повесть А.К. Гольдбаева «В степи», пьеса А.Н. Островского «Красавец мужчина»);
- образом, пронизывающим художественный текст и тем самым влияющим на сюжет (повесть Скитальца «Сквозь строй», повесть М. Горького «Фома Гордеев»);
- полноправным персонажем (например, путевой очерк Ф.Д. Крюкова «Без огня»).

Как нам представляется правильным, волжским можно называть только тот текст, в котором образ Волги играет сюжетообразующую роль или река на правах действующего лица входит в систему персонажей. Произведения, где роль Волги ограничивается только пространственной локализацией событий, стоит относить к водному типу текста. Наша точка зрения идёт вразрез с позицией О.Н. Красниковой, специализирующейся на изучении волжского текста в творчестве А.Н. Островского. По мнению исследовательницы, «в

городской текст входит текст столичный, в речной — тексты конкретных водных локусов (например, волжский), с провинциальным текстом сливается усадебный текст и т.д.» [5, с. 5].

Какое место в ряду произведений, связанных с Волгой, занимает повесть самарского писателя А.С. Малиновского «Дом над Волгой», мы попробуем определить в настоящей статье.

2

Для начала — несколько слов о фабуле повести. Событийная схема сюжета произведения Малиновского выглядит относительно громоздкой. Повесть состоит из отдельных глав, каждая из которых обладает самостоятельной фабулой, укладывающейся в общую повествовательную канву. Сюжетно-фабульное единство этого произведения, в принципе, отличается сложной организацией. Повесть представляет собой нарратив в нарративе, где в качестве первого и, так сказать, «внешнего» нарратора выступает автобиографический автор. Соответственно, внешняя фабула — это пребывание Марьи Петровны, родственницы жены А.С. Малиновского в Самаре на даче писателя. «Уже более тридцати лет живёт она с семьёй на Севере. Приехала с Надыма, как сказала, погреться» [7 с. 194]. Внутренняя фабула представляет собой воспоминания Марьи Петровны, навеянные домом, «где она раньше долго жила с родителями в бревенчатом доме на высоком берегу Волги» [7, с. 195], из которых писатель «убрал чрезмерные подробности, характерные для её практического ума, и выстроил более-менее приемлемую последовательность услышанных <...> прозаических драм и случайных радостей чужой жизни» [7, с. 195]. При этом внутренняя фабула соткана из совокупности автономных фабул, посвящённых определённому периоду жизни Марьи Петровны в Самаре. Таким образом, все временные периоды объединены, связаны единым местом действия — Самара и её окрестности, история которых, как и история гости из Надыма, тесно связаны с Волгой.

3

На первый взгляд, может показаться, что возникающие то и дело в тексте упоминания Волги служат для того, чтобы напомнить читателю о месте развёртывания основных событий («... Папа пропал около года, до середины девятнадцатого. Мост через Волгу белые взорвали без него, при отступлении. Два пролёта изувечили» [7, с. 203]; «На нашей стороне Волги, на правой, не было травы. Траву мы возили с левого берега на долбёнке. Лодка из цельного дерева. <...> папа гребёт, не торопясь, экономно, как бы играючи» [7, с. 212]; «Воду до 30-х годов брали из Волги. Кипятили. А потом на берегу, где городская баня, около нефтебазы, поставили водокачку»; «Как только через железнодорожную линию перейдёшь, сразу там порядок домов у Волги» [7, с. 229]; «Работали вместе мы долго. <...> Плавали по Волге до Саратова, Волгограда. <...> До нас перевозили народ через Волгу частники. <...> Берег левый — берег правый. <...> Волга тогда кипела!» [7, с. 255]). Однако это не совсем так. Образ Волги здесь выступает магистральным, ядром формирования волжского текста. «— Как ведь получилось: Волга и железная дорога в жизни оказались главными. Всё около них. Всё с ними связано...» [7, с. 195] — передаёт Малиновский слова родственницы жены. И, действительно, многие важные эпизоды жизни Марьи Петровны (детство, поступление в университет, замужество, рождение детей), о которых она поведала, и которые нашли отражение на страницах повести, разворачивались на волжских берегах. Кроме этого, в первой главе повести автор сравнивает внезапно нахлынувшие на Марию Петровну воспоминания с бешеными потоками воды: «...И словно прорвало плотину. На протяжении всего времени, пока жила у нас, рассказывала, как она говорила, о своей “жизнёнке”» [7, с. 195]. Ассоциативная связь событий давно минувших дней и Волги во многом объясняется ещё и тем, что «движение вод реки можно сопоставить с развитием человека в течение жизни, поэтому река рассматривается как движение к успеху, путь

к новым целям и достижениям» [4, с. 27]. И, как отмечают Т.Б. Радбиль и И.С. Юхнова применительно концепта реки в творчестве М.Ю. Лермонтова, «движение волн выражает антитезу: скоротечность человеческой жизни — вечность природы и мирозданию» [8, с. 135].

Так, Малиновский романтизирует и мифологизирует Волгу. Река и её окрестности, например, хранят в памяти лихие времена, когда Степан Разин бурно орудовал на самарской земле.

«Самое незабываемое — когда с папой на лодке на Серёдыш плавали. <...> Он рассказывал, и я представляла себе Молодецкий курган, его сказочную гигантскую голову с угрюмым каменным лицом и нахмуренным лбом, зелёным бором вместо волос. О грудь кургана разбиваются волжские воды, и река поворачивает на восток, образуя Самарскую Луку. Так хотелось поскорее побывать на его вершине, где раненый Степан Разин перед своей смертью приказал казнить изменников, а свою золотую саблю завещал новому атаману. Долго светилась зарытая сабля из-под земли, пока на горе не отыскал эту саблю Емельян Пугачёв... Но успел и он надёжно припрятать свой булат <...>. Захоронен тот булат где-то в наших Жигулёвских горах. Так и лежит он в потаённом месте» [7, с. 246-247].

Этот эпизод текста Малиновского тесно перекликается с эпизодом путешествия по Волге отца и сына, встречающимся в повести Скитальца «Сквозь строй».

«Вся эта жизнь медленно проплывала мимо нас и опять сменялась величавыми горами и дикими утёсами.

— Гляди, Копка, — сказал мне однажды отец, — вон утёс Стеньки Разина! Экое орлиное гнездо!..

И он стал мне рассказывать о Стеньке Разине. Утёс поражал своею мрачной величавостью... Он был отвесный, возвышался прямо из воды и казался крепостью, сложенной гигантами из громадных камней. Весь каменный, с боков окутанный стройным бором, он грозно хмурился, словно погружён был в грустные воспоминания о Степа-

не Тимофеевиче. Из расщелин диких камней упрямо росли молодые берёзы, а в уступах вили гнёзда степные орлы. От этого места веяло героическим настроением, а отец увлекательно рассказывал мне о подвигах Разина, о громадных исторических сценах, и фигура волжского героя вырастала в моём воображении до гигантских размеров... Мятёжи, разбои и грозные события вполне соответствовали этой романтической обстановке: величаява река, лесистые горы и мрачные утёсы словно созданы были для того, чтобы здесь разыгрывались трагические истории, эти места одним своим видом наводили на какие-то размашистые, большие мысли. <...>

— На этом утёсе был сложен из камней стул, на стуле сидел Разин и судил ослушников, и бросали их тут же, с горы да в Волгу... Очень просто. А то раз плывёт Разин по Волге со всем своим войском на лодках <...> Плывут они и песни вольные поют, а кругом-то дебри дикие, утёсы, да горы, да Волга на солнышке светится. И говорит Разин: “Эх ты, Волга-матушка!”» [9].

Сходство художественного мышления писателей можно объяснить «представлением о реке как о времени» [4, с. 27]: «Плавно неся свои воды через время и пространство, Волга становится свидетельницей исторических событий. И в этом заключается ещё одна ипостась образа: Волга — хранительница исторического наследия русского народа, она трепетно передаёт историческую память столь событийных для России мест» [4, с. 102].

Кстати, фрагменты текста, между которыми — больше столетия, рассматриваются вовсе не по разные стороны временной ямы, а, наоборот, как единое целое, доказывающее, что поколения русского народа объединяет прочная историческая память. Кроме этого, мы можем говорить о некоей преемственности волжского текста, а о Малиновском как о славном продолжателе традиции легендарно-фольклорного изображения Волги.

4

Итак, возникая не в каждом эпизоде текста, а только в эмоционально напряжённых моментах, образ Волги в повести Малиновского «Дом над Волгой» играет не только «малую декоративную роль — информировать читателей, когда и где происходят события» [1, с. 595], а показывает родство, некую генетическую связь человека и природы. Эту мысль очень точно доказывает следующий фрагмент повести: «У нас в саду яблонь не было. Одни груши и тернослив. <...> Всю войну на деревьях — ни одного цветочка. Только листья. Сама природа плакала от общего горя» [7, с. 235].

Кроме этого, писатель представляет Волгу своего рода летописью русского народа, а также сокровищницей легенд и преданий, создавая вокруг образа реки мифологический ореол.

В связи с этим обращает внимание название произведения — «Дом над Волгой». С одной стороны, исходя из воспоминаний Марьи Петровны, название текста можно интерпретировать с точки зрения географического расположения дома, с которым у женщины связаны самые дорогие сердцу воспоминания: «Когда-то дом стоял у самой почти Волги. А потом начали железную дорогу расширять, пути добавлять. <...> Оренбургская железная дорога начиналась с Батраков. Много чего достраивали. Дом и перенесли. На пустырь, вверх, в сторону Линёва оврага. Целый там порядок выстроился. Так оказался наш дом над Волгой» [7, с. 207].

Однако смысл произведения гораздо глубже и многограннее. Дом над Волгой олицетворяет старшее поколение, которое с высоты прожитых лет рассуждает о настоящем и будущем — о своих детях и внуках: «Гляжу иногда на свою внучку. <...> А теперешняя жизнь?.. Давно уж смотрю на неё, на теперешнюю, будто из окна нашего дома над Волгой. Словно дом наш выше поднялся. Виднее теперь из него стало вокруг...» [7, с. 284]. Так, Марья Петровна выражает опасение, что некогда крепкая связь природы и человека превратится, а величественная Волга превратится в омут: «Внуки

наши уж так не привязаны к Волге и к дому, как мы. Другие они» [7, с. 285].

Все мы — притоки одной реки, поэтому важно помнить своё прошлое, уважать настоящее и работать во благо светлого будущего. Это и завещал нам настоящий патриот, просветитель, литератор, учёный и краевед Александр Станиславович Малиновский, добавивший во внушительную коллекцию волжских текстов ещё один, не менее ценный и глубоко философский.

Список использованной литературы

1. Баева Н.А. Интертекстуальная сущность ландшафтных описаний в художественном тексте: [на материале английской прозы]. Кемерово: Интеллект, 2006. С. 594-600.
2. Горький М. Фома Гордеев // Полное собрание сочинений: В 25 т. Т. 4. «Фома Гордеев», рассказы, очерки, наброски, стихи 1897-1899. М.: Наука, 1969. С. 179-461.
3. Карамзин Н.М. Волга // Стихотворения: И будет вечен вольный труд...: Стихи русских поэтов о родине / Сост., вступ. ст. и комм. Л. Асанова. — М.: Правда, 1988. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0110.shtml (дата обращения: 02.09.2023).
4. Красникова О.Н. Волжский текст Л.Н. Островского: генезис и функции образа Волги: дисс. ... канд.филол.наук. СПб., 2020. 203 с.
5. Красникова О.Н. Волжский текст Л.Н. Островского: генезис и функции образа Волги: автореф дисс. ... канд.филол.наук. СПб., 2020. 22 с.
6. Мазин К.А. «Вестник Европы» с волжских берегов // Современные проблемы сервиса и туризма. № 2. 2011. С. 5-8.
7. Малиновский А.С. Дом над Волгой // Собрание сочинений. В 7 т. Т 6. М.: Издательский дом «Российский писатель», 2019. С. 193-288.
8. Радбиль Т.Б., Юхнова И.С. Художественное воплощение русского национально-культурного концепта река в творчестве М.Ю. Лермонтова // Научный диалог. № 2. 2019. С. 127-142.
9. Скиталец С.Г. Сквозь строй // Повести и рассказы. Воспоминания / Сост., подгот. текста и предисл. А. Трегубова. М.: Моск. рабочий, 1960. URL: http://az.lib.ru/s/skitalec/text_1902_skvoz_stroy.shtml (дата обращения 2.12.2022).

**Специальный приз
конкурса
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2023 года
«Открытие конкурса»**

Ильдар Якупов

г. Сызрань, Самарская область

СЫН

Рассказ

В декабре 2011-го года я поехал в Омск на поезде. Навестить родителей. Взял билет, зашёл в своё купе часов в восемь. В Челябинске поезд стоял больше часа, и можно было не торопиться. Я разместился, проводница ещё раз проверила билеты и выдала бельё.

В купе со мной был ещё один пассажир, пожилой мужчина, лет под шестьдесят. Седой, в очках. Мы сухо поздоровались. Он что-то читал.

Я постелился и сел, спать было ещё рано. За окном было уже темно, в купе тоже еле мерцал свет. И тут мужчина спросил:

— Вы далеко едете?

— Я до конца. До Омска. А вы куда? — переспросил я.

— Да я поближе, в час ночи Курган будет. Там выхожу.

И опять тишина на пару минут. И резкий звонок. Я не стал выходить из купе, взял трубку. Звонила жена — она снова задала мне этот вопрос:

— Ты что решил?! Когда идём в ЗАГС?

Я ответил:

— Как вернусь, тогда и пойдём.

— А когда вернёшься?

— В среду, — и положил трубку.

И вновь тупая тяжесть накрыла чувства. Последний год с женой живём как кошка с собакой. Где-то месяц назад при очередной ругани я в первый раз заговорил о разводе. Терпеть уже не было сил эти бесконечные упреки, брань и злобу. Только сын держал нас. Димке всего пять лет.

Мои мысли неожиданно прервал мой сосед:

— Стало быть, женитесь?

— Что, простите? — я не совсем понял, о чём он говорит.

— Слышал ваш разговор, что вы в ЗАГС собираетесь.

— А... вы об этом? Совсем напротив, — ответил я, не хотя. — Разводимся.

— Хмм... прошу прощения. Я не сразу понял, — видимо, мой ответ разочаровал мужчину. Он немного помолчал и опять спросил: — Давно женаты? — меня уже начали раздражать его вопросы.

Я резко бросил в ответ:

— Шесть лет.

— А дети есть? — он не отставал.

Я сухо отрезал:

— Сын. Пять лет.

Снова наступила тишина. Минут через пять в дверь постучали. Я открыл, это была проводница. Она предложила купить лотерейные билеты, сказала, что деньги идут в какой-то благотворительный фонд. Мы оба отказались. Она

закрыла дверь. В соседнем купе начался какой-то шум, потом там успокоились.

Я сидел и чувствовал себя как-то неуклюже перед мужчиной. Атмосфера в нашем купе была неестественная. И вдруг мой попутчик тихо заговорил:

— Я развёлся, когда моему сыну было шесть лет, — тут я впервые посмотрел на него. Он немного выдвинулся из-под верхней полки. Я более отчётливо его разглядел. Глаза его были грустными. Мне показалось, что эта грусть какая-то очень долгая. — А почему вы разводитесь? — он спросил.

Я подумал, что эти откровенные вопросы были неуместны, но я всё же ответил:

— Да ругаемся постоянно. Надоело настолько, что домой приходить не хочется, — и добавил: — Давно бы уже ушёл, только сын держит.

Мой попутчик сочувственно кивал и продолжил:

— Понимаю вас. Я в 93-м ещё развёлся. Уже невозможно было жить вместе. Было очень тяжело. Безденежье. Я работал электриком в Саратовском театре. Зарплата копейная, да ещё месяцами не платили. Приходилось немного подворовывать на работе, потом нёс это на рынок — лампочки, провода... — он замолчал и посмотрел в окно. Мы всё ещё стояли в Челябинске.

— Как-то прихожу с работы, — продолжил он. — На кухне на столе лежит яблоко. Ну, я взял его, откусил. Зашла жена и увидела меня с надкусанным яблоком. Вдруг начала кричать. Что это яблоко для сына, а не для меня. Сказала, когда начну зарабатывать как мужик, тогда и буду яблоки есть. Но тут я тоже вскипел, — у мужчины даже голос изменился: — «Что же, — говорю, — ты за меня вышла тогда?!» — она молча смотрела на меня, долго так смотрела, а потом с остервенением в голосе прошипела: «Я каждый день об этом жалею! Каждый день». Представляете, так и сказала.

Я заметил в полумраке купе, как у моего попутчика скулы напряглись. Он замолчал, чаще задышал. Я представил

себя на его месте. Подумал, что ни на минуту в той квартире я бы не остался. Видимо, мой собеседник это почувствовал:

— Я больше не мог там оставаться. Вы меня понимаете? — он вопросительно смотрел на меня. Я понимающе кивнул: — Дождался, пока сын уснёт. Собрал вещи и ушёл.

Тут наш поезд тронулся. Значит, уже полдесятого. За окном шёл снег, мы тихо уезжали из Челябинска. Включили свет в купе, и только сейчас я увидел, насколько старым был вагон. Потёртый столик, потрескавшаяся кожа верхних полок.

Мой сосед неожиданно спросил:

— А как вы сыну объясните, что уходите? — этот вопрос ужалил меня. Мне даже думать об этом было тяжело, не то что говорить.

Я много раз видел в фильмах, как говорят с детьми при разводе. Это была такая неестественная фальшь, что мне даже представить было тошно, как это будет в моём случае с Димкой. Что я ему скажу? Как я буду смотреть ему в глаза? А он? Как будет смотреть? Он что скажет? Он же не поймёт, маленький ещё. А когда начнет понимать, что будет чувствовать?

— Я не знаю, — заикнулся я. — А что вы сказали своему сыну?

Мужчина тяжело выдохнул:

— Я на следующий день из садика его забрал. Зашли в магазин, купил ему мороженое. Потом шли по улице. Я помню, как он весело рассказывал, как с другом Мишкой играли сегодня в догонялки. Что он ел в садике, что ему каша не понравилась. Я детально помню этот день и эту нашу прогулку до дома.

Мужчина опять выдохнул и продолжил:

— Мы подошли к подъезду, я посадил его на лавку, а сам присел перед ним. Как-то сбивчиво говорил, что буду жить в другом месте, что мы всегда будем видеться и ещё что-то. И помню, говорил, говорил и охрип. А Лёшка смотрел на меня прямо в глаза и вдруг спрашивает, не моргая: «Ты меня бросаешь?»

Я заметил, как мужчина немного побелел.

— Представляете, так прямо и спросил! Помню, как у меня колени затряслись, я привстал. Голова немного закружилась, и я неразборчиво начал мямлить: «Да нет! Что ты, сынок?! Перестань!» — я попробовал изобразить бодрость, но у меня ничего не получалось.

Я видел, как мой попутчик никуда не мог деть свои руки. То облакачивался на стол, то убирал их на колени и выпрямлялся. Взял свою книжку, передвинул её на столе. Переставил пустой стакан с места на место.

— А Лёшка встал со скамейки и опять спрашивает: «А почему ты меня бросаешь?» Я никогда не видел его таким серьёзным. Он как будто за мгновение повзрослел. Смотрел мне прямо в глаза. Я до сих пор помню этот взгляд. Он был испуганный. Я опять что-то бормотал, чем-то оправдывался, а он смотрел и смотрел на меня, смотрел и смотрел, не моргая... — у моего попутчика дрогнул голос, и он замолчал. А через несколько секунд заговорил: — Лёшка больше ни сказал ни слова. Я проводил его до квартиры. Дверь жена открыла, ничего не сказала, и я ничего не говорил. Поцеловал сына, пообещал, что скоро увидимся. А у него ноль реакции, он просто смотрел на меня. Лучше бы он кричал и плакал: это было бы понятно. А он просто молчал и смотрел, как я закрываю дверь и ухожу.

На этот раз мужчина замолчал надолго, а я вдруг представил своего Димку, как он будет вот так же смотреть на меня и молчать. А я ничего не смогу сказать, повернусь и уйду. Но тут я машинально сжал кулаки от страха и резко мотнул головой, как будто хотел выбросить из головы эти мысли и эту картину.

Воздух в купе потяжелел. Я чуть приоткрыл дверь. Рядом пролетела электричка. В купе выключили свет, и мы остались в полумраке.

Я осторожно спросил:

— Вы потом с сыном часто виделись?

— Вы знаете, меня тогда как назло отправили на повышение квалификации. В Самару учиться. Я сына месяц не

видел. А там уже первое сентября было. Мой Лёшка в первый класс пошёл, а меня не было. Потом я вернулся, забрал его на выходные, а он уже изменился, какой-то другой стал. Какой-то грустный, неразговорчивый.

Я купил ему какую-то игрушку, сводил его на стадион на футбол. И знаете, я начал чувствовать себя виноватым. Вот здесь где-то глубоко, — он трогал себя за грудь, — поселилось это тяжёлое ощущение. И оно начало расти. А я хотел замазать это чувство, подкупить сына, как-то компенсировать его грусть и боль.

Однажды в начале декабря я повёл его на каток. Мне какую-то премию тогда дали. Потом пошли в магазин игрушек. Сказал ему, что может выбирать, что хочет. Лёшка ходил по магазину и осматривался, а потом оборачивается на меня и говорит: «А Сашка со второго подъезда мне сказал, что вас папа бросил, — у Лёшки покраснели глаза, — а я толкнул его и крикнул, что он дурак!» — сын замолчал и своими детскими глазами, выжидающе, смотрел на меня. А потом чуть слышно прошептал: «Я больше с Сашкой дружить не буду».

Я ничего не мог ответить сыну, как будто горло свинцом залили, — мой сосед машинально потянул голову, — у меня как будто голос пропал. А Лёшка взял коробку и говорит: «Вот этого робота хочу!»

Мы купили его и вышли на улицу. Только там я мог нормально вздохнуть. Мы шли тогда домой, я чувствовал себя убитым. И опять это чувство вины растекалось по всему телу до самых пяток. Мне было всё тяжелее и тяжелее с этой болью. Я стал всё реже его забирать, потому что каждый раз накатывало это чувство вины. Я как будто уже избегал своего сына, чтобы не ощущать эту тошнотворную вину. Мне всё больше и больше казалось, что я не от жены ушёл, я от сына своего ушел. Я его оставил с тем испугом в глазах, — мой собеседник опять надолго замолчал.

Наш поезд остановился на какой-то станции. Я вышел покурить.

— Десять минут стоим! — кинула проводница.

Шёл снег. Из вагона, кроме меня, никто не вышел. Я даже удивился, что попал в некурящий вагон. Потом посмотрел на часы, а время уже полдвенадцатого. Я курил, смотрел на рельсы и думал о Димке. Как же так случилось, что мы с Галей до этого дошли? Где я упустил? Почему мы скатились с ней до такой злобы? Почему не можем спокойно разговаривать без раздражения и претензий? А ведь Димка всё это видит! И тут мои мысли прервала проводница:

— Все заходим, молодой человек!

Я бросил окурок, на мгновение поднял глаза на окно своего купе, на него как раз падал свет станционного фонаря. Увидел своего соседа, он читал. Я зашёл в вагон, попросил у проводницы стакан и налил себе чая. Спать совсем не хотелось.

— Может, чаю? — предложил я своему попутчику. — У меня есть вкусный, с бергамотом. Кстати, меня Олег зовут. А вас?

— Очень приятно! Григорий, — мы пожали руки. — Для чая мне уже поздновато. Спасибо.

Григорий положил книжку. В тусклом свете я увидел надпись: «Александр Малиновский. Дом над Волгой». Я никогда не слышал про такого писателя.

— Интересная книга? — спросил я.

— Красивые повести про судьбы людей и Волгу. Слог очень лёгкий, необычный. Вы когда-нибудь на Волге были, Олег?

— Да. Однажды был в Самаре на свадьбе у армейского друга. Там и увидел Волгу. Я сам вырос на Иртыше. У нас берега очень красивые. Но Волга, конечно, могучая громадина!

Я пил свой чай, смотрел в окно и очень хотел спросить Григория, как они сейчас с сыном общаются. Ну как-то было неудобно продолжать этот разговор, и пауза была какая-то неуместная, что ли. Но я чувствовал, что он сам хотел продолжить про сына.

— Григорий, а потом у вас всё наладилось с сыном?

Он помолчал.

— Да ничего не ладилось. Потом, видимо, уже подключилась жена. Начала настраивать его против меня. Это постепенно всё происходило. Месяц за месяцем, год за годом. Мы становились всё дальше и дальше друг от друга. Я к нему раз в месяц только приходил уже, хотя в одном городе жили и неподалёку, между прочим. Минут пятнадцать на автобусе.

Я как-то взял его на футбол. Представляете, к нам в Саратов московский «Спартак» заехал! На кубок России. Играли с нашим местным «Соколом». У нас полный стадион, шум. Мне показалось, Лёшка был очень рад, а потом домой шли, и он спросил меня: «Папа, это правда, что ты неудачник?» — у меня чуть ноги не отказали в тот момент. Я остановился, посмотрел на него и говорю: «Кто тебе это сказал?!» — наверное, мой вид его просто испугал. «Все говорят: и мама, и бабушка, и тётя Таня».

Тогда ему было одиннадцать лет. И Бог знает, что там ещё про меня наговорили. В тот момент я впервые почувствовал, что теряю сына. Этот его вопрос... он как будто себе его задавал, а не мне. Вот так я это ощущал. Мой сын хотел до конца для себя понять: есть у него отец или нет.

Помню, как присел на корточки перед ним, прямо в глаза ему смотрел и говорил: «Лёша, сынок, это не правда! Я твой отец и нормальный человек! То, что я не живу с тобой — такое бывает в жизни. Потому что жизнь — непростая штука», — я ещё что-то лепетал ему и самому себе не верил. Я, видимо, так растерялся от этого вопроса, а он смотрел на меня как-то недоверчиво. И вдруг я прочитал в его глазах: «Я не верю тебе!»

Григорий закрыл книгу и подвинул её в сторону. И так тяжело выдыхая, очень горько сказал:

— Мой сын меня не спрашивал. Он утверждал, он говорил мне глазами, что я неудачник! Вот это я прочитал в его глазах, и у меня всё внутри похолодело.

После той встречи, после того футбола мои отношения с сыном стали холодными. Когда я его проводил, шёл домой и, представляете, чувствовал обиду. Это было даже смешно: как можно обижаться на ребёнка? Он ничего не понимает, голову ему задурили, но что-то ковыряло меня внутри. Ведь мой родной сын считает меня неудачником — это на долгие годы у меня засело в сердце.

Вдруг резко распахнулась дверь купе. Это была проводница.

— А... вы не спите? Мужчина, собирайтесь! Через сорок минут Курган.

Дверь опять захлопнулась, и мы снова остались в тишине. Немного погодя Григорий привстал:

— Стало быть, надо собираться, — он взял полотенце и вышел из купе.

Я решил, что выйду с ним, провожу его и покурю ещё пару сигарет перед сном. В Кургане поезд стоит полчаса.

Григорий вернулся, начал постель собирать.

— Наконец-то я доехал! — он произнёс с облегчением, но я чувствовал, что горькие воспоминания его не оставляют. — Почти двое суток ехал. Всё-таки тяжело мне в поездах. Совсем не спал, можно сказать.

— Я тоже плохо сплю в поездах, — вставил я.

— Одних соседей по купе человек восемь сменилось.

Опять пришла проводница, забрала бельё. Григорий оделся. На нём было кашемировое пальто и зимняя шапка. Он вытер очки, посмотрел на меня и хотел что-то сказать, но промолчал.

— Ну, пора мне! А вы ложитесь, Олег! Может, заснёте.

— Да я с вами выйду, покурю ещё на перроне, — и накинул на себя пуховик.

Мы вышли в тамбур, поезд еле тянулся к вокзалу. Уже был слышен голос вокзального диктора. Проводница открыла дверь, и мы вышли на перрон. Григорий повернулся ко мне и крепко пожал руку:

— Приятно было познакомиться, Олег!

— И мне, Григорий! Всего вам доброго!

Наше рукопожатие длилось чуть больше обычного. Я снова почувствовал, что он хочет мне что-то сказать. Но он только кивнул и пошёл в сторону подземного перехода.

Я закурил. Народу на перроне было довольно много. Выходящие, заходящие, провожающие, встречающие.

— Олег! — мне вдруг послышалось.

Я обернулся, а передо мной — Григорий.

— Вы знаете, наверное, я не должен этого вам говорить. Это не моё дело, но я всё же скажу! — он был каким-то робким. — Не разводитесь, Олег! Прошу вас, не нужно этого делать! Это будет огромная ошибка. Я вам кое-что недосказал. Моему сыну сейчас тридцать шесть лет. Мы с ним видимся, только когда ему нужны деньги, — Григорий как будто заикался. — Месяц назад он названивал мне весь день. Десять тысяч просил, а точнее — требовал! А у меня не было таких денег. И признаюсь откровенно, давать ему я ничего не хотел.

Он приехал ко мне на работу, зашёл в кабинет и, знаете, начал по-хамски требовать деньги. Я ему жёстко ответил, что их у меня нет. Что ему тридцать шесть лет и пора уже самому зарабатывать. Я крикнул ему: «Когда ты уже повзрослеешь?!» — и знаете, что он мне в ответ сказал? — Григорий посмотрел мне в глаза. — Он сказал: «Никогда этого не будет! Потому что ты меня лишил этого! Тогда, возле подъезда, когда бросил меня! Оставил одного! Ты думал, что от матери уходишь? Нет! Совсем нет! Ты от меня ушёл! Ты от меня отвернулся! Ты меня бросил! И теперь ты будешь учить меня, как надо жить, как надо взрослеть, как зарабатывать? А где ты был все эти годы?!» — и голос у него был такой злой и сильный. Его как будто прорвало, он продолжал и продолжал: «Ты не захотел быть отцом! Ты меня оставил в пустоте, без ничего. Тебя не было рядом, когда нужна была поддержка, когда нужен был отцовский пример и совет».

Мой сын начал рыдать и говорил уже сквозь слёзы: «У меня нет друзей, у меня нет семьи, у меня нет ничего! Ты

меня всего лишил. Ты меня бросил. Ты меня предал», — Григорий остановился. Я видел, как из-под очков проступили слёзы. Он их снял, протёр платком глаза и сказал дрожащим голосом: — Олег, вот так месяц назад я узнал всю правду о себе. Мой сын ненавидит меня тридцать лет. Он считает меня предателем. Он считает, что у него нет отца. Он относится ко мне, как к кошельку. Я тогда ничего не смог ему ответить. Потому что это правда. Я действительно его бросил. Мои жалкие обиды на жену оказались важнее собственного сына, его судьбы. Я осознаю, что с этой болью проживу до конца своих дней. И он тоже со своей болью будет жить всю жизнь. И сделать уже ничего нельзя! Это уже не поправить никогда, — его голос стал чуть тише, — а вы ещё можете, Олег! Не повторяйте моих ошибок! Вы ещё можете всё исправить! Поверьте, ваш развод будет небольшим успокоением для вас и для вашей жены. А для вашего сына он станет настоящей трагедией и катастрофой. Умоляю вас, Олег, сделайте всё возможное, чтобы сохранить семью и сына! Не рвите эту связь!

Мы смотрели друг на друга, я стоял какой-то растерянный. Он протянул мне руку, опять крепко пожал и произнёс:

— А теперь прощайте! И удачи вам! — развернулся и пошёл.

А я смотрел ему вслед, пока сигарета не обожгла мне пальцы. Я закурил ещё одну, но тут проводница позвала всех в вагон.

В ту ночь в поезде я так и не смог заснуть. Думал о своей семье. После разговора с Григорием этот давящий груз внутри как будто исчез. Стало спокойно и легко. И этот комочек обиды на жену куда-то рассосался. Знаете, как бывает: стало вдруг светло на душе. Ближе к утру у меня созрело решение, что никакого развода не будет! Все эти наши мелкие ссоры — ничего не стоят! Мы — семья. И так всегда будет.

Когда я приехал в Омск, с перрона же позвонил жене. И очень уверенным голосом сказал:

— Галя, мы никогда не разведёмся! Потому что мы — семья. У нас есть замечательный сын, и так будет всегда.

Жена ничего не сказала в ответ, я положил трубку. Тогда, ночью в декабре 2011-го, в том поезде, быть может, я принял самое главное решение в своей жизни. Я сохранил свою семью.

С той поездки прошло двенадцать лет. Вчера были на выпускном сына. Дима с отличием окончил школу и был ведущим выпускного бала. А уже ночью, когда мы с Галей шли домой, она тихо сказала:

— Какого замечательного сына мы вдвоём вырастили.

— Да, — ответил я. И крепче сжал её руку в своей ладони. А в голове пронеслась та ночь, поезд, старый вагон и Григорий.

**Участники конкурса
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2023 года**

Антонида Бердникова

г. Нефтегорск, Самарская область

По рассказам А. Малиновского из книги «Разговор с сыном»

Эссе

Чудо и счастье для меня — сохранить эту маленькую, карманного формата книжечку издательства «АрмМакет», вышедшую тиражом в 2000 экземпляров почти тридцать лет назад. Дорога мне она уже тем, что сберегла память о

времени «лихих девяностых», когда мы, жители маленького городка на юго-востоке Самарской области, наиболее тесно соприкоснулись с творчеством нашего знаменитого земляка Александра Станиславовича Малиновского.

Потом, много позднее все эти рассказы пёстрой россыпью войдут в солидные фолианты его собраний сочинений, но тогда... Все они будут опубликованы в нашей районной газете «Луч», и члены читательского клуба на наших редакционных посиделках заинтересованно и порой с горячим запалом обсуждали главных героев книги и с нетерпением ждали новых произведений этого любимшегося нам автора.

Чем таким особенным привлекают к себе слесарь Виктор Клюев, бабка Мариша, отец и сын Лобачёвы, деревенская детвора «Колька, Мишка и я» с «мировецкой песней» и мечтой написать самую правдивую книгу? Как же содрогнулось моё сердечко, когда дочитала рассказ «Погоня». С тёплым светом в душе вспоминалась мне наша сенокосная пора после рассказа «Дорога на сенокос». Но более всего до глубины души тронуло горькое повествование бабушки из рассказа «Память», в котором уже тогда просматривались сюжеты будущей книги Малиновского «Голоса на обочине». А его «Синяя папка»! Это и доверительный разговор с самим собой, и исповедь о самом сокровенном, и тёплая незамутнённая память детства...

Необычайные события связаны у меня и с рассказом «На пепелище». Об этом более подробно я поведала в новелле «Рукописи не горят», вошедшей в сборник «Светоносный плен». Вообще, журавлёвская тема, впервые зримо и довольно подробно обозначенная в рассказе «На пепелище», выдержала восемь изданий уже в полноценной книге — исследовании творческого наследия Григория Николаевича Журавлёва «Радостная встреча». В том, наверное, и кроется секрет экологии нашей писательской, журналистской души, которая проявляется в чутком отношении к окружающему миру, к людям, событиям, к своей родине, к её традициям и устоям.

В 12 рассказах сборника «Разговор с сыном» живут своими судьбами и тревогами, радостями и открытиями люди, близкие по духу и характеру главному, как я полагаю, герою книги — её автору. Именно он видит больше, глубоко проникая в характеры его односельчан, родных и друзей детства. Они, эти характеры, как и поступки, разговоры-беседы, суждения схожи с нашими, деревенскими, оттого близки по духу и настрою. Что и говорить, свой народ, узнаваемый, а значит и понимаемый с полуслова.

...Витька Клюев, заболевший городом, вдруг начинает понимать, что нечаянно залетевший в цех пчелиный улей — это его обратный билет домой, в деревню, с покаянием перед отцом. Душа его, чистая и ранимая, так чутко отозвавшаяся на случай с улетевшим роем, только и ждала этого поворотного момента. И потеря любимой девушки уже не кажется трагедией, главное, он дома, и здесь он нужнее всего. И вот это осознание своей нужности родной земле автор подчёркивает словами Виктора Клюева: «Это всё моё».

Незримо рядом со своим героем, вижу, шагает его друг и писатель Малиновский. Он ничего такого пригласительно-портретного не рисует, вот, мол, каков мой персонаж, свернул-таки на правильную тропинку. Нет, он показывает эту тропинку трудной, переживательной, ведь по одной и той же тропе будет ходить и Виктор, и его Галка, теперь уже чужая жена.

«Утро у Красной Самарки» переносит нас в поистине райский и любимый писателем уголок, его Баринов Дом. Ну, как тут не вспомнить нашу поездку всей редакцией за земляникой именно на этот красивый увал, с которого и сегодня открывается восхитительная панорама левобережья Самарки, с его полями, сёлами, дорогами. Старинное местечко, когда-то здесь располагалась Красносамарская крепость. Тогда мы в поисках ягод наткнулись на останки фундамента барской усадьбы. Нашли аллею старых акаций, ведущую к развалинам. Чуть позднее родился очерк «Красносамарская крепость — наша прародина», основан-

ный на материалах церковной книги с родословием перво-поселенцев.

Дух крестьянского быта веет со страниц рассказа, хотя речь идёт о том, как прекрасно просыпаться ранним утром на погребнице под камышовой крышей, пронизанной лучами солнца. И эта благостная картина пробуждения, как и сборы на сенокос семейства Лобачёвых, и даже забавная сценка шестилетнего Лёньки и бабки у тазика с творогом — всё свидетельствует о том, что жить надо просто, честно, по совести, прощать маленькие шалости и проступки, любить эту прекрасную землю и дорожить друг другом.

Экология души — чистой, незамутнённой — ярко просматривается в образах друзей по играм, забавам и шалостям в рассказе «Мишкина песня». Как же напомнил мне этот незамысловатый сюжет картину из детства, когда после смерти отца я с подругами, взобравшись на ближнюю гору, утешала песнями своё горе. Так отзывалось моё маленькое сердечко на эту потерю для нашей семьи.

А тут тоже послевоенное время и услышанная на закате песня, как отголосок той, нашей, и судьбы отцов Мишки и ещё одного героя рассказа — во многом схожи с жизнью и судьбой моего отца. Задумал Мишка написать книгу о том, что пережил его отец Степан в плену, а друг переживает: получится ли и одобрит учитель-фронтовик, и не примет ли этот титанический труд за сочинение на заданную тему «Как я провёл лето». Тут дела затеялись серьёзные, и успеть надо к сроку, и описать всё, как было на самом деле.

Да и получится ли из друга настоящий писатель? И не похож он совсем на галерею портретов русских классиков литературы в доме рассказчика. Сомнения одолевают неразлучных друзей, но какое удивительное будущее вырисовывается у одного из героев. Не в образе ли Мишки видим мы будущего писателя Малиновского, а также в судьбах старых фронтовиков читается судьба его отчима, пропавшего на войне отца, отцов его сверстников? Чуткие сердца ребят отзываются на боль и страдания, тяжкие ис-

пытания прошедших фронт и пластавшихся на колхозной работе взрослых. Именно тогда, в послевоенные годы, закладывались в нас эти зёрнышки сострадания, сердоболия, соучастия и понимания, что мы народ, несмотря ни на что, всё-таки стойкий.

Потрясает глубина страданий и испытаний, выпавших на долю героини рассказа «Память». Образ бабушки у Малиновского — такой живой, узнаваемый, с талантливой искоркой затейливой рассказчицы, умеющей и всплакнуть, и пожалиться на судьбу-судьбинушку, и «посмеяться над собой, делая это естественно и непринуждённо».

Сколько таких житейских историй услышала я и от своей мамы, да не сумела записать, запомнить детали, но прошло время, и вдруг зазвучал её голубиный голосок, и... родилась книга по её давним историям — «Жить, чтобы все пережить». Во время работы над этим произведением незримо чувствовалась не только её поддержка, но и мудрые наставления давнего доброго друга Александра Станиславовича о том, что писать надо прежде всего в сердечном порыве и ритме, с чистой душой.

По рассказу «Дорога на сенокос», как мне видится (будь я сценаристом или режиссёром), можно снять короткометражный фильм для детей... Вот по степному просёлку катит просторный рыдван, и в нём сидит белобрысый пацан в обнимку с дребезжащей бочкой. Дед понукает лошадок не только словами: «Но, калеки», — но и песней про липу вековую. И видится пацану огромное дерево с медвяным запахом. А кругом такая благодать, но расслабляться никак нельзя, ибо в бочке спрятался от отца друг Генка и переживает, скоро доедут до полевого стана. Уморительна сценка у колодца, когда обнаруживают Генку, мокрого и фыркающего от потока студёной воды. Смеются все сенокосники, легко на душе и у мальчишек. Впереди у них ночёвка под открытым небом, а ещё работа наравне со старшими, вечерние посиделки у костра. Романтика? Не всегда, но как же сладко будут вспоминаться эти сенокосные деньки уже во взрослой

жизни. И непременно дедова песня про липу вековую. И вдруг нечаянно всплывёт в памяти деревенская кличка друга Генки «Гусиный бог». А может, вновь приснится сумеречная дорога на сенокос, которая тогда в детстве при свете угасающего дня казалась «ровней и податливей».

...Беда для всех, когда в деревне случается пожар, но не только для одних сельчан. Обнаруженная на пепелище тетрадь заезжего учителя раскрывает его переживания о сыне, с которым он не мог видаться и общаться. Рассказ «Разговор с сыном» раскрывает трагедию сельского интеллигента, которого за его «учённость» не поняли сельчане, не приняли и в школе его ученики, и только разговор с сыном через дневник утешает его и примиряет с жизнью. Грустная история, но в ней много недосказанного. Уехал и не вернулся учитель, хотя о нём в селе вспоминают, жалеют, что не поддержали. Зато он нашёл слова поддержки своему сыну, да вот беда, не успел отослать ему свои заметки. А мы говорим и спорим, какой должна быть экология души семьи. Вот она в скупых строчках признания сыну: «Я хочу, чтобы ты прочёл эту тетрадку взрослым. И, может быть, понял нас с мамой».

«Любка» так запала мне в душу, что я решила прочитать этот рассказ на литературном вечере во Дворце культуры у нас в Нефтегорске, посвящённом творчеству Александра Станиславовича. Дома читала вслух раз десять, и только в самом конце моих артистических потуг передо мной открылась потаённая дверца авторского замысла, поиска и воплощения образа маленькой девочки, для которой вновь обретённый отец-фронтовик — затаённая мечта многих и многих сирот, не знающих тепла родительской руки. Для меня, едва запомнившей смутный образ отца Дмитрия Андрияновича, умершего после возвращения с фронта, сюжет этого рассказа стал более близким, понятным, когда, взойдя на сцену, я представила именно его, и голос мой зазвенел, прорезался слезами, болью и памятью.

Погружаясь в книги Малиновского, невозможно оторваться от его героев, которые по прочтению становятся за-

душевными собеседниками и верными друзьями. Поскольку многие его произведения, в том числе рассказы «Разговор с сыном», посвящены малой родине, с колоритными и узнаваемыми портретами жителей степной глубинки, то воспринимается писательское слово как прямое обращение к нам, читателям. Вот смотрите, люди добрые, словно говорит нам автор, я ничего не выдумываю, не приукрашиваю. Жизнь, как однажды сказал один из мудрых наших утёвских стариков, — это дверь — открыл и... закрыл. А ещё надо любить людей так, чтобы прощать им их слабости, хитрости, но только не подлости и предательства. В этом — вся соль экологии человеческой души, как и среды обитания.

И ещё об одной живописной героине рассказов А.С. Малиновского хотелось бы упомянуть. Природа у него всегда его верная попутчица в странствиях по родной земле, а также мудрая собеседница. Она вся светится и искрится то утренним рассветом, с солнечными бликами, то предстаёт в туманной дымке, то разгорается жаром и пылом июльского дня. Автор буквально растворяется в её объятиях. «В каждом произведении писателя живёт вместе с образом автора светоносный образ природы Самарского края, с её собственным характером, неповторимой красотой, целебной мудростью, в которой отражена мудрость и красота души народной», — этими строками из книги «Светоносный плен» мне бы хотелось завершить мой экскурс по маленькой, но такой значимой для всех нас книжечке «Разговор с сыном».

Елена Благодатная

с. Новосельское, Республика Крым

Океан слов

Рассказ

Как только я родился, меня окатило волной собственных криков. Почему-то я мог слышать только их. Кто бы мог подумать, что через час я уже буду различать тихий, буквально убаюкивающий плеск ручейка своей матушки. Через неделю я узнал, как звучат буря и пугающий шквал в открытом океане. Я никогда ещё не видел океана, но был уверен, что именно так он и звучит.

Уже через год я сам пролил свою первую бутылку звонкой чистейшей жидкости, казавшейся слишком сладкой для моих изнывающих от жажды родных. До этого я понемно-

гу разливал прыгучие плотные капельки водички, но они и этому были рады, как будто мы жили в Африке.

Через три года я узнал, что можно ведь жить по-разному, и начал постепенно узнавать воду по форме и звуку её падения. Я узнал о чётком и режущем звуке горной речушки и маленьких водопадов от моих сверстников. Они были немногoporывисты, но я думал, что сопровождаемый их водяной пар был как раз им по возрасту.

В 3 классе я был очарован бескрайним морем моей первой учительницы и был уверен, что весь мир состоит из такого очаровательного звука! Он не был похож ни на что, услышанное мною до этого момента. Я узнал красоту медленных, успокаивающих, попеременно друг друга сменяющих приливов и отливов.

К пятнадцати годам я не только слышал плеск воды в горных речках, громогласный и заполняющий всё своим шипением водопадный шквал, шёпот океана и его грозы, морской прибой людей, но и различал их тёплые и холодные течения, видел подводные камни, на которые натывается поток их иногда несвязного маленького горного ключа. Я сам был мокрым до нитки. Оказывается, я люблю водоемы вне зависимости от их размера и даже благозвучия. Я понял, что мне просто нравится плавать, и решил посвятить этому свою жизнь.

Вот уж на меня вылили ушат с тридцатью годками. Прямо так взяли и уронили с громким треском. Я слышу теперь не только воду. Я слышу ветра в открытом море, движения волны, сердцебиение океана и знаю сорок оттенков синего цвета. Я полностью влюблён в море, но всё чаще замечаю загрязнения и отходы на его ровной глади. Как бы заставить термальные источники убраться за собой? Думаю над этим вопросом.

Сейчас мне пятьдесят лет. Я понял, что загрязнения на поверхности звуков связаны не только с похолоданием подводных течений и избытком камней и песка, но и с постыдным выливанием нечистот на некогда серебристые отливы

волн. Но как могли эти отходы наводнить целое необъятное море! Хочется оградить таких засорённых людей от передачи своих звуков пока ещё чистым и звонким людям. Надеюсь, что океаны будут в порядке.

Прошло двадцать лет. Я перестал различать цвета водоёмов и немного глух на правое ухо. Что же это? Я встречался с океанами, звучащими совершенно ужасно и непристойно, насколько может быть непристойным океан. Эта бактерия распространяется даже раньше, чем мы успеваем понять. Мы не замечаем, как наша вода становится всё медленнее, утрачивает былой блеск и быстроту, а у кого-то загадочность и что-то неповторимое, уникальное.

«Может, я и сам был океаном, который забросили? — об этом я раздумывал под старыми клёнами, слушая русскую реку Дон из уст мудрой старушки. — Не позволю».

И я стал учить соседскую детвору океанской словесности и любви к звукам.

«Ну, вот и я высыхаю. Этого не стоит бояться: все водоёмы рано или поздно пересыхают. Солнце ещё слишком изопрённо и жестоко к нам. Ничего. Я всё ещё люблю воду. Давайте же не будем загрязнять водоёмы друг друга!» Так прошло ещё пять лет.

Ольга Богданова

г. Нефтегорск, Самарская область

Тропинки бывают разные

Рассказ-воспоминание

«Они разные — тропинки моего детства. Одни — утопанные, утрамбованные десятками мальчишеских ног, пройдёшь по ним босиком и не оставишь следа. Другие — уже полузабыты, заросли травой-муравой. А есть одна, зовущая к обрыву у реки, прямая, словно струна». Так начинается один из рассказов книги А. Малиновского «Под открытым небом». Читая эти строки, я снова окунулась в мир забавных приключений времён детской беззаботности. Так появились собственные рассказы-воспоминания...

Тихая заводь. Склонившиеся ивы над рекой. Бревенчатый мост, соединяющий два заросших берега. И мы, дворовые ребяташки, знающие все потаённые тропинки, ведущие к тайным «штабикам», к соседской малине и самому чистому роднику. Казалось, давно забытое прошлое... Но можно ли назвать забытым воспоминания, обволакивающие под сознание незримой заботой и любовью? И кто осмелится нарушить житейское правило «без прошлого нет будущего», рассеяв в тумане сказочный мир фантазий и приключений?

А тропинки-то на самом деле были... и были они разные.

Самой запоминающей осталась в памяти тропа в заросший сад. Тогда пятилетней любознательной девочке весь мир казался волшебным. Я верила в бабайку, которого обязательно надо бояться; в храпе уснувшего после работы отца воображала бродившего по дому волка; в колыхающей тени заросшей сирени могла разглядеть лешего. Родителям, видимо, было удобно заполнять наше воображение необъяснимыми причудами, чтобы мы, уличные ребяташки, не вздумали выходить за пределы калитки без присмотра. Но неразгаданное всегда манило...

Как-то раз после дождя старая склонившаяся ива закричала с новой силой.

«Баба-Яга недовольна чем-то, — первая мысль, которая меня осенила, — надо её задобрить».

Для чего задобрить, пока я ещё не знала. Так всегда мама говорила про домового. Схватила краюшку хлеба, поползла вместе с подругой в сад по заросшей тропинке, озираясь по сторонам. Стра-а-ашно. А вдруг это злая Яга? При каждом новом скрипе сердце уходило в пятки. Там, возле речки, сваленное дерево — жилище Бабы-Яги.

— Бабулечка, хорошая, не сердись, — шептала я, пробираясь через кусты.

И тут голос старшей сестры возвращает меня из мира фантазии в реальность: листочки уже грозно не смотрели на меня, ветерок шептал ласково, тропинка не путала следы, и возня грозной старушки уже не пугала.

Другие тропинки были «тайными». О них знали только ребята нашего двора, и то не все: они вели в глубину зарослей за речкой. Там был «штаб». Воспитанные на военных рассказах и примере собственных дедушек, мы не могли представить свою, казалось, беззаботную жизнь без приключений. Улица воспитала нас уважать старших ребят и подчиняться приказам «командиров». Но это были безобидные приказы. Подобно гайдаровскому примеру Тимура и его команды, мы перекладывали дрова одиноким старушкам, перебивали колышки с привязанной козой на свежее, неуптанное место, наполняли пустые вёдра во дворе водой, а потом на другой день как ни в чём не бывало прислушивались к соседским «непоняткам» и шаловливо подмигивали друг другу.

Но есть только одна тропа, самая родная — это тропа к родительскому дому. Её я открыла для себя в период взросления, когда, расправив крылья, покинула родные пенаты, на время оказавшись в другом измерении. Каждый раз, спускаясь по ней к маминому крыльцу, замедляю шаг: на этом пригорке справа разводили костёр в раннюю весну и с ребячьим восторгом уплетали обугленную в золе картошку, слева на поваленных деревьях тесной толпой сидели и ждали колхозный табун. Одни играли в «глухой телефон», кто-то хвастался обновкой, а соседский мальчишка в коротких штанишках и наспех обутых сандалиях щедро делился куском хлеба, посыпанным сахаром. И вкуснее, казалось, не было лакомства! Настолько всё дорого и близко: неглубокая речка, заросшие пригорки, крапива в ложбинке, даже скосившаяся ограда у погреба, отживающая свой век. Каждая травинка наклоняется, цветочек кивает головой, бабочки мелькают в благоухающем воздухе, увлекая в мир детских воспоминаний.

Невольно возвращаешься к воспоминаниям А. Машиновского: «Почему нас так сильно волнует возвращение в родные края, встреча с речкой, лесом, полем? И почему, постранствовав по свету, увидев много интересного и поразительного и отдав дань этому поразительному, мы с ещё большей силой тянемся к немудрёному, знакомому с дет-

ства?» Сложно найти ответ... У каждого он свой. Но одно могу сказать с твёрдой уверенностью: знакомые тропинки, словно линии судьбы, возвращают нас в родные места. И не важно, кто мы и кем стали по жизни, они заманивают нас, указывая короткий путь к душевному исцелению и покою.

Оказавшись под влиянием творческого мастерства самарского писателя, захотелось глубже окунуться в фантастический мир детского воображения и снова оказаться озорной, маленькой девочкой...

Один день беззаботного детства

Утро зимнего дня. По привычке задёрнутое до ушей одеяло: под утро в комнате всегда прохладнее. Чувствую тонкий запах дрожжей и дымок затопленной печи, сонно позёвываю и поворачиваюсь на правый бок: «Мама развела опару — не прозевать бы поджаристую корочку каравая...» И снова засыпаю.

Разбудило меня лёгкое царапанье кота, калачиком свернувшегося рядом. Сразу почувствовала слегка горелый запах хлеба. Сестра уже заправила кровать и заплетала косички. По её взгляду понимаю: пора вставать.

Мама хлопчет у печки: осторожно достаёт ухватом чугунок с кашей. По запаху чувствую — гречневая, моя любимая.

— Мам, можно я сама положу масло? — подбегаю я, но снова опережает сестра.

— Не обожгись, — ласково произносит она, подавая маме полотенце: она ловко перекладывала только что испёкшийся хлеб, горячий от жара печи, на стол.

Я с наслаждением кладу масло в чугунок, наблюдаю, как медленно тает оно, подмешиваю деревянной ложкой. Запах рыхлой, мягкой каши с ароматом топлёного молока заполняет комнату, дразнит старого кота, то и дело путающегося у меня под ногами.

Папа уже торопится на работу. Не дожидаясь, когда освободится мама, ломает обгоревшую краюшку хлеба, режет сало, подмигивая сестре, говорит:

— Обгоревший хлеб — самый полезный! Кто больше съест, тот волков не будет бояться.

— А почему я всегда ем-ем подгоревшую корочку, а волков все равно боюсь? — недоумеваю, развожу руками.

Проснувшийся братишка теребит скатерть стола, он ещё слишком мал, чтобы спорить; только сестра почему-то загадочно улыбается.

Сегодня выходной. А это значит, что после обеда мы дружной ватагой соберёмся на краю улицы: снега намело достаточно, и, следовательно, пришло время испробовать новую горку. Крутой склон, заканчивающийся пригорком, заметил сосед Вовка. Он же и предложил прокатиться «паровозиком»:

— А давайте все санки зацепим друг за дружку и помчи-и-мся вниз!.. Здорово?!

Спорить с ним никто не стал. Даже, наоборот, одобрительно закивали головой.

Самые крутые санки были у меня, их недавно смастерил в гараже папа: крепкие, стальные, всем на зависть! Сомнения не было, что они поведут «состав».

И вот уже дружная команда собралась. Толкаясь на высоте, каждый норовил быть первым и никто — в хвосте. Оно и понятно: куда залетит «хвост», никому не известно, зато понятно направление ведущего. Меня, как всегда, перехватила сестра, посадила перед собой... и «состав» двинулся. Сначала всё шло по плану: медленно набирая скорость, «паровозик» срезал жёсткий снег, холодной пылью припорошивая лица, тормозил на повороте... но потом случилось непредвиденное. Неожиданно мои санки отцепились и с неудержимой скоростью понеслись дальше вниз, к пригорку, с которого изначально предполагалось плавно скатиться. Но не тут-то было! Вскочив на пригорок, санки взлетели в воздух, подняв плотную массу взлохмаченного снега... Со стороны это можно было представить как полёт с трамплина. Вот она, минута, казалось, оцепения и изумительных взглядов! Но продолжилась она доли секунды... Как только сан-

ки опустились всей своей массой на землю, я почувствовала сильную боль в спине. Плакать было не принято, да и особо не хотелось признавать причину своего поражения, поэтому смеялась сквозь слёзы, неуклюже поднимаясь с прогнутых посередине стальных санок.

Кататься в этот день по понятной причине больше не хотелось. Засобиралась домой... Там тёплая печка, скорее бы забраться, на ходу просовывая тяжёлые от снега варежки в печурку, притвориться уставшей. И ни слова маме: влетит по полной!

Под убаюкивающее мырлыканье кота засыпаю... и снится мне жаркое лето, прохлада речной воды, брызги, летящие от озорных всплесков детворы... и на лице появляется незримая улыбка.

Как это было давно... Как это близко и дорого повзрослевшему в поисках счастья и покоя человеку. И каждый раз, вспоминая незабываемые мгновения детства, не омрачённые заботами и переживаниями, хочется снова и снова возвращаться к пророческим словам А. Малиновского: «...через два десятка лет в уютно обставленной городской квартире будут не давать мне спать по ночам эти воспоминания».

Валерия Власенко

г. Балашиха, Московская область

Самая родная и близкая незнакомка

Рассказ

*Они разные —
тропинки моего детства...*

А.С. Малиновский

Вечер пятницы. Час пик. Еду в переполненном вагоне метро, зажатый между человеком в синей куртке и надписью: «Не прислоняться» — на стекле. От синей куртки несёт потом и грязью; у её владельца крупное лицо и неповоротли-

вое тело. Слева от меня — дрыщ в светло-коричневом пальто, от него исходит уверенный запах мужского одеколona. Хороший парфюм, но слишком много на себя вылил. В руках у парня охапка длинноногих роз, шипы этих красавиц вонзаются мне в ладонь. Откуда-то сзади слышится шлейф табака — навязчивый и противный. Ещё витает что-то вкусное, едва уловимое... Может быть, ваниль? Пытаюсь разобрать еле заметную приятность, но в нос снова бьёт пахучим мужиком, и в этом хороводе ароматов меня начинает мутить.

Бесцветный голос объявляет очередную станцию. Двери распахиваются. Я жадно потягиваю ноздрями воздух, кажущийся после разноарода стерильным. Как бросил курить, заимел «побочку» в виде обостренного обоняния. Хотя, может, у всех некурильщиков так, и я просто становлюсь нормальным?

Толпа схлынула, и мне даже удалось присесть. Смотрю на сидящих напротив пассажиров. Рыжеволосая девчушка, длинноносый мужчина в кепке с ушками, как у сыщика, следом — ещё один тип, с пасмурным лицом, сияющей на голове лысиной и прядью чёрных волос, перекинутых мостиком через это «озеро». Всех этих незнакомцев объединяет одно — чёрное: чёрная куртка, чёрное пальто, чёрный бушлат... Нет, кое-что ещё: глаз ни у кого из них не видно, все в телефонах.

Одним словом обстановка обыденная, я бы даже сказал: немного меланхоличная.

«Шаболовская», — объявляет всё тот же монотонный голос. Утыкаюсь взглядом в двери. Вошедших в вагон людей немного, поэтому сразу замечаю её. Вижу её!

Она садится напротив, вместо «сыщика» в кепке. У неё короткая стрижка с высоким начёсом, как у героинь советских фильмов, и волосы неестественно белые, как молоко. Брови тонкие, полумесяцем. На переносице с левой стороны глубокая морщина. Губы наряжены в ярко-розовую помаду.

«Как такое возможно? Как?!» — полушёпотом твержу я и с трудом сдерживаю слёзы. К горлу подступает ком, сердце

отстукивает в висках, в груди, на запястьях... Колошматится так, будто сейчас вылетит наружу. Разорвётся. Не выдержит.

Шум, гам, мельтешение. Поезд, как живой организм, то заглатывает, то выплёвывает людей наружу. Я на паузе, смотрю на незнакомку, забывая дышать. Она застёгивает до упора бегунок молнии, поправляет на груди сиреневый шарф, подводит губы ещё одним слоем помады и, причмокивая, встаёт.

Я, не раздумывая, соскакиваю со своего места — и вот уже за её спиной, стою так близко, что могу видеть каждую чёрточку на её голубой ветровке... А дальше — как в тумане: лестница, стеклянная дверь, улица. Осенний ветер обдаёт меня по вспотевшему загривку, и я покрываюсь мурашками. Мы с незнакомкой движемся по широкому проспекту, точнее, она идёт, а я крадусь за ней. Не могу не идти.

Горят фонари. Машины недружелюбно покрикивают друг на друга, стоя в пробке; мимо них, в обход, пролетает громкоголосая скорая. Пропитанный недавним дождём ветер перебирает все мои косточки под одеждой, и я снова вздрагиваю. Но от ветра ли?

Целый год я старался не думать о матери, — мысли о ней, как ножи, резали сердце — и я почти переболел. Но эта встреча...

Чувствую, как из подвала памяти, из самых её глубин воскресает воспоминание. Ощущаю от него тепло. Я хочу остановить его, не разворачивать, но кадры из прошлого становятся всё чётче и чётче, пока видение в конце концов не проявляется целиком.

Вижу маму в объятьях оранжево-жёлтой осени, такой же как сегодня, вижу себя — мелкий шкет, веду её на прогулку. Идти спокойно удаётся недолго: повсюду соблазнительные лужи, как тут устоять? Заприметив самую большую из них, я высвобождаюсь из маминых рук, бегу, бегу, бегу навстречу тёмной воде — и вот уже, как ненормальный, прыгаю в мокром пятне, а мама неодобрительно хмурится. Меня спасает только то, что безобразничаю я в своих непромока-

ющих сапогах. До сих пор не знаю, за что их боготворил — резина как резина, — но расставаться с ними не любил. Помню, даже уснул как-то с ними в обнимку. Мама тогда долго смеялась.

Холодает. Прячу руки в карманы. Небо, поймав осеннюю грустинку, вот-вот разрыдается. Незнакомка заходит в магазин, я протискиваюсь следом. В продуктовом тепло. Болтливо. Металлическая тележка у женщины устало грочочет, и я опять погружаюсь в себя, ступая на ещё одну тропинку детства.

Меня окутывает лето. Я окружён пальмами и цветущими кустарниками — иду по самой витиеватой дорожке в зоопарке. Бежать уже нет сил; размышлять о том, что со мной будет, когда меня найдут, тоже как-то не хочется, да и некогда уже об этом думать. Переведа дух, озираюсь по сторонам. Убедившись, что поблизости никого нет, перелезаю через ограждение и открываю клетку со львом. Квартирка звериного царя достаточно просторная, поэтому первым делом, оказавшись внутри, я начинаю бегать, дурачиться и кружиться, кружиться, кружиться, запрокинув голову вверх. (Забыл уточнить: клетка давно пустует.) Набегавшись, выпрямляю плечи, встаю на цыпочки: мне хочется казаться выше, больше, сильнее и на правах хозяина жилья непременно зарычать. Грозно! Открываю рот, но вместо устрашающего рыка выходит мягкое «л-л-л». Я пробую ещё и ещё... стою уже весь красный от напряжения, но всё равно ничего выходит. И тогда, размазав по щекам слёзы, достаю из шорт синюю машинку и начинаю её катать. Не знаю, сколько времени прошло с момента моего побега, но когда мама меня нашла, я уже изрядно проголодался. Помню её лицо, белое, когда она увидела меня в клетке. Натерпелась она со мной. Отсюда и морщина на переносице: хмурилась часто. Но по-доброму, качая головой на очередную мою провинность. Мама...

Дождь всё-таки пошёл. Я накидываю капюшон, мыслями оставаясь ещё там, в прошлом.

— Осторожнее! — вскрикивает женщина, доставая из сумочки зонтик.

— Извините, — говорю я, краснея.

Совсем забыл про дистанцию — нечаянно споткнулся и налетел на неё.

— А я ведь вас запомнила! Вы ещё в метро на меня странно смотрели! Зачем вы меня преследуете? А? Что вам нужно?

— Я... Нет, просто... Мне... Нам... — «Нет, не так», — проносится в голове. — Мне тоже нужно было зайти в этот магазин, — наконец-то произношу я хоть что-то членораздельное.

Она смотрит мне в глаза, нахмутив брови, качает головой. «Может, сказать ей правду?» — спрашиваю я сам себя. Не хочется, чтобы она вот так ушла, подумав, что я псих. Только не она.

— Вы знаете, — начинаю я робко, — вы не подумайте ничего такого, я нормальный... Просто вы мне очень маму напомнили. Я сейчас вам её покажу, — лезу за телефоном.

Женщина улыбается, приняв сказанное мной за комплимент.

— Вы даже не представляете, как вы похожи. Одно лицо! — взволнованно продолжаю я.

— Ну, показывайте уже скорее. Заинтриговали.

Я протягиваю ей фото.

— Это Ольга, моя мама. Год назад её не стало...

— Соболезную, — очень искренне говорит незнакомка. — Минуточку, я надену очки.... Да не стойте же вы под дождём, идите уже под зонт!

Я улыбаюсь и шагаю под чёрный купол.

— Невероятно, — восклицает она, — и вправду, вылитая я!

— Там есть ещё фотографии, если хотите, можете пролистать.

Она кивает, снимает перчатки. Я вижу её изящные пальцы и от неожиданности открываю рот: на ногтях перелива-

ется бледно-розовый лак: точно такой же всегда использовала мама. Всегда! Я ни разу не видел её без перламутра на ногтях. А ведь лак в то время не был «вечным», как сейчас, — быстро облезал, редко дожив до конца трудовой недели. Помню, как однажды пообещал маме, что у моей жены будет точно такой же. «Вот увидишь!» — добавил я и обнял её крепко. Обещание осталось давно позади и всплывает лишь при виде симпатичной девушки, в шутку.

— С ума можно сойти! Я, конечно, слышала, что у каждого человека есть свой двойник на земле, но чтобы видеть — никогда.

— Аналогично, — отвечаю я. — А у вас всегда такого цвета маникюр? — спрашиваю, не удержавшись.

— Этот? — она опускает взгляд на руки. — Нет, я поярче люблю. Такой дочке моей, Олесе, нравится, она всегда только им красит. Представляете? Всегда! Говорит: «Не могу, когда ногти голые».

Я холодею...

— Олеса моя в литературном учится, давайте ей про нашу встречу расскажем? Она непременно должна про неё написать. Это история заслуживает быть услышанной. Вы как, согласны со мной?

Я пожимаю плечами.

— Ну, пусть напишет, если захочет. Я не против.

— Отлично. Тогда пойдёмте к нам, чай пить. Я и торт купила. Вы любите «Киевский»?

Я киваю, не помня вкуса этого торта.

— Ой, ну, что же мы с вами так и не познакомились? Меня зовут Елена Дмитриевна.

— Павел, — представляюсь я.

И иду неспешной походкой с самой близкой и родной мне незнакомкой.

Анна Галанжина

с. Мазеповка, Курская область

Красный угол души

Рассказ

От лёгкого сквознячка чуть заметно колыхалась кисейная занавеска на дверном проёме. Сквозь узорный рисунок кисеи проскальзывали солнечные лучи, разбегаясь по земляному полу яркими танцующими бликами.

В комнате тихо, прохладно, сумеречно. Через окна свет почти не проникал, отгороженный густой листвой разросшейся сирени. Старые ситцевые занавески, выцветшие от времени, грустно висели на истёртом шнурке, и было в них что-то сиротливо-обиженное. Широкая кровать, занимавшая почти половину комнаты, была единственным её

украшением и основным приютом хозяйки. Где она и дремала в этот полуденный знойный день среди вороха подушек, утопая в их пуховых объятиях. Дрёма то накатывала, то неожиданно отступала, отрывала от, казалось бы, совсем овладевшего сна. Ей это не нравилось, раздражало. Только что начинало сниться или чудиться что-то давно забытое, ранее видимое и такое желанное... И вдруг отрываешься от сладостно обволакивающих объятий, словно выныриваешь из толщи времени. И так тебе не хочется возвращаться, и в то же время страшно, что не вырвешься. Что это? Одно тянет вниз, другое толкает вверх. Трудно понять. Или это просто такой старческий сон, от яви неотличимый? Спишь не спишь, а всё слышишь... Даже едва уловимый шорох, звук. Все они давно знакомые, а пугают. Вот прошла соседка Нюська мимо ворот, и что? Чай не впервой. Проскользнул под занавеской кот... Вроде неслышно, но она точно знает, здесь он, проказник. Так и шмыгает, хоть убей его...

Видно, уснуть в этот раз не получится. Да и сколько можно лежать? Небось, скоро Господь приберёт, там и на лежишься...

Она обвела слезившимися глазами своё маленькое обиталище. Всё, что смогла нажать: колченогий стул, прогрызенный мышами старый стол. Ветхо, убого... Наверное, правильно кончать свои годы в такой нищете, чтобы не жалко было покидать этот мир. С богатством расставаться не просто. А ей что жалеть? Окромя образа Николая Угодника, ценного ничего нет. Ну, если считать ещё виды выдавший чемодан со смертным да остатками пенсии, завёрнутыми в носовой платочек... Вот и всё её наследство. В углу, перед образом, теплилась лампадка, высвечивая лик Святителя. Он единственный, с кем делилась она своими воспоминаниями и тревогами, заботами и горестями. Даже ссорилась с ним иногда, когда казалось всё вокруг таким несправедливым и ненадёжным. Потом плакала, просила прощения и, ложась спать, задёргивала занавеску, чтобы не видел он её разоблачённой и ворчливой. Святой-то он святой, да всё ж муж-

чина. А с тех пор, как её Ваня не вернулся с войны, ни один мужчина не видал её даже в исподнем.

Сколько пережили они с этой иконой, сколько прятали от нехристей атеистов, не упомянуть... Был один грех: хотела продать образ ловким проходимцам, что бродили по сёлам и деревням, скупая за бесценок разное чудом уцелевшее добро у измученных голодом людей. Они с дочками, казалось, не выживут, но Господь милостив. А уж как увидела, что это-то собиратель-покупатель ковыряет ножичком писаное, убеждаясь, настоящая ли, вся её душенька возмутилась. Так толкнула проходимца — едва удержался безбожник на ногах. Вырвала из его грязных лап своё сокровище, вытурила из хаты. Откуда только сила да смелость взялась?! Ругался, грозился, что донесёт на неё... Долго она потом вздрагивала при каждом стуке калитки, всё ждала, когда активисты пожалуют. А Нишку спрятала так, что потом сама же чуть не спалила. Да уж, ему тоже досталось. Теперь бояться нечего, никому дела нет, молишься или не молишься вовсе. Молится. А как же? За дочь, внуков. Хоть и не живут рядом, а всё ж свои, родные. Приедут из города и давай упрашивать: поехали к ним жить, что одна мыкаешься. А она не одна, она со Святителем Николаем. Вместе им и доживать. А ещё 15 соток огорода, три курицы с петухом да кот-шкодник. Тоже забота. Как бросить? Приедут, нашумят, самогоном побалуется, рыбы сетью натаскают и до следующего раза. Ка бы сени помогли пристроить, холодно зимой, дверь в самый сугроб открывается. Она им про сени, они про ванну и холодильник. Там у них богатства несметные хранятся, открывай, лопавай... А ей что — картошка, да кислый огурец со своего огорода, и то любо. Ещё курочка яичко снесёт, да кума молочка кисленького принесёт. Не нужны ей разносолы, тут хоть и убогое царство, да своё. Хочет приляжет, ан нет — так и потрудится маленько. А у них жди — накормят или забудут.

Лампадка мигала, и от мигания казалось, что лик то хмурится, то сочувствует, то осуждает её грешные мысли.

Постепенно глаза вновь стали смыкаться, мозг туманиться и ей даже послышался голос Николая Угодника: хватит себя бичевать, отдыхай. И послушалась его она, и поплыла по волнам сна и зова души, и снилось ей детство радостное, и они с матушкой сушили рядно, развешивая и любуясь добром. А день стоял чудесный! Сладко пахло разнотравьем, и пчёлы жужжали над головой, и её растрёпанная коса болталась из стороны в сторону, медью отливая на солнце. По небу сновали пушистые облака, вдалеке мычали коровы, гоготали гуси, кудахтали куры, извещая хозяев о внесённом вкладе в семью. И чудилось ей, что не будет конца этому счастью и впереди у неё большая долгая жизнь: дружная семья, крепкие дети, любящий муж. Славные звуки. Мир был живой и подвижный, как хорошая песня, и от слаженности этих звуков хотелось жить, любить. Теперь не так. Или она не слышит теперешних звуков, либо нет в них жизни. Тихо вокруг. И если где-то брякнет или стукнет, так то и радость, что ещё живые есть.

С долгой жизнью всё так и вышло, а вот с дружной большой семьёй не получилось. Муж погиб в самом начале войны, толком повоевать не успел. С детьми? Были две дочери, да умерла одна, совсем молодой умерла, троих деток сиротами оставила. Давит грудь обида невысказанная. Кому пожалуешься? У каждого своё горе. У каждого свой камень на сердце. И каждому свой срок отмерен.

Они ушли, кто раньше, кто позже. Молодые, красивые, ещё полные сил и жизни. Ушли туда, откуда не пришлётся восточку. Но она помнит их всех по именам, и образы их до сих пор живут в её сознании. Мать, сестра, дочь, муж, кумовья и соседи, родные и ставшие почти родными. Их яркие образы, смеющиеся лица, ловкие в работе руки, разноцветные мониста на шее, словно цветущий луг, сладость воспоминания. Крепкие статные мужики то взрывают плугом заждавшуюся парующую новину, то стройными рядами косят вымахавшую выше пояса сочную травяную бесконечность. Они скрашивают, эти воспоминания, последние

годы её жизни, помогая не впасть в тяжкий грех уныния, заставляют подняться с уютной кровати. А какой в памяти других останется она? Старой немощной бабкой, с большими распухшими суставами, с морщинами, избороздившими скорбное пожелтое лицо? Кому охота вспоминать такую красоту? И тогда выходишь на пустынную улицу некогда большого села, чтобы позвать столь же немощных, Нюську да Полинку, посидеть на согретой солнышком лавочке, выщербленной и тоже старой. Их трое осталось на проулке, и стали они роднее родных. И будто целебную пилюлю принимают, вспоминая ушедшие годы. И разглаживаются морщинки, и уже звучат насмешки над неподатливой поясницей, над бестолковой головой, что подводит в самый неподходящий момент, и трудной, так быстро промелькнувшей жизнью... Выговорившись, наплакавшись и насмеявшись вволю, возвращаются в свои пенаты и, отужинав чем бог послал, взбивают подушки. Но прежде — молитва. Без неё не можно, не спится без неё. И в полумраке комнаты тихое таинство, вечное: «Отче наш, ты же еси на Небесах, да светится имя твое...» Успокаивающе мигает огонёк лампы, отбрасывая свет на потемневший лик образа. И умиротворяется душа, обременённая грузом прошедшего дня. И тихий шёпот творимой молитвы проникает в каждый уголок земного приюта. Тут и исповедь, и причастие. Как же иначе, коли нет храма в селе? И радостно, что сохранился в доме Святой угол, Красный угол души.

Татьяна Гринёва

г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Ах, Лето, или Краткое пособие, как попасть в детство

Эссе

*Я говорю: «Даль без края».
«А что такое даль без края?» — спросите вы.*

«Даль без края» — это книга стихов Александра Малиновского, адресованная читателям «среднего и старшего школьного возраста». Слова взяты в кавычки, потому что

сам автор так адресовал свои стихи.

В этой книге стихи о белке, вербе, о свиристели, лошади, о школе... Обо всём том, что понятно и близко детям.

Детство... Детство — это загадочное время. Это время, когда мир вокруг кажется бесконечным и полным чудес. Детство вроде и пролетает молниеносно, но волшебным образом является длинным и долгим отрезком в жизни людей, где каждый день имеет свои запахи и вкус, свои знания, радости, слёзы, и даже детское горе присутствует в этом отрезке.

По личному опыту знаю, как взрослые люди пишут для детей. Они пишут не о том, что видят сегодня, — они пишут о том, что помнят из своего детства. Память об увиденном, прочувствованном они, сегодняшние, переносят на бумагу. И пишут правду, потому что в детстве люди не умеют обманывать. А иначе дети, читающие стихи, сказки и рассказы, написанные для них взрослыми, сразу же почувствуют фальшь, и им станет не интересно. А чтобы этого не происходило, каждый взрослый человек (детский писатель особенно) должен сохранить в себе детство, свою природу, сохранить экологию своей души.

А как же это сделать? А вот как.

Прежде чем продолжить читать то, что я пишу, я бы попросила читателя открыть своё сердце. Да — сердце! Открытое сердце — это безусловная Любовь, это мир Высшего Я. Только сила открытого сердца позволяет преодолеть дистанцию между мирами и измерениями в нашем сознании. Но это не так сложно, как может показаться. Главное, очень сильно захотеть. И оно откроется само, непроизвольно, возможно, в тот момент, когда вы этого и не ожидаете. Я помню случай в детстве, когда мы всей гурьбой возвращались из школы, заскочили в рейсовый автобус, и там, на заднем сиденье, полулежал пьяный мужчина. Он нам всем был очень противен: грязная одежда, запах, его желание заговорить с нами. Но вдруг! Я увидела его сердце — беззащитное, трепещущее, изначально доброе. Увидела не глазами, а своим

сердцем! А может, это была его душа? Просто учась в первом классе, я знала, что такое сердце, а что такое душа — не знала. Сколько весит душа? Что вмещается в ней?

Мои одноклассники уже пытались грубить ему, а кто-то — смеяться и подшучивать, а я замерла, и из моей груди полился невидимый поток тепла и света (как я сейчас знаю — поток энергии) на помощь этому человеку. И этот человек уже не был мне неприятен, а наоборот — мне стало очень жаль его. А ведь жаль — это один из ликов любви, в котором человек прилагает усилия, чтобы осчастливить другого, невзирая ни на что. Ощущение, когда из моего сердца льётся поток доброй энергии, я запомнила на всю жизнь. Эта способность меня не покидала до самой юности — когда я повзрослела, меня захлестнул материальный мир, и я забыла об этом даре — видеть души людей. Наступили 90-е годы, и нужно было выживать в этом материальном мире. Я не буду писать о том, каким было то смутное время: все и так помнят или знают по рассказам взрослых. И лишь счастливое детство, которое подарили мне мои родители, помогло мне выжить в этом мире.

Я часто вспоминала себя маленькой и в своей памяти возвращалась в те времена, когда была свободна в своих мечтах. А ещё помнила, как испытывала счастье и восторг от какой-нибудь мелочи, и улыбка разливалась по лицу, переходя в звонкий смех. И знаете, я до сих пор умею звонко смеяться. Иногда были периоды в жизни, когда я теряла это умение, но тогда я всеми силами снова и снова училась... смеяться и радоваться. Но воспоминания воспоминаниями, а я желала хоть иногда возвращаться в детство. Звучит фантастически, но у меня это получилось! Правда этому предшествовала работа над собой. Ежедневная, ежечасная, ежеминутная... Эта работа заключается в отслеживании своих мыслей и эмоций, и ещё (повторюсь) — это открытое сердце. Возможно, у кого-то, кто сейчас читает эти слова, уже в районе груди слева появляются вибрации. Если это так, то поздравляю — это ваше сердце подаёт сигнал.

С тех пор, как у меня исчез дар видеть сердцем, прошло около пятнадцати лет, и столько же понадобилось на его возвращение.

А случилось это тоже неожиданно. Мои сыновья ещё учились в школе, мне было лет около тридцати восьми, я уже пережила трёхлетнюю депрессию — болезнь души (о ней расскажу ниже, так как она очень сильно повлияла на моё духовное развитие), потом, как и полагается, болезнь физического тела (не обошлось без операций). И вот как-то вечером с очищенными болезнями душой и телом лежала на диване, отвернувшись к его спинке. И вдруг в районе сердца я почувствовала вибрации, и они усиливались. Я замерла, прислушиваясь всем телом к этому знакомому с детства волнительному состоянию. Мне показалось, что пространство вокруг меня стало расширяться и я вместе с ним. Я увеличилась до размера комнаты, района, города, страны, планеты. При этом я как лежала на диване, так и лежала, и боялась пошевелиться, чтобы не сбить ощущения. Я пребывала то в космосе, то ныряла с чудесными рыбами и дельфинами в зелёном океане, и ощущения сменялись быстро, но плавно, и я не успевала отслеживать, где я — в толще океана или уже в невесомости за пределами Земли. Я радовалась дельфинам: они мне были знакомы и сопровождали меня в моём путешествии. Дельфины, они, как кошки, проявляются во многих измерениях. Вдруг увидела прекрасный тёплый свет, искрящийся и переливающийся, который окутал меня Любовью такой, которую я не смогла принять полностью — ещё не была готова к такой Божественной Любви. Мне казалось, что ещё немного, и моё сердце не выдержит, и просто лопнет. Меня тянул к себе этот Свет! И я пошевелилась, открыла глаза и увидела вновь свою комнату. Ощущение счастья больше никогда меня не покидает по сегодняшний день! Я научилась удерживать это состояние благодаря открытому сердцу и отслеживанию своих мыслей и эмоций. Главное, нужно всё негативное трансформировать в положительную энергию, а не скидывать, как мы привыкли: «У собачки заболи, у кошечки заболи...» — всё

трансформируется, главное, с добром всё делать и с открытым сердцем. Попробуйте, вам понравится!

Экология души — это истинная природа души. Природу нельзя улучшить: она и так изначально чиста. Чистоту нужно поддерживать. Для этого обязательно нужно содержать своё тело и своё пространство в чистоте! Чистым должен быть и дом, и окна в нём. Давно, лет десять назад, мы с сыном ездили в Хакасию, проезжали много посёлков, деревень, городов. Дома как на ладони. И всегда видно, в каком доме чистые окна. И вдруг я непроизвольно стала посылать в каждое чистое окно пожелания счастья, здоровья, благополучия, даже поначалу не замечая этого. Я не осуждала тех, у кого были окна не мытые, — я их просто не замечала! Но в чистые я отправила непроизвольно много хорошей энергии. Позже где-то я услышала по ТВ, скорее по РЕН ТВ, что дома с чистыми окнами чаще всего славятся благополучием. Я заулыбалась! Так и есть!

Это был взгляд человека с улицы. А что такое чистые окна изнутри дома? Чистое, прозрачное окно — это иллюзия его отсутствия и соединения с природой. Будто вон тот прекрасный клён совсем рядом — только руку протяни! Небо голубое, облака... А если окно грязное, то это напоминание, что ты отгорожен от внешнего мира, от природы, от красоты. Где-то в сети прочла один раз историю, в которой жена ругала соседку за то, что та вывешивала сушиться серое бельё в своём дворе. Делала она это до тех пор, пока мужу надоело это слушать, и он ей сказал: «Вымой окна!»

Душа — это окно! С чистой душой человек не станет осуждать другого человека.

Пришло время, раз уж заговорила о чистоте, рассказать и о госпоже Депрессии. Спросите: «Какая связь между ней и чистотой?» А вот какая!

Пишут, что депрессия даётся только сильным людям...

Между хорошим и плохим, светом и тенью нет пропасти. Даже разделительной полосы нет. Только прозрачная грань. Проницаемая, проходимая. Бах! И ты уже по другую сторону,

а сознанием и отследить не успел. Так можно совершить скачок в любое измерение. Так произошло и со мной. Я просто шла по улице, вроде бы ничего не предвещало плохого, но вдруг — раз, и я оказалась в каком-то сером мире. В первую секунду я даже начала озираться по сторонам, огляделась: вроде всё тоже самое — и дорога, и небо... Но исчезли яркость и чувства. Я поняла, что со мной что-то произошло. Весь мой мир стал серый, я оказалась в ловушке без окон и дверей, которая была сделана из грязного стекла, через которое я смотрела на мир. Как потом уже поняла — я провалилась в депрессию. Просто мир перевернулся, как крышка на чайнике, и я это физически почувствовала. Но за несколько дней до этого со мной произошёл интересный случай.

Одним августовским вечером я стояла в саду и любовалась небом. Вдруг из груди моей, с левой стороны, вылетел шар. Размером он был чуть больше теннисного и переливался, и играл разными, какими-то неземными цветами и красками. От него исходило яркое свечение. Удивилась: что это такое? Я поняла, что являюсь свидетелем какого-то чуда. Как истинный оптимист подумала, что увидеть такую неземную красоту — это к большому счастью, это к добру. Ещё осознала, что шар не двигался, не летал, а перемещался. Именно так — перемещался. Вверх, вниз, в стороны. Потом замер на секунду и со скоростью света исчез.

Долго стояла в недоумении. Помню, что испытывала смешанные чувства — от удивления до неверия. Я с радостью рассказала об этом чуде своим домашним. Но в скором времени поняла, что радоваться было рано. Что со мной происходило, описано, наверное, в медицинских учебниках по психиатрии. Сама я поняла, что это моя душа меня покинула. В груди, с левой стороны, я ощущала огромную дыру, космическую, чёрную. Я изо дня в день три года подряд накрывала это место ладонью и спрашивала, обращаясь неизвестно к кому: «Где моя душа?»

Три года я находилась в депрессии. Как я жила, что испытывала — расскажут мои стихи, которые я начала писать.

Раньше я никогда стихов не писала. А тут заметила одну особенность: напишу, и сразу легче становится. От мрачных стихов я силой себя заставляла переходить к светлым, хотя бы писать так, чтобы стих заканчивался оптимистически.

Я не заиклилась на ней, но всегда стараюсь помнить о депрессии, из которой мне только чудом удалось выбраться самостоятельно, и когда она выпустила меня из своих лап, я сказала ей СПАСИБО! Благодаря ей, я стала лучше и чище. А ещё я сумела сохранить свою природу, свою экологию души. Депрессия познакомила меня со мной.

Что бы ни случилось, что бы ни угнетало — завтра обязательно будет новое утро. Заставь себя встать, и первое, что сделай, найди в себе силы... умыться и надеть чистую одежду. Это огромный труд, и ты обязательно вспомнишь, что когда-то ты делал это ежедневно (когда не было депрессии) и не замечал, что был счастлив. Нужно держать себя на плаву и учиться жить, иначе конец. И конец бесславный. Всеми силами тяни себя наверх, к свету. И сам зажигай свет для кого-то, для близких и детей — для тех, кто нуждается в тебе. Только мы сами должны зажигать свет. Никто не зажжёт, скорее потушит.

Как я уже говорила, в новой реальности можно оказаться неожиданно, просто, как говорится, «на раз». Как попала я неожиданно в депрессию, так же неожиданно я из неё и выскочила. Именно так — выскочила, а не вышла. Три года прошло с тех пор, как душа покинула меня, оставив моё тело на Земле. Я как-то жила, растила сыновей. Весной я смогла всё-таки выйти на работу — не по профессии, а продавцом в продуктовый магазин. Я решила выйти из дома: нужно было ехать на собеседование. Надела на себя самую красивую одежду и обомлела: она была мне очень велика! Я похудела так, что одежда казалась надетой на кол. Я ехала в автобусе, вся зажатая и сгорбленная, — мне казалось, что все думают, будто я у кого-то позаимствовала одежду, что такую красивую юбку и кожаную куртку с воротником из морского

котика эта женщина носить не достойна. Я хотела вернуться домой, но кто-то или что-то заставило меня пройти собеседование и выйти в социум. Раньше этот магазин назывался «Гастроном». В магазине осталась вся отделка и атмосфера советского времени: стены были из бетона и окрашены в какой-то неброский цвет, полы были покрыты обычной плиткой, такой же старой и невзрачной, и звонкой. Но мне было всё равно. Стала ходить ко мне одна очень странная женщина — постоянно недовольная, грубая. Наорёт на меня и уходит. Сил и энергии у меня не было, чтобы как-то противостоять ей или ответить. Так она ходила ежедневно в течение месяцев трёх — изводила просто меня. Как-то пришла она в очередной раз и была недовольна формой печенья! Просто формой, всего-навсего. И тут что-то произошло со мной! Я крикнула на неё и сама удивилась своему крику, глухому, гортанному и какому-то чужому, как мне показалось. Он вырвался из меня, как вырывается на волю мустанг, долго стоявший в загоне. Так, наверное, кричит новорождённый ребёнок. Этот долгожданный крик ждут и врачи, и мать. Я родилась заново! Крик принял форму коричневого матового шарика. Он ударился о бетонную стену, отскочил от неё и запрыгал по полу, прямо по звонкой плитке. Ещё подпрыгнул и ударился о противоположную стену. Потом ударился о потолок и, запрыгав часто-часто по полу, растворился в пространстве. И произошло чудо! Я ожила! По моим венам пошла кровь, а может, это была жизненная энергия. Пустота в левой части груди моментально заполнилась. С глаз спала пелена, и я увидела, что уже наступило лето! Я вышла на улицу: шумят листвой тополя, после грозы пахнет озоном и асфальтом... Сердце моё открылось, и я полюбила весь мир, всю планету, всю вселенную. Эти ощущения я запомнила и стараюсь сохранить их в себе до сих пор.

А с той женщиной мы потом подружились, и она приносила со своей дачи ягоды и угощала меня.

С тех пор я выбираю себе счастливую жизнь на каждый день. То есть я выбираю себе события.

Как пример могу привести простые вещи, чтобы без конкретики. Если вы видите птицу на ветке — это значит, вы позволяете ей присутствовать в вашей жизни. Переведите взгляд на что-то другое, и вот в вашей жизни птицы нет, а есть, например, трактор, который виден из вашего окна. Тут уж на ваш вкус, что вы хотите видеть и выбирать между трактором и птицей. И так во всём!

Не смотрите на то, что не хотите видеть, уйдите оттуда, где спорят или говорят то, чего вы не хотите слышать. Всегда поддерживайте в себе позитив, а это значит — следите за своими эмоциями, переключайтесь на что-то красивое, доброе. И если что-то или кто-то задел, расстроил — не вникайте! Переключайтесь, переводите своё внимание. И всегда слушайте своё сердце! Это сначала кажется невозможным, странным, но зато, когда у вас получится, вы испытаете невероятный восторг. Вы заметите почти мгновенно, как меняются люди и события вокруг вас, как поменяется качество жизни в лучшую сторону. Посылайте во Вселенную чувство благодарности и принятие всего таким, как оно есть. Приучите себя замечать сотни даров от Вселенной, получаемых ежедневно, будь то возможность наслаждаться красотой природы, наблюдать за трогательными проявлениями человечности или оказаться в объятиях того, кого любите. Просто говорите «спасибо» за каждый подарок и знайте, что они наполняют вашу природу души Божественной энергией. Не нужно менять людей и весь мир — меняйтесь сами, меняйте свой внутренний мир, и вы заметите, как будете парить над землёй. Постарайтесь зафиксировать это состояние и помните, что любой качок, любой вброс негативных энергий (страдания, сожаления, зависть, гнев, обида) могут нарушить экологию вашей души, и вы опять окажетесь у низко-вибрационного разбитого корыта. Но не расстраивайтесь — начинайте снова и снова... Но только при одном условии — не портить экологию своей души негативными энергиями. Это совсем не означает, что нужно всегда быть весёлым или наигранно весёлым. Это означает быть спокой-

ным и уравновешенным, а ещё выдержанным, но ни в коем случае не равнодушным. Будьте счастливы, поддерживайте состояние счастья от любой мелочи. Как сказал наш великий русский поэт А.С. Пушкин: «Счастье — это покой и воля». Это умение я нарабатывала лет 15 или даже больше. Но это моя жизнь, и я рада, что пришла к этому.

И первое, что я сделала, — это вспомнила о своём даре из детства — видеть душу человека и стала стремиться вернуть эту способность. Стала учиться принимать людей такими, какие они есть. Как только встречался неприятный мне человек, то я сразу старалась увидеть его душу, жалела его, и сразу же находилось оправдание его поведению, словам, которые субъективно казались мне неправильными. Я стараюсь быть бережной с людьми. Именно так — бережной! Интуитивно я понимаю, что все люди, окружающие меня, стоящие в очереди, толкающиеся в транспорте, — все они о ком-то скорбят, по кому-то скучают, беспокоятся о ком-то или о чём-то. Я вижу, что их сердца изранены, опустошены болью, и они каждый день несут свою тяжёлую ношу. Будьте бережны! И вы тоже почувствуете, как из вашей груди будет литься свет. Вы это осознаете сразу, и если подумаете, что вам это кажется, знайте — не кажется.

Бывает так, что с человеком не можешь разойтись на дороге: ты в эту сторону, и он туда же, и так несколько раз, пока не запутаешься. Бывает же у всех? Тут уж применяю верный способ — Прощение. Прямо так и говорю мысленно, обращаясь к этой душе: «Прости меня, бабушка, или женщина, или мужик, или дед». Без всякого политеса. Где-то слышала, что когда люди идут навстречу друг другу в городе, в толкучке, то это повторяются события какой-то битвы, где мы так же шли когда-то друг на друга с оружием. Поэтому не надо никого задевать плечом, быть агрессивным. Если толкнули или наступили на ногу на улице, в трамвае, то знайте, что это привет из прошлого, душа просит прощения у вас и просит простить её за какую-то встречу в прошлых жизнях. Нужно попросить прощения у встречного и простить

его. Мысленно. Даже если он об этом способе не знает, вы-то знаете! А души сами разберутся. Начните с себя, пусть будет меньше агрессии и безотчётной злобы. А как легко становится на душе после этого — словами не передать!

И вот теперь, когда я точно знаю, что прочно связана с Высшим Я в своём сердце, я обрела способность спускаться в потаённые пространства себя.

Люди хотят магического решения своих проблем и отказываются верить в чудо.

Кто-то говорит: «Увижу чудо — поверю». А я говорю, что верю, и потому вижу. И всегда помню, что чудеса всё равно происходят. Либо со мной, либо без меня, но лучше со мной! Написать об этом мне хотелось всегда, и подвигло меня к этому нынешнее лето. Сейчас расскажу, каким образом подвигло. Все знают, что с помощью запахов можно вспомнить прошлое. А моё открытое сердце ещё и позволяет мне вернуться в детство — пусть на мгновение, но я туда попадаю! Время — величина динамичная, и поэтому я его определяю, как мгновение. В нашем четвёртом измерении мы живём во времени, а переходя в другое измерение, мы идём параллельно времени и поэтому можем выбирать, в какую реальность попасть — в прошлое или в будущее, или выбрать события сегодняшнего дня. У меня получается (пока) выбирать события сегодняшнего дня и перемещаться в детство. Существует много способов, которые стимулируют мозг вспомнить определённые события, например, мелодия или какое-то место (локация на современном языке). Но наиболее мощный инструмент для меня и моей памяти — это запахи.

Сегодня я проснулась и, не открывая глаза, почувствовала запах летнего ветерка, который сквозь открытое окно, раздувая тюль, принёс мне прохладу, как в первое утро каникул, и запах детства! А чем пахнет детство? Конечно же домом, солнцем, тёплым хлебом, горячими чебуреками, которые напекла мама перед тем, как уйти на работу. Тут же я оказалась на нашей кухне, увидела эти самые чебуреки, заботливо накрытые мамой чистым полотенцем. Запах детства

лёгкий и невесомый. Я потянулась за ним, потянулась всем своим нутром и тут же оказалась на берегу Иртыша, увидела деревянные лодки, прикованные цепью к колышкам, вбитым в берег. Сладко запахло иртышской мятой, рыболовной леской, размякшим от жары гудроном, которым заливали щели на лодках. Увидела откуда-то сверху нашу заводь (лягушатник, как мы её называли), и даже кто-то купался в ней. И тут же запахло водяными брызгами, радугой, синим небом, колокольчиками, ежевикой, которую мы, изодрав ноги её колючими кустами, собирали по берегу Иртыша. А как нужно есть ягоды? Конечно, только с куста и невымытые. Пальцы вытирать о майку, снимать с ягодок паутинку, немного прищурившись от удовольствия и солнца, пробивающегося сквозь листву высоченных тополей и играющего зайчиками на наших лицах. Потом ладонью закрыть солнце и видеть, как рука становится прозрачной. А крыжовник нужно есть только недозрелым! Вообще, интересно знать, созревает ли крыжовник до зрелого состояния? Его непременно нужно жевать, приговаривая: «Какая кислятина!» Чувствовать, как ягоды лопаются во рту, морщиться от жары и колючек, что царапают голые ноги, обутое в сандалии.

Переместилась опять на кухню, посмотрела в окно и поняла, что где-то там мама и папа на работе, деда и баба дома, что-то делают во дворе. И все они живы, и вечером мы встретимся. Главное, ничего не задеть, ничего не пытаться изменить, а чувствовать, чувствовать всё то, что таинственным образом открылось, и набираться счастья и сил.

Открыла глаза — я в своей комнате, в постели. Нужно вставать. Но я встаю с небывалой радостью и огромной благодарностью к Вселенной, к Богу, Высшему разуму — можно говорить как угодно. У меня открыто сердце новому дню, который будет обязательно счастливым, потому что я только что вернулась из детства. И так несколько дней подряд! Ах, лето! Вот так и пришло ко мне желание написать всё-таки об этом, а вдруг у кого-то из читателей тоже получится хотя бы на миг вернуться в детство и вновь ощутить счастье, лю-

бовь и беззаботность. А уже потом с этими чувствами прожить сегодняшний день, завтрашний, жизнь прожить счастливую. Да такой подпитки хватит надолго! Эти чувства высокочастотные, а значит, притянут в жизнь человека приятные события, и все несчастья пройдут стороной, а проблемы решатся волшебным образом, а новые проблемы не возникнут или отступят, так и не набрав обороты, потому что окружающий нас мир — это огромное зеркало. И это зеркало отражает всё, что мы несём в себе. У зеркала нет своего лица, оно отражает наше и наш мир, который нас окружает. А окружающий мир мы создаём сами, согласно природе нашей души, благодаря её экологии. Думаю, что каждый хотя бы раз ощущал решение проблемы волшебным образом и потом удивлённо спрашивал: «Как? Как так произошло? Кто помог? Бог? Вселенная? Высший разум?» Но знайте, что спасение вы притянули себе сами, вы желали исхода проблемы, нужного для вас, всю свою энергию направили на это и получили результат. Вы желали и получили. Всегда «Желайте», а не «Хотите»: исполняются Желания, а не хотелки. Но желания надо тоже уметь загадывать. И этому нужно учиться.

И опять хочу спросить: «Что такое даль без края?» И сама отвечу: «Это Детство! Я откуда-то знаю, что существует множество Вселенных, и все они находятся в сферах — каждая Вселенная в своей сфере. Это удивительно, но представить можно: наша Вселенная со всеми планетами, звёздами, чёрными дырами заключена в сферу. А рядом ещё множество таких же сфер. Они красивые, переливающиеся, светящиеся, как множество мыльных пузырей. Так же вот я и представляю детство. Каждый ребёнок — это отдельная Вселенная, и она заключена вот в такой вот радужный мыльный пузырь. Стенки его очень тонкие, прозрачные. Обязанность взрослых — сохранить эти тоненькие стенки, не навредить, не вторгаться туда, в чужое детство и ничего там не нарушить, а обеспечить, сберечь детскую радость, счастье, любовь, веру в чудеса каждого ребёнка. И если взрослый сохранит природу своей души, сохранит экологию души своей, то все дети будут счастливы.

Андрей Драгунов

г. Казань

Знаешь ли, друг мой...

Рассказ

В республиканском отделении Союза писателей России я подружился с Никитой. Сам он вступил в СПР недавно. Чтобы поговорить — что к чему, как и мне лучше пройти тот же путь, я уговорил его зайти в «Литкафе».

— Что сказать тут, Серёга... Два сборника с рассказами ты уже издал. Сегодня мы тебя поддержали, а потому и три рекомендации у нас ты получишь, — понемногу отхлёбывая горячий чай, деловито сказал он. — А уж как на твоё творче-

ство посмотрят там, в Москве, я не знаю. Но поскольку ты у нас зелёный свет получил, то вперёд! И, как говорится, путь осилит идущий!

Но прежде всего ты сам для себя должен решить: для чего тебе это надо? Просто из прагматизма — ради красной книжечки или, действительно, российским писателем стать. С первым всё ясно, а вот второе мне тебе так сразу и не объяснить. Лучше всего у нас об этом Николай Иванович говорить может. Но вот сейчас за рекомендацией к нему ты не ходи. Он, скорее всего, тебе её не даст. А уж если ты и приставать начнёшь — «отчего да почему», он тебе ещё и пух, и перья выпустит. Знаешь ли, любит он так образно говорить, да и птиц всяких поминать. Ну а потом, когда вас судьба ближе сведёт, ты сам в ножки ей поклонись, скажи ей спасибо, и всё, что он скажет, — на ус мотай...

— Постой-постой, Никита... Как это я к Николаю Ивановичу не пойду? — даже опешил я. — Да я к нему к первому идти собрался! Говорит он дельно, мужик — свойский...

— Да возьми ты, Серёга, рекомендации у кого угодно, и Николай Иванович мешать тебе не будет. А если ты сам к нему явишься, то он тебе и про свой принцип расскажет, и ещё слегка так поддаст!

— Постой, постой, Никитушка... Будь другом, расскажи поподробнее. Что он может такое сказать?

— Ладно, у меня время есть, расскажу. Слушай, Серёга, как дело было... Постучал я к нему и вошёл.

— Проходи, Никита. Садись вот тут, рядышком, — улыбнувшись, с пронзительным взглядом врача, сказал он. А когда я присел, то он мне и говорит: — Видишь ли, друг мой Никита, какая штука. Был я в твои годы ну точно таким, как и ты. И вот сейчас все мои прежние работы мне не нравятся.

— Да неужели, Николай Иванович, я так плохо пишу? — вырвалось у меня.

— Что ты, друг мой, Никита! Уж чего-чего, а таланта писателя тебе не занимать. Пишешь ты самобытно, гладко, и тексты твои читаются легко. Даже более того тебе скажу.

Тебя хочется читать и читать, чтобы узнать, что там дальше будет... Тут дело не в том, что ты криво перо держишь, а в том, что каждая птица оперяется в свой срок.

Взять три рекомендации у нас для вступления в СПР не проблема. Хочешь вступать — вступай, и я мешать тебе не буду. А там, глядишь, и сам вырастешь. Но уж если ты ко мне пришёл, то давай мы с тобою как два друга поговорим. Только, друг мой Никита, на меня не обижайся, потому как на друзей не обижаются...

— Ну, давайте поговорим, — кивнул я ему.

— Знаешь ли ты, Никита, что всё, что выходит из-под нашего пера, является отражением нас самих? Те, кто враспустили внутри себя большую жемчужину, — что есть здоровая духовно-нравственная основа — способны утверждать, говоря обобщённо, высокие смыслы. Работы таких писателей исполнены всяческой чистоты, мудрости и душевного тепла. Вот именно это и нужно людям. Но есть, правда, и такие читатели, которым одни только низшие смыслы подавай.

Нам, писателям, обрести жемчужину внутри своего, можно так сказать, перламутрового сердца позволяет только подлинно высокая цель. Двигаясь к ней по жизни, мы всё больше изменяем свой ум, всё более уточняя его направленность. Стезя творческого реализма для такого движения особенно хороша. Согласись, что наша жизнь куда масштабнее и глубже всего того, что мы можем вообразить. Писатели — птицы, оперившиеся на поприще реализма, могут летать очень высоко, обозревая всю панораму нашей жизни, и они имеют острое зрение. А много ли видят те птицы, что только лишь ходят по земле да ныряют в омут?

Попомни слова мои, Никита. Если ты, верно обновив свой ум, вырастишь большую жемчужину в сердце своём, то воспарит над всеми горами и долинами нашей жизни и будешь всевидящим и могучим, как андский кондор! Ну а пока у тебя ничего, кроме одного пера в руке твоей, нет, как ты можешь к лучшему изменять мир? Российские же писатели призваны утверждать самые высокие смыслы и

тем помогать всем нашим читателям, изменять их сердца и умы к лучшему. Но ты можешь стать и таким писателем, кто утверждает низшие смыслы, для тех, кто требует «хлеба и зрелищ». Сейчас ты пишешь в общем-то надуманные истории, просто для развлечения. Но тебе должно окончательно определиться и шагнуть — туда или сюда.

— Неужели, Николай Иванович, сейчас я бескрылый пингвин? — немало озадаченный, спросил я его.

— А что тебе моё мнение, Никита? Назвался груздем — полезай в кузов. Ты сам творец — монос, вот вглубь себя всё время и смотри... Я вот уже пролистал одну твою книгу и, как раньше говорили, «со всей ответственностью могу сказать», что герои твои хороши. Но вот только нет-нет да и совершают они духовные ошибки. А каждая такая ошибка — это грех. И ведь именно грех разлучил треть прекраснейших ангелов, а потом и Адама с Евой с Богом. У тех, кто совершает духовные ошибки, подлинных хэппи-эндс в их жизни не бывает!

Вот посмотри. Кто-то шёл-шёл вдоль обрыва и сделал с него нечаянно один шаг. Конечно же он вниз сорвётся. А вот герои твои, нарушая духовные законы, что являются теми или иными установлениями Божиими, вниз не падают и даже добиваются своего. Современная молодёжь ни о каких законах жизни не знает и ходит к целям своим по прямой. И вот кто-то, подражая твоему хорошему персонажу, возьмёт да и шагнёт с замаскированного тобою обрыва вниз и сломает себе жизнь. И вот теперь помножь принесённый тобою ущерб на тираж своих книг. А Иисус Христос нам сказал: что вы сделали людям, то вы сделали Мне. Видишь, друг мой Никита, как мы, писатели, опасно ходим?

— Да, я понимаю ответственность, — ещё больше смутившись, сказал я и, чтобы сменить тему, спросил: — А что вы, Николай Иванович, думаете о фантазиях Герберта Уэллса, Клайва Льюиса и Джона Толкиена? Я их фэнтези и фантастику очень люблю.

— Да и я этих писателей, века XX, просто обожаю, — с немалой теплотой ответил он. — Все они были конечно же

мудрецами! Но не сам по себе жанр фэнтези им позволил создавать вот такие чудеса, а то, что писатели эти имели внутри себя. А ещё, заметь, все они были высокообразованными людьми. Так, Джон Толкиен был профессором Оксфордского университета, а его лучший друг, Клайв Льюис, — так же преподавателем, да ещё и теологом. Видно, что все поступки их главных персонажей соизмерялись с авторской совестью. Ну а совесть, как очень точно сказал наш сатирик Михаил Задорнов, это и есть весть с Небес.

Можно ещё отметить, что Клайв Льюис был до встречи с Джоном Толкиеном атеистом-богоборцем и даже человеком злым. Но под влиянием Толкиена он кардинальным образом обновил свой ум, стал ревностным христианином и написал лучшую серию сказок всех времён и народов о Боге — «Хроники Нарнии». Мне думается, что саму идею великой сказки «Хроники Нарнии» и весь недостающий на то талант Клайв Льюис получил от Бога, как дар блудному сыну, возвратившемуся к своему Отцу. Вот так, Никита, один писатель может на судьбы многих людей повлиять. И на примере Клайва Льюиса также видно, что никакой предопределённости в судьбах людей нет. Добровольный выбор каждого человека решает всё.

Сам Джон Толкиен нигде не писал слово «Бог», но все главные его персонажи ведут себя как христиане. Молодёжи нравится такая нравственная чистота, и она подражает им. А вот Герберт Уэллс был, возможно, даже пророк. Он так точно описал все грядущие изобретения, как будто видел их. А ещё Уэллс предсказал сроки начала Первой и Второй мировых войн и приложил все усилия, чтобы предотвратить их. И идеи Герберта Уэллса, касающиеся справедливого мироустройства, были положены в основу современной Организации Объединённых Наций.

К этой плеяде великих писателей можно отнести и Жюль Верна, сочинившего в XIX веке много занимательных приключенческих романов. По своей природе этот писатель имел чистую душу и в юности очень страдал от всякой нечистоты и обыденности, окружавшей его. А других таких лю-

дей, как он, рядом не было. И вот, собственно, от душевного одиночества он стал придумывать себе друзей и проходить вместе с ними через все мыслимые и немыслимые приключения. А кроме захватывающих дух событий, его романы содержат в себе волны тепла.

Прошли годы, и на романах Жюль Верна, подражая его славным героям, выросло новое поколение. И вдруг он увидел, что такие люди, каких ему в прошлом не удавалось найти нигде, появились повсюду... Вот так мы, писатели, имея достойные духовно-нравственные ценности, можем улучшить весь мир. Жюль Верн так же вопросы веры всячески обходил, но сам при этом в духе Евангелия говорил: «Давайте будем добрее друг к другу, несмотря на взгляды».

— А что, Николай Иванович, вы понимаете под словом «духовность»? — спросил я его.

— Симон Соловейчик, теоретик педагогики, член Союза писателей СССР, сказал, что «духовность — это творческая воля к правде, добру и красоте». А в сущности, всё это — плоды вошедшего в нас Духа Божьего, — ответил он и добавил: — XIX век и начало XX были в России «Золотым веком» русской литературы. Именно тогда из среды нашего народа вышел целый сонм великих, глубоко духовных писателей, являющихся носителями русского духа.

— А что такое русский дух? — ещё спросил я его.

— А помнишь тот мультик? — улыбнувшись, переспросил он. — Там «добренькая» Баба-Яга, поведив своим большим носом, недовольно так говорит: «Ух, ух, ух! Опять русским духом запахло!» Ну, что же приближалось к ней? Чего она такое учуяла?

— А приближался к ней Иван-Дурак, — припомнив что-то, сказал я и добавил: — А учуяла она, должно быть, совесть...

— Вот, именно — совесть. Это ведь по понятиям прагматического мира сего Иван чокнулся, потому как он бесребренник честный и похож на блаженного дурачка с церковной паперти. А на самом деле, он же сын Божий, какими

и все святые являются (и мужчины, и женщины) — по Благодати, не по естеству. Потому колдунья Баба-Яга и забеспокоилась, что ещё вот-вот, и все чары её распадутся. Люди духовные на Руси всегда с пониманием и улыбкою относились к тому, что их мирские собратья, сами считающие себя умными, меж собою дураками их называют. Именно об этом и написал свой замечательный роман «Идиот» наш великий писатель Фёдор Достоевский.

Все великие русские писатели пробуждают в человеке, прежде всего, его совесть. Они и сейчас обновляют умы своих читателей к лучшему. Классическая русская литература буквально пронизана духом правды!

Культура России как хранилище духовно-нравственных традиций на протяжении многих веков складывалась как православная культура, и потому дух евангельский лежит в основе каждого классического произведения. За каждым словом русского человека стоят все его предки, глубоко верившие в Иисуса Христа. Вот потому всякого подлинно русского человека, и в том числе и писателя, в отрыве от православия понять трудно.

И вот не было бы нам счастья, да несчастье помогло. Появление на российском литературном небосводе Александра Сергеевича Пушкина, Фёдора Достоевского, Льва Толстого и многих других русских классиков связано с тем, что в XIX веке в наше патриархальное православное общество всё более стал проникать с запада дух прагматизма и рационализма. И русские писатели в XIX веке, вооружившись рационализмом, очень тонко ограничили в себе русскую духовность и сумели создать целый пласт величайших по художественной правде и глубине произведений. Так русские писатели обрели зоркие глаза и крепкие крылья и взлетели выше всех прочих птиц в бездонное русское небо.

Вот как точно о духе русского человека сказал в песне «Откровение» Александр Барыкин: «И может быть, я не увижу никогда святых небес нерукотворны города. Духовный иль мирской. Духовный иль мирской. Я полон русскою

тоской. Я полон русскою тоской...» Вот ведь, Никита, о чём тоскует дух русский.

Как отметил профессор Сергей Перевезенцев, сопредседатель Правления Союза писателей России, сейчас, в XXI веке, по всему миру идёт «Революция низких смыслов». Во всех западных странах она уже победила, и теперь через все двери, окна и щели она рвётся к нам. Вот потому люди запада, как и наша длинноносая Баба-Яга, русского духа вынести ну никак не могут. Конечно же за «Революцией низких смыслов» стоит сам дух злобы, желающий уничтожить всё и вся. Но в России, где вся культура пронизана евангельским духом, эта революция не пойдёт. За годы безбожия российское общество сильно удалилось от Бога. И пока мы все вновь не обратимся к Нему, нас, россиян, так и будет колбасить. «Но как же надо много усилий и подвига, чтобы опуститься на глубину познания христианства», — говорит русский старец Иоанн (Крестьянкин).

А то, что Россия выстоит против всех низших смыслов и окончательно победит, вот из чего видно. В 1917 году, в португальской деревушке Фатима, которая сейчас превратилась в крупнейший после Ватикана мировой религиозный центр, трём малолетним детям являлась Дева Мария, и через них Она передала миру три пророчества. Все они с ходом времени в точности исполняются. Но Ватикан сразу их засекретил, и второе откровение, которое могло бы помочь людям предотвратить Вторую мировую войну, он опубликовал только в 1942 году.

Третье же пророчество, которое, как предполагается, по объёму и мощи подобно «Откровению Святого Иоанна Богослова», римские папы начали было публиковать, но только лишь фрагментарно. Что же такое содержится в нём, что Ватикан и уничтожить его не может, и опубликовать боится? Но ясно, что римские папы так и хотят остаться «монополистами» в знании будущего, чтобы, прилагая все возможные усилия, пробовать изменить ход мировой истории в нужную для них сторону. И всё же в 2005 году, в ходе внутрен-

ней борьбы между кардиналами, в последние дни правления Папы Иоанна Павла II, они публиковали несколько новых фрагментов из третьего пророчества (увы, не факсимиле, а в пересказе, но и это дорогого стоит). В одном из них говорится о том, что Россия спасётся обращением к Богу, и о том, что через преображённую Россию — державу мира и небесной любви, утвердившуюся силою Животворящего Креста, просиявшего с Соловецкой горы, совершится великая победа над вавилонской блудницей и красным драконом, описанным в Апокалипсисе...

Но такая великая победа сама на нас с Неба не свалится. Всё это будет сделано руками детей Божьих — людей. И чтобы нам, российским писателям, не остаться на обочине этого стержневого движения, мы должны создавать такие яркие образы, которые помогут людям приблизить их умы и сердца ко всякой правде, к бережному отношению друг к другу и к природе. Профессор Александр Малиновский, член Союза писателей России, сам творивший в духе многовековой русской культуры, назвал этот вектор «Экологией души».

При нынешнем накале борьбы за умы и сердца людей, одним добрым и мягким светом, что исходит от произведений Жюль Верна, Джона Толкиена, Клайва Льюиса и им подобных, без понимания того, что сосредоточием всего блага и самой высшей правды является Бог, «Революцию низких смыслов» нам не остановить. Мы должны уяснить, что любовью молящийся человек, низводящий на планету Земля с Небес потоки Святого Духа, приносит блага больше и стоит пред Богом выше, чем любой из мирских писателей и учёных.

Не так давно у нас в СПР прозвучал тезис: «Там, где люди знают, что Бог на первом месте, — всё будет на своём месте». Великий же русский писатель Александр Сергеевич Пушкин говорит: «Поэзия Библии особенно доступна для чистого воображения. Я думаю, что мы никогда не дадим народу ничего лучше Писания...»

Мы, христиане, читаем и перечитываем Библию без конца не ради информации, а для приобщения, через слог

Её, к Святому Духу. В последние годы жизни наш великий святой Серафим Саровский, когда он окормлял уже духовно всю Россию, то находил время перечитывать по целому Евангелию каждый день. Это позволяло ему держать свой ум готовым к правильной оценке и того, что было в душе его, и того, что происходило вокруг него, и даже прозреть сквозь века.

Главнейшей задачей православия является очищение человеческой души, что ведёт к полному исцелению человека. Вот как поэтично к вопросу об «Экологии души» говорят Духом Святым русские святые: «Простота — это невинность перед Богом души. Святая простота от Духа Божия подаётся. Человек сам ничего не приобретёт, если Бог не подаст. А даст, так и будешь как дитя. Ближе Бога к нам никого нет». «Хорошо будет жить в Раю с Богом, но не приведи Бог — с демонами».

«Отдавать Богу — Божие» — это и значит милостиво относиться к каждому человеку, встречающемуся на нашем пути, когда мы расходует на него то, что даром получили от Бога, — наше время, силы и возможности.

Когда-то давным-давно, друг мой Никита, я, вот так же как и ты, зашёл в этот самый кабинет со своими первыми книгами. Здесь тогда сидел один очень известный писатель. Он отзывается мне не дал и добавил: «Ты у нас не пройдёшь!» Я тогда конечно же очень расстроился и думал, что уже не буду более писать. Но вот сейчас я вижу, что тот писатель всё же был прав. Ведь я писал тогда с духовными ошибками...

Ну а тебе, друг мой, я скажу следующее: «Ты у нас в СПР пройдёшь». Только не стой на обочине, помни о чести быть российским писателем XIX века и изменяй свой ум! И об ответственность за всё сказанное тобою не забудь...

— Ты знаешь, Никита... А я ведь ещё больше к Николаю Ивановичу за отзывом пойти захотел...

Алёна Заживихина

г. Самара

Русская душа — широчайшего размаха

Эссе

Всё внешнее ухудшается со временем. Слава быстро проходит, о музыканте, по которому недавно сходили с ума, могут просто забыть. Даже самая дорогая вещь изнашивается. Тело, разумеется, тоже стареет, проигрывает за вечное сохранение красоты, свойственной юности. Нужно раз и навсегда понять, что истинный источник ценностей — внутри: он в нашем сердце, душе, характере.

Можно вспомнить марксистов, писавших о том, что экономика — базис, а религия — это лишь надстройка над ним, то есть они ставили во главу угла материальные ценности. Конечно, никто не спорит с тем, что материальные средства дают нам возможности, но ведь есть что-то гораздо более ценное, то, что находит в нашей душе больший отклик. Это наша национальная культура, любовь к нашей Родине, наш негасимый огонь памяти о подвигах предшествующих поколений, ведь это то, что направляет нас, указывает нам дальнейший путь. И конечно же православие — наше нравственное ядро.

А.С. Малиновский — наш выдающийся земляк, следует идеалам великих классиков литературы, утверждающих веру в силы, могущество и процветание нашей страны.

Александр Станиславович был, безусловно, достойнейшим человеком, о чём свидетельствует и его жизненный путь, и его творческое наследие. Свою любовь к родной земле он пронёс через всю жизнь. Вспомним бессмертные строки А.С. Пушкина: «Товарищ, верь: взойдёт она, // Звезда пленительного счастья, // Россия вспрянет ото сна, // И на обломках самовластья // Напишут наши имена!» Бесконечную веру в силы России мы находим и в повести А.С. Малиновского «Радостная встреча»: «Россия жива! Она будет жить вечно! Её не побороть на поле брани хитроумными планами из-за моря», — в строках чувствуется пушкинский, бесконечный оптимизм, вера в светлое будущее нашей страны, в её «особое» предназначение.

Одна из выдающихся заслуг Пушкина ещё и в том, что он воспел душу простого русского человека. А.С. Малиновский, следуя традиции Пушкина, в повести «Радостная встреча» показывает жизнь глубочайшей человеческой души. Главный герой — Григорий Журавлёв, человек без рук и без ног, как может показаться, обречённый на «серое» существование. Но его бесконечная жажда жизни, любовь к ближнему превозмогает всё, притягивает к себе людей. Свои шедевры иконописи он писал зубами (автор подчёркивает «нерукотворные иконы»). Журавлёв, несмотря на свой мучительный подарок

судьбы, был весёлым, любил шутить. Да, возможности здоровья не позволяли ему самостоятельно передвигаться, ограничивали жизнь, но вот его душа, единённая с православной верой, была светлей и шире, чем у любого другого человека: «От фигуры художника исходит ощущение мощи и воли, вспоминается богатырский облик храма». А.С. Малиновский с помощью контраста показывает, что внутренняя православная сила души гораздо сильнее внешних особенностей. Более того, А.С. Малиновский пишет о том, что работа над книгой «Радостная встреча» дарит и ему самому приятные встречи, наполняет душу теплом. Кульминация повести, момент, когда автор стоит у могилы Журавлёва и произносит следующие строки: «Он знал свой путь, верил, а мы заблудились». Душа Журавлёва, некий светлый маячок, который позволит и нам, последующим поколениям людей, идти по жизни с мудростью, верить, знать свой путь.

Нельзя не сказать и о том, что красной нитью через всё творчество А.С. Малиновского проходит ещё одна важная мысль — мысль о важности просвещения. Ещё советский вождь говорил о том, что нация есть совокупность компонентов: общность языка, экономической жизни, территории, а главное — общность культуры, при отсутствии одного из компонентов нельзя говорить о нации как таковой». Малиновский в рассказе «Плоды просвещения» утверждает, что просвещение позволяет нести культурные особенности народа из поколения в поколение. Настоящее и достойное поколение страны то, которое чтит и уважает свои культурные особенности. И только тогда можно говорить о нации как таковой, когда народ свято чтит свою культуру, несет её через призму веков.

Завершить свою работу хочу цитатой выдающегося писателя А.С. Малиновского: *«Понятие русский и православный слиты неразрывно».*

Наша русская душа — душа широчайшего размаха.

Виктория Каневская

с. Гвардейцы, Самарская область

«Гениальное всё так просто...»

Эссе

Книги. Стихи. Нужно ли это современному обществу? Мне кажется, что ответ на данный вопрос надо искать в ценностях общества и отдельно каждого человека.

В наш век компьютерных технологий, к сожалению, чтение постепенно уходит на последний план и заменяется компьютером, телефоном, телевизором. Я очень люблю стихи. Когда я читаю их, мне кажется, что через слова автора я лично вижу качества человека, чем он живёт, как относится к природе, к людям, что для него главное в этом мире. Ино-

гда у меня получается раскрыть всё, что скрывается за словами в стихах: складывается картина образов, мысли, призывы к добру.

Так произошло со стихотворением Александра Малиновского «Гениальное всё так просто...» Меня очень тронуло оно. Ведь очень верно и чувствительно автор показал в этом стихотворении важный момент: всё, что мы делаем на этой земле, потом отразится в настоящей и вечной жизни:

*...Не поймём мы никак, что вечность —
И удел, и награда нам.
И наш путь, длиной в бесконечность,
Не кончается где-то там.*

Ведь мы совершаем и хорошие, и плохие дела, и, самое главное, надо понять, что награда за наши поступки не заканчивается в неизвестности. Большинство людей думает, что главное — прожить эту жизнь так, как хочется, но даже не задумываются, что останется после них, какой след оставят для других, и что когда-то придётся платить за грехи лично каждому:

*Происходит всё в свете этом:
И грехи, и расплата по ним.
И по кругу мы сами их носим,
Но покаяться не спешим...*

Лично мне помогает семья, вера в Бога, исповедь: анализировать свои поступки и исправляться. Оказывается:

*Гениальное всё так просто,
Когда знаешь ты суть вещей...*

Осмыслить это сложновато, но реально, намного труднее к этому стремиться и делать: изменить себя и делать так, как будет лучше для всех и, конечно, для себя, потому что каждый в ответе за то, что происходит на Земле. В мире всё связано. Всё начинается с экологии души.

P.S. Это произведение так коснулось моего сердца, что я решила сочинить своё стихотворение на подобную тему.

Я обращаюсь к людям мира

Я обращаюсь к людям мира
И к каждой душе, что слышит.
Вы посмотрите, как злятся стихи,
Наша планета почти не дышит.

Вы посмотрите, кругом одна грязь,
Грязные реки, озёра, поля.
Мы потеряли с планетой связь,
Загрязняя воздух, леса и моря.

Вы посмотрите на этих сирот:
Их родители просто бросают.
Аборты — смертельный переворот
Для деток, что жизнь не познают.

Вы посмотрите на всё, что творится,
На войны, что конца не видать.
Каждый на каждого просто так злится!
Каждый каждого может предать.

Вы посмотрите на бедных старушек:
Их давно ещё бросили дети.
Они выживают. Мертвы их подружки.
Ждут смерти своей в сих запутанных сетях.

Вы посмотрите, люди не стали Бога бояться,
Творят что хотят, не боясь никого,
И не хотят они просто смиряться,
Для кого идут войны, для кого? Для кого?!

Вы посмотрите на мир, что с ним было и стало!
Всё хуже и хуже дело пошло.
Как в людях осталось человечности мало,
Забота была — всё благое прошло...

Я обращаюсь ко всем людям мира
И к каждой душе, что слышит:
Давайте вернёмся к любви балансира,
И Бог нас сразу услышит!

Владимир Каплинский

г. Вязьма, Смоленская область

Цветик-семицветик

Рассказ

Я сидел около маленькой речушки, с берегами, поросшими камышом, аиром, рдестом, а водная гладь была обильно покрытая кубышкой и другими водяными растениями. Лишь изредка стена береговой растительности околоречья расступалась, русло углублялось и очищалось от низкорослой растительности, не способной тянуться и вынырнуть из глубины на поверхность. В таких местах течение реки замедлялось и стайки мелкой вертлявой уклейки с удовольствием резвились, с жадностью, наперегонки хватая с поверхности воды упавших насекомых.

Скорее почувствовав, чем услышав что-то, я оглянулся и увидел бегущую ко мне улыбающуюся внучку. Она подбежала, крепко обняла за шею, прижалась тёпленькой нежной щёчкой к моей щеке, присев ко мне на колени.

— Дедушка, мы же собирались на рыбалку, а ты тут сидишь...

— На рыбалку? Ах, да-а-а-а, обязательно пойдём, сейчас пойдём... — несколько растеряно ответил я, позабыв о данном обещании.

— А что ты тут делаешь? — заглянула внучка в мои глаза.

— Я наблюдаю.

— Наблюдаешь? За кем?

Внучка недоумённо развела ручки ладошками вверх:

— Тут же никого нет, — оглянулась по сторонам она.

— Я наблюдаю за природой. Знаешь, у каждого времени года есть много различных оттенков, как у твоих красок, — взглянул я на внучку, уловив на её лице непонимание. — Вот сейчас какое время года?

— Лето.

— Правильно, лето, — пытался ей объяснить. — А началось оно, когда на деревьях появились молоденькие светло-зелёные листочки, на земле — нежная, молодая травка, разные птички пели везде... А потом трава выросла, в полях появилось много цветов, а листики на деревьях стали тёмно-зелёными, огрубели. Таких изменений во временах года очень много. Вот я и наблюдаю за этими изменениями и потом рассказываю о них людям; не каждый это замечает...

— А-а-а, я поняла. Ты рассказываешь о цветике-семицветике! — радостно сказала внучка. — Ну, как же, — глядя теперь на моё удивление, продолжила внучка, — у цветика-семицветика семь цветов, семь разных оттенков у одного цветочка, — она показала один тоненький пальчик. — Вот о каждом цвете этого одного цветочка ты и рассказываешь, так?

Я был поражён находчивости девочки:

— Да, именно так, — рассмеялся я.

— А зачем людям рассказывать об этом? Разве у них нет глазок и они не видят?

— Многие не видят или просто не замечают, а когда не замечаешь вокруг красоту, то и жизнь становится серой. А у цветика-семицветика такого цвета нет и в жизни быть не должно.

Видя, что мои рассуждения могут быть непонятны девочке, сказал, улыбнувшись:

— Так... пойдём на рыбалку!

— На рыбалку, на рыбалку, — радостно захлопала в ладоши, запрыгала козочкой внучка, и в моей душе разгорелся добрый жизненный оттенок цветика-семицветика.

Галина Малиновская

г. Самара

Человек, который остался в моём сердце навсегда

Эссе

Александр Станиславович Малиновский — личность многогранная. Выходец из села Утёвка, прошёл путь от рабочего до директора крупнейших нефтехимических заводов России. Стал доктором технических наук, профессором технического университета. В литературе он достиг больших высот, став лауреатом Всероссийских премий. Я благодарю

судьбу за то, что встретила с Александром Станиславовичем. У меня была возможность общаться с ним, читать его книги. Он часто заходил в библиотеку, где я работала, и мы всегда находили тему для разговора, особенно про деревню. Ведь я тоже родом из села, мы понимали друг друга.

— Я считаю, что надо родиться в сельской местности и лет до десяти жить там. Именно в этом возрасте у человека формируется характер, мировоззрение и он начинает вполне осознанно понимать живую душу природы. В селе нас не воспитывали в нынешнем понимании слова, мы сами видели, кто чего стоит — дед, отец, мать, соседи, — говорил писатель.

Я знаю, что в совсем юном возрасте Александр Станиславович проявлял большое желание читать и учиться. В местной деревенской библиотеке книги он читал запоем, осилив все имеющиеся там произведения. Позже, в восемнадцатилетнем возрасте, будучи совсем молодым парнем, мой хороший знакомый решил перебраться в Куйбышев поступать в институт. Новоиспечённый студент из села произвёл тогда неизгладимое впечатление на всех городских своей удивительной начитанностью.

Произведения у нашего писателя очень разные по содержанию. В его библиографии можно найти прозу, поэзию для детской и взрослой аудитории. В своём творчестве он часто обращается к теме природы родного края. Воспоминания о деревенском быте надолго отложились у него в памяти, поэтому так часто на страницах его книг обнаруживаешь описание жизни в глубинке, с тяжёлым физическим трудом, но без лишней суеты, присущей большим городам.

Также прозаик интересовался судьбой своего известного односельчанина Григория Журавлёва, крестьянина-иконописца, родившегося без ног и рук. Про его жизненный путь он написал документальную повесть «Радостная встреча». Это очень запоминающаяся история про созидание, силу человеческого духа и жизнелюбие. По совету Александра Станиславовича мы ездили в утёвский сельский храм Святой Троицы, где посмотрели сохранившиеся ико-

ны, написанные этим мастером. Позже в нашей библиотеке прошла целая серия мероприятий, посвященных этому удивительному человеку.

Как-то раз, перечитывая книги Малиновского, я узнала про его любимые блюда. Мне запомнилось, что перед очередной нашей встречей мы с коллегами пошли на Троицкий рынок. Купили там солёный арбуз и лимонный пирог, который часто пекла ему жена Лариса Петровна. К угощениям подали особый степной чай. И вот за столом, во время чаепития на творческой встрече он разговаривал с нашими читателями, детьми и их родителями. Тогда мы узнали очень много интересных историй из его детства.

Я часто вспоминаю наше общение на различных мероприятиях. Не только взрослые, но и дети всегда слушали Малиновского с большим вниманием. Я и сейчас могу сказать, что интерес к писателю не угас. В феврале на «Малиновских чтениях–2023» юный читатель библиотеки Александр Снопко рассказал стихотворение «Скворец» Александра Станиславовича. Жюри по достоинству оценило творческие умения школьника: в тот день он занял первое место.

Во время «Недели детской книги» наша библиотека приглашала учащихся 63 школы и студентов Самарского техникума кулинарного искусства на встречу «Творчество, время, талант» с Александром Малиновским. Тогда он рассказал ребятам об истории самарского края, о некоторых фактах своей жизни, о творчестве, в частности о новых книгах. Потом прочитал несколько отрывков из написанных им произведений и ответил на вопросы читателей. В благодарность ему тогда вручили красивый букет.

Также в библиотеке ученики 63 городской школы участвовали в сценке по его произведению «Приключение трёх смельчаков». Александр Станиславович лично присутствовал у нас как зритель. После представления он похвалил детей и сказал, что они первые, кто решился на постановку.

Ещё одно знаковое мероприятие проходило в зале Самарской православной духовной семинарии. Литературный

вечер вела я вместе со своей коллегой Юлией Павловной Шейдиной. Участники литературной студии представили вниманию зрителей инсценировку «Поющие ёжики» из сказочной повести «Приключение трёх смельчаков», чтение отрывка «Бричка» из повести «Голоса на обочине», проект о биографии писателя «Человек, определяющий лицо планеты».

На одной из городских конференций, тогда ещё второкурсница Ангелина Лазукова, сейчас она уже совсем взрослая и учится в Москве в Академии им. Маймонида на кафедре дирижирования, прекрасно выступила, рассказав про жизнь нашего знаменитого земляка.

Крупное событие было в самарском историческом парке «Россия — Моя история». Там Валентина Логинова, сейчас перебравшаяся в Санкт-Петербург, прочитала одно из произведений Малиновского. Сделала она это так профессионально, что я не удивлена последующим выбором девушкой актёрской профессии.

Вспоминая про Александра Станиславовича, могу сказать, что он был интересным и разносторонним человеком. Если встречаются на пути тебе такие люди, то они остаются в сердце навсегда. И каждый раз, когда нужно обрести душевное спокойствие, я подхожу к книжной полке, беру его книги и испытываю радость от того, что мне довелось на протяжении долгих лет общаться с таким талантливым писателем.

Анастасия Механькина

г. Волгореченск, Костромская область

Экология души

Эссе

Экология души — что это значит? Экология — это наука о взаимодействии человека с окружающей средой. И заключается это взаимодействие в соблюдении чистоты как таковой, чистоты помыслов и намерений, которые отражаются в действиях. Однако для качественного взаимодействия необходимо сначала озаботиться чистотой своего внутреннего мира, своей души. На мой взгляд, человек рождается чистым, наивным, близким к природе. Взаимодействие с окружающей средой, с социумом происходит на доверии и полном принятии. Со временем, обжигаясь, терпя неудачи, не в силах справиться с травмирующими ситуациями, чело-

век черствеет, замыкается, отдаляется от природы. И в этих обстоятельствах важно не потерять способность видеть прекрасное, воспринимать его душой, самоочищаться.

Ярким примером душевной чистоты являются образы детей, о которых рассказывает Александр Станиславович Малиновский в своей книге «Под старыми клёнами». Они настолько близко воспринимают окружающую природу, настолько тонко чувствуют малейшие её изменения. Создаётся впечатление, что взрослые им нужны лишь для того, чтобы облечь их чувства в слова, подвести под логическую основу цивилизованного мира. А ведь от того, как мы воспринимаем этот мир, складывается наша привязанность к родным местам, любовь к родине, к людям.

Люди, сохранившие в себе способность видеть прекрасное во всём, способны творить, невзирая на жизненные трудности. Такому человеку, иконописцу Григорию Журавлёву, Александр Станиславович посвятил свою книгу «Радостная встреча». Творчество будто заряжает других людей энергией созидания, обращает их внимание на красоту вокруг нас, пробуждает и лечит душу, скрытую под панцирем повседневных забот. Через творчество люди могут взаимодействовать не только друг с другом, но и окружающей природой. Видеть, ценить, любить родные края, напитываться энергией прошлых поколений, истории, культуры. А напитавшись, сохранять, воплощать, творить прекрасное, передавать своим детям как великое наследие человеческой души.

Подводя итог, хочу привести высказывание А.С. Малиновского, призывающего всем своим творчеством обратиться к себе, соблюдать экологию души: «Я пытаюсь теперь многое заново осмыслить для себя. Но, признаюсь, часто не нахожу ответа. И говорю об этом с горечью. Но я, кажется, вижу спасительную соломинку, за которую схватившись, человек может обрести душевное равновесие. Это созидание, физическое и духовное. Это, кажется, понимают многие... Время сейчас пришло такое, что хватит уже разбрасывать камни. Пора собирать их».

Карина Мигранова

пос. Краснооктябрьский, Самарская область

Нечаянная радость

Стихи

А зачем человеку жить?
Для чего человеку любить?
Если утро не в радость и
Ночь так темна!
И зачем вообще человеку весна?
Беспросветно. Безрадостно.
Даже уныло.
Свечка мечется, каплей дрожа,
Человек и икона в доме остылom.
Кисти брошенные лежат.
Он — художник, творец.
Он — от Бога!

Дом под Волгой — берёзовый край,
За окном бесконечна дорога.
И одна из них только — в Рай!
Губ дрожанье, великий трепет.
Кисть зажата в зубах — светло...
Он икону мысленно «лепит»,
Переносит на полотно.
Светлый образ идёт ему
В руки. В руки? А если их нет?
И святей нет художнику муки:
Перед Богом держать ответ.
На потребу не пишет:
Не пишется.
Но нечаянна радость в груди,
Нету рук, нету ног,
Только слышится:
— Господи, грешному мне помоги.
Неизвестный. Известный.
Какая же разница?
Он — Григорий. И в этом секрет!
День прошёл, а душа ещё казнится:
Перед Богом держать ответ.
Журавлей провожает
Глазами,
Он ведь тоже Журавлёв,
И плывёт этот
Стон над полями:
— А ведь завтра уже
Покров!
Я в музее в Утёвке
Не была,
В храме росписи
Не видала,
Но художника
Журавлёва
В своей жизни я
Повстречала благодаря
Александрю Малиновскому!

Елена Науменко

г. Абинск, Краснодарский край

Мать-Кубань

Стихи

Росой умылись сонные поляны.
Проснулось небо утренней грозой.
В ромашках белых прячутся туманы.
Кубань приветствует заутренней звездой!

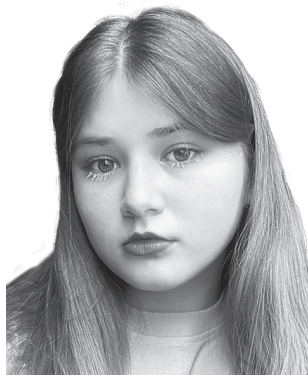
И птаха серая, как будто бы спросонья,
Кричит в надрыв, приветствуя зарю.
И гром раскатом где-то в поднебесье
Взъерошил ветром сопок высоту.

Всероссийский литературный конкурс

И песня горца, долгая, как небо,
Через леса Кавказского хребта
Несёт с собой лучи рассвета
В переплетеньях эха и дождя.

Ах, Мать-Кубань!
Долги твои просторы
Казачьей вольницы земли!
Тебя сегодня благословили боги,
Приняв в дар песню дивной красоты!

Вера Неволина

пгт. Афипский, Краснодарский край

Душа писателя болела

Эссе

Говоря об экологии, мы первым делом представляем многообразие и обширность природы, окружающей нас. Достаточно представить прогулку по лесу. Вокруг стоит прекрасная атмосфера: шелест деревьев, пение птиц, отдалённое журчание речки, освежающий ветерок. А что бы было, если бы на этом месте в реку выбрасывали токсичные отходы, а в лесу лежали горы гниющего мусора и пластика? Уже не так уютно и приятно на душе.

Подобное происходит и во внутреннем мире человека, где в роли загрязнений выступают грязные мысли и скверные поступки. Другими словами, внутреннее духовное состояние отдельного человека — это и есть экология его души. И именно с неё начинается экология всего окружающего мира. И чтобы добиться гармонии вокруг себя, нужно начать с гармонии в душе. Стоит уважать не только свои чувства, но и чувства окружающих людей, совершать добрые дела, нести свет и радость. Лишь человек с доброй душой способен изменить мир вокруг себя.

Подобную идеологию выдвигал Александр Станиславович Малиновский — самарский писатель, поэт и учёный. Своими произведениями он вносил в этот жестокий мир капельку добра, учил читателей всех возрастов быть неравнодушными по отношению к окружающему миру — и человеческому, и природному.

Особенно хочется выделить его документальную повесть «Радостная встреча», изданную в 1994 году, в которой рассказывается об удивительном художнике-иконописце, Григории Журавлёве, рождённом без рук и ног. Несмотря на, казалось бы, отчаянное и беспросветное существование этого человека, в будущем упорством, усилием, уникальным талантом и помощью родных он смог добиться поразительных высот и в жизни, и в профессии.

Главной целью Александра Станиславовича было восстановление памяти об этом художнике и его нерукотворных иконах. Писатель начал собирать материал с 60-х годов прошлого столетия. Со временем смог найти несколько икон, фотографию самого художника-самородка, а также встретиться и записать воспоминания тех, кто знал и общался с иконописцем.

Душа писателя болела за родную область и Отечество, за людей, живущих в ней, и в конце книги он размышляет: «Огромная часть нашего народа неверующая, так вот получилось с нашим обществом. Но я, как и большинство, верю в свой народ, в будущность его. Здесь многое ещё надо понять,

но начинается это понимание с бережного, пристального отношения друг к другу. К нашему прошлому и настоящему». Такой непростой путь писатель преодолел не зря. Благодаря его книге много людей узнало про великий дар художника-иконописца. И преодолел А.С. Малиновский не ради всеобщего одобрения, не ради наград и премий, его главной мотивацией было восстановление памяти о великом земляке, Григории Журавлёве. Таким образом, Александр Станиславович не только менял внутренний мир, обогащаясь душевно и духовно, он менял окружающий его сложный и порой суровый мир, оставляя в нём крупинку своих добрых дел и благих начинаний.

Максим Радевич

пос. Краснооктябрьский, Самарская область

Я любить не устану

Стихи

Я любить не устану
Речку, тихий рассвет,
А ещё люблю маму.
Солнца, утра привет.
Не могу наглядеться
На росистую гладь.
Если в каплю всмотреться —
Глаз нельзя оторвать!
Словно зеркало,
Капелька эта.

Так светла, так
Прозрачно нежна!
Грустно расставаться с летом
Лебединым взмахом крыла.
Я любить не устану
Сладость ягод лесных.
Незаметно встану рано,
Чтобы не будить других.
И шагну с порога
В утреннюю свежесть,
Обожгусь крапивой у крыльца,
Счастья не бывает много,
И за радость эту благодарен я.
Солнцу, ветру —
Благодарен
За любовь, за веру,
За добро!
Счастья не бывает много.
Мне родиться очень повезло!
Не гадаю: стану ли поэтом...
Просто нравится мне строчки
Рифмовать.
И ещё гуляет моя Муза где-то...
Но стихи люблю я сочинять.
Не устану любить,
Не устану!
Может быть, поэтом и писателем,
Как Александр Малиновский,
Ещё я стану!

Елена Федорченко

г. Нефтегорск, Самарская область

Расти под открытым небом

Эссе

После получения диплома о начальном профессиональном образовании по специальности «Бухгалтер сельского хозяйства» в моей голове была лишь одна, казалось, главная на тот момент мысль: «Я всё могу! Образование есть, работа будет, осталось выйти замуж и родить детей».

Мечты сбываются. 8 января 2000 года начался следующий этап моей жизни, полной открытий и трудностей, решений и ошибок, подъёмов и падений, но это был путь

очень добрый и по-настоящему путь — открытый. В этот день мне, восемнадцатилетней девчонке, были вручены три документа. Это — свидетельство о браке, маленький, с ладошку, буклетик «Как назвать тебя, малыш» и книга Александра Станиславовича Малиновского «Под открытым небом», где на самой первой странице аккуратным почерком было написано: «В день бракосочетания семье Федорченко 08.01.00 г.»

Шло время, вот уже и дочурка подрастала. И чем больше я погружалась в городскую жизнь, тем больше я понимала, что «ничего я не могу!». Родившаяся и выросшая в деревне, я жутко стеснялась своего происхождения, внешности, своего образования. «Кому нужен в городе бухгалтер сельского хозяйства без опыта работы», — считала я.

А вот и первая трудность: приведя дочку в детский сад, очень беспокоилась, что она часто болеет. Очень мне хотелось как молодой маме быть рядом со своей малышкой! Оберегать её от трудностей. И решила пойти работать в детский сад помощником воспитателя. Это был первый шаг к моему росту «под открытым небом».

Как сейчас помню 4 января 2004 года: мой первый рабочий день в детском саду «Дельфин», одном из самых лучших детских садов города. Погружаясь в работу и воспитание моей дочурки, всё чаще стала обращаться к книге с такой драгоценной надписью: «В день бракосочетания семье Федорченко». То рисунок надо с дочкой нарисовать о малой Родине, а в книге очень хорошо описаны наши окрестности. То проект про город Нефтегорск нужно оформить, и про это в книге тоже рассказывается, с самых истоков, даже ещё когда города не было, а история уже была.

А время-то идёт, да и я меняюсь. Обратила на меня внимание заведующая детским садом, Шими́на Ольга Леонидовна, строгая, но очень справедливая, предложив учёбу в Самарском педагогическом колледже. «Неужели и с этой трудностью справлюсь?» — думала я. И полетели годы учёбы: сначала на воспитателя в Самарском педагогическом

колледже, потом на педагога дошкольной педагогики и психологии в Самарском филиале Московского городского педагогического университета, затем переподготовка на узконаправленные специальности. Незаметно, как 10 лет и пролетело. До сих пор не верится, когда я всё успевала: учёба, работа, общественная деятельность, семья. Спасибо моему мужу Анатолию и дочке Диане! Это они помогали мне преодолевать «временные трудности».

Но так устроена, наверное, моя жизнь, что любит подкидывать мне одну проблему за другой! Или я сама притягиваю к себе трудности? Только стала разбираться в тонкостях работы воспитателя, стаж педагогической работы ещё небольшой, всего три года, работа очень нравится, а мне предложили должность директора Районного детского музея, открытие которого в 1999 году тоже связано было с именем Малиновского. Много сомнений было: во-первых, у меня не было опыта научной работы, во-вторых, ведь руководить — это не просто раздавать указания. Это — быть примером для своих сотрудников, быть лидером, уметь в каждом разглядеть потенциал, суметь так организовывать их труд, чтобы они с желанием шли на работу, развивались, как это делал мой наставник Ольга Леонидовна. Взвесив все за и против, я согласилась. Полтора года творческой работы в музее как нельзя кстати сблизили меня с творчеством Александра Станиславовича, автора той самой книги с драгоценной надписью «...семье Федорченко...»

«Опять нас судьба сводит!» — я уже задумалась.

Я очень благодарна людям, с которыми трудилась, их было много. Это и коллеги, и социальные партнёры, и просто неравнодушные, которые меня понимали и поддерживали или не понимали и давали повод для размышления над своими решениями и поступками, и тем самым делали меня мудрее. С трепетом вспоминаю моего научного сотрудника Журавлёву Екатерину Семёновну. Она была для меня как бабушка Шурки из книги Малиновского А.С., помогая осваивать музейную работу. Мы провели много часов за

совместной работой, чтобы жизнь музея кипела, а работа строилась профессионально. Вообще, мне много добрых шагов подарил музей и люди, которые меня окружали. Это был мой первый опыт работы руководителя. Может, не такой длительный, не такой яркий, но такой важный для меня. Потому что впереди меня ждал следующий этап моей трудовой жизни.

С большим чувством вины перед людьми, которые возлагали на меня надежды как на директора музея, я всё-таки вернулась к тому, что мне ближе всего, — в свой любимый детский сад «Дельфин», но уже методистом, поняв, что это и есть мое предназначение, это то место под открытым небом, где я могу стать профессионалом.

Время идёт, трудности преодолеваются, и я уже не стесняюсь своего происхождения, деревенской жизни, внешности. Просто живу по совести и чести, как любимые герои Малиновского, и продолжаю расти, а судьба готовит мне новые сюрпризы.

В 2014 году, когда книга «Под открытым небом» прочитана и не раз перечитана, изучены уже и другие литературные и научные работы, состоялась долгожданная встреча в читальном зале Нефтегорской библиотеки. Да, вы правы, это встреча с Александром Малиновским, настоящая встреча! На память о ней у меня остались воспоминания, доброе фото и две книги «Окошко с геранью» и «Подарю вам хлебных крошек». «Вот ещё повод для работы над собой», — отметила я тогда.

И действительно, организовывая литературные праздники в детском саду, мы не раз обращались к книге «Подарю вам хлебных крошек», инсценировали стихи Александра Станиславовича, снимали по ним мультфильмы. А книга «Окошко с геранью» снова и снова возвращает меня в моё деревенское детство, к чистоте помыслов, наивности и доброте.

Я выросла под открытым небом. Хотя я по-прежнему метр пятьдесят четыре ростом, а в паспорте уже давно

не восемнадцать и игриво поблескивает седина, но в душе всё тот же детский задор, желание жить, творить, радоваться, любить! Эта судьбоносная встреча с автором, сначала на страницах книги, а потом в читальном зале библиотеки ставшего мне родным городка и открытая людям история Григория Журавлёва помогли мне посмотреть на мир другими глазами, осознать свою значимость, научила преодолевать трудности.

2023 год. Я уже бабушка, работа старшим воспитателем кипит активными идеями и делами в ногу со временем, а мне по-прежнему хочется учиться, открывать для себя новое, неизвестное. И я теперь точно знаю, что «трудности — это не наказание за прошлое, а испытание ради будущего!». И пока мы живы — со многими трудностями можем справиться, нужно только не забывать, что живём мы все под небом, открытым для самой смелой мечты, и только от нас зависит, станет она реальностью или нет. Этому учит нас Александр Станиславович Малиновский всем своим творчеством.

Растите под открытым небом!

Немного перефразирую строки автора из рассказа «Кривая ветла»: «...Теперь я точно знаю: пройдёт много лет, не будет моей бабки, давшей впервые поляне это имя, не будет меня, самой ветлы, наконец, а название так и будет жить. И будут другие босоногие мальчишки «и девчонки» гадать, откуда взялось такое странное название: «Расти под открытым небом!»»

Наталья Хохлова

г. Самара

**И с высокого дерева
листья падают
к его корням**

Эссе

*Всё выше стремится под солнышко
Цветок золотистый подсолнушка,
А корни в прохладной земле
Всё глубже блуждают во мгле.*

А.С. Малиновский

«Отыскать начало родной речушки, увидеть родничок где-нибудь в осоке или под валуном, который даёт жизнь целой многошумной речке...» — цель героя одного из увлекательнейшего и завораживающего своим простым и чарующим слогом рассказа Александра Малиновского. И автор от первого лица соглашается, понимает и поддерживает своего героя — путешественника, отправившегося на поиски чего-то главного, преодолевающего многие километры в противоположную сторону. Совсем маленький мальчишка в белой рубашонке.

Какой глубокий и важный для всех нас шифр заложен в строках рассказчика:

«...Истоки... Они и сейчас манят неодолимо, неся в себе намного больше смысла, чем в детстве. Это и ветла у дороги, разбуженная серебряным звоном отбиваемой в утренней рани косы, и наша саманная белёная изба, в которой, взрослея, я впервые не смог заснуть майской короткой ночью от щемящего и неожиданно осознанного чувства жгучей связи и с раскатами весеннего грома, и с первыми крупными каплями дождя, упавшими в распахнутое окно, и с пьянящим настоем сирени в посвежевшем и мокром саду. И многое-многое другое...»

Меня это очень взволновало и зацепило — «многое другое»... А что это — всё другое? Для каждой души своё. То, что левее сердца. То, что порой с надеждой сохранить и спрятать совершенно справедливо закрыто от чужих.

Это скрытый душевный мир. Его порой не видно. Но если ничего не видно, это не значит, что ничего нет. Не топчиге. Душа человека может быть угнетена. Людям не хватает душевности. Сумасшедший ритм жизни, стресс, напряжённость, темп, скорость... Где взять силы? Что насыщает нас энергией? Родной дом, разговор с мамой, тёплая шаль бабушки... каждая чёточка улыбки любящих глаз? Что очищает душу и заставляет встать и идти? Истоки!

Истоки — это родной дом, и я сильнее всех, когда меня там ждут. Я точно знаю, что ждут. Всегда. Там я делюсь, ког-

да болит, знают все мои провалы и победы и любят лишь за то, что я есть на свете. Здесь маленький росток набирает свою силу, а чистый, как слезинка малыша, исток несёт свои слабые ещё капельки в бурные, шумные, могучие потоки океана жизни.

Сложный, порой недружелюбный мир. Огромными волнами порой обрушивается на нас мир проблемами и невзгодами, вынося со дня на поверхность весь сор и грязь — всё, что тонуло и предательски пряталось на глубине... Жестокие волны бьют, хлещут в спину, сбивая с ног. Исток — родные стены — тихие воды, которые качают, ласкают, баюкают, вновь очищают и наполняют душу силой и чистотой. Всё, что накопилось, вспенилось, вздыбилось, принимают родные берега, где без вреда всё можно высказать... Исток, где до дна не достать: такая в нём глубина. И чистые воды его питают душу в любые времена.

Есть в исторической части нашей прекрасной Самары библиотека народов Поволжья. В музейном пространстве «Истоки» экспонаты не огорожены красной ленточкой — без видимых препятствий, останавливающих входящих, всё можно потрогать, понюхать, даже пожевать при желании. Остановить тут могут только внутренние человеческие нормы и воспитанные с детства качества... Душевные. Душа, которая несёт в шумный людской поток — океан человеческих лиц и судеб каждый свой ручеек, свои воды в общий поток. Какие они? Родниковые, хрустально-лучистые, кристальные, мутные, тёмные?

Входят люди, суета, поток гостей. Люди, лица...

Приходят.

Кто-то осторожно входит, крадётся мягкими шажками, с опаской, деликатно, боясь нарушить вековой покой старинных предметов. С интересом разглядывая и задавая вопросы: откуда то или это, как появилось здесь, и какая история с этим связана...

Кто-то в верхней одежде и в грязной обуви с уже надоевшей «вездехожей» чашкой кофе в придачу! Мимоходом,

но с претензией на статус образованного и воспитанного человека... Кто они? Что привело их к «Истокам», и что они ищут? Просто пришли скоротать время или пытаются что-то понять. Какими они выйдут и что поймут?

«Истоки»... Здесь каждый предмет (я не назову их вещами!) говорит с вами душа в душу, но не каждый вошедший услышит их голоса. Вот зыбка — история, исток, начало одного рода. Вот лоскутное одеяло — совсем другая история. Но тоже память, воспоминания многих поколений. И вошедшие сюда с разными целями и порой бесцельно узнают своё, родное. Что близко душе, что согревает тёплыми воспоминаниями, что заставляет улыбаться, осветляет лица.

И гости наперебой узнают в предметах и историях, с ними связанных, своё, родное.

— Так вышивала моя бабушка, и мы с братом, уютно прижавшись к ней, сидели рядом и не могли наговориться, — слышится один голос.

— И это я помню...

— И в моей семье... — вторят другие голоса, сплетаясь из ручейков в огромный шумный поток. И всплывают приятные воспоминаия, как, забравшись на печку, слушали бабушкины мудрые сказки про любовь и отвагу, как бегали по скошенной траве, какой невероятно вкусный хлеб там далеко, высокое голубое небо и счастьем нет предела...

Это всё наше родное, где-то в глубине. У каждого своё. Начало, исток каждой семьи, рода.

Беречь, помнить, хранить не только в памяти и в любье, даже самые равнодушные времена.

Людмила Чернецова

г. Нефтегорск, Самарская область

Душа с душою ГОВОРИТ

Эссе

«Радостная встреча»

Книга... Загадка. Волшебная шкатулка. Галактика. Млечный путь. Одно мгновение — всё забыто, есть только мир, подаренный тебе автором. И ты купаешься в реальности, сотворённой его фантазией, радостно ощущая себя героем.

Есть книги, с которыми ты отдыхаешь... А есть те, к которым ты обращаешься за помощью в тяжёлый час. В них

встречаешь Человека, способного одолеть свои невзгоды и сделать невозможное. Не согласно, а вопреки. Такие книги приходят к людям нечасто, потому что рождаются непросто. Будучи плодом долгого внимательного изучения события ли, истории, а скорее, героя, что поразил до глубины души и стал частью тебя самого. Просто нельзя не написать.

Автор такой необходимой тебе книги становится твоим другом, советчиком, помощником, потому что сердце его на одной волне с твоим.

Такое пристальное внимание к человеку, попытка рассмотреть, что делает его Человеком, и выделяет А.С. Малиновского среди многих творцов литературной мастерской. Осознав свой талант, он прежде всего понимает меру ответственности за то, о чём пишет, и подходит избирательно к материалу. Нет, не только талант! Талантливых много! Что ни книга, что ни имя — всё разговор о таланте автора. В этом случае — прежде всего пристальный взгляд с надеждой и любовью, исследование и затем — воплощение.

...Тепло и человечно, доверительно обращаясь к читателю, как к другу, в течение всей жизни он пишет о калеке, ставшем Художником, идя шаг за шагом по неясным дорогам, заросшим мифами, сказками, легендами. От рассказа к рассказу, в которых уже появились чьи-то придумки, по дёнёчку восстанавливает жизнь человека, который, несмотря на физическую немощь, так прочно вписал себя в историю и культуру родной земли, что равнодушное сердце не может не почувствовать это... Книга «Радостная встреча» будет издана 7 раз отдельными тиражами, не считая публикаций в журналах и сборниках, разойдётся по всему миру, неизменно вызывая интерес у читателя.

Уникальная жизнь документальной повести «Радостная встреча» далеко не случайна. Давайте обратимся только к некоторым фактам биографии её автора А.С. Малиновского.

Утёвское босоное детство

...Ещё мальчишкой Александр Малиновский слышит рассказ деда. Возможно, пытается представить, что можно сделать, если руки и ноги тебе не подчиняются? Возможно, сам пробует что-то сделать без помощи рук и убеждается: трудно! А что-то и невозможно! Вероятно, уже в эти годы приходит осознание, что тело — необходимый инструмент для осуществления и малых повседневностей, и грандиозных планов, мечтаний. И ещё один важный момент. Александр — старший ребёнок в простой многодетной сельской семье, работает наравне со взрослыми, верный помощник и отца, и деда-конюха. Трудолюбивый, крепкий физически, любознательный, читающий, мастерящий всякие поделки, умеющий и коня оседлать, и лошадь запрячь, и утварь починить. Словом, обычный сельский паренёк.

Отец — инвалид, и каждое утро дети помогают ему одеться, а потом работают вместе и видят, как непросто с больной, не сгибающейся в колене ногой косить, обрабатывать землю...

Кроме повседневного сельского труда, есть ещё учёба в школе, любимые книги. Увиденная однажды фотография «Утёвской Мадонны» произвела столь неизгладимое впечатление, что Александр позже напишет поэму о любви художника, воплотившего в лике Богородицы ту, что всю жизнь любил на земле.

Пускай потом легенды лгут, что всё легко, всё без труда давалось...

Сила чувствования, осознания, понимания чуда журавлёвского освоения мира такова, что молодой человек, ещё не искушённый в журналистике и литературными трудами не прославившийся, пишет статью о художнике в главную газету Самарской области. Разве можно молчать? (Не забыл. Не отодвинул на потом!) Написал спокойно и сдержанно, а душа кричала:

— Прочитайте! Как можно об этом не знать? Это же здесь, рядом! Жил в селе Утёвка художник, который писал дивные иконы, зажав кисть зубами. Люди, неужели вы не понимаете, сколько надо было иметь силы духа прежде всего, чтобы позволить себе, разрешить идти в эту сторону! Научиться сначала, не смотреть на сомневающихся, ругающих, желающих остановить!

...Статью не напечатали, присланное оригинальное фото, на котором Григорий запечатлён рядом с братом Афанасием, потеряли.

Это было непонятно, тяжело... Казалось, никому не нужны его усилия... Выдохнул — и не убрал материалы в стол. Думы о необычном художнике вылились в поэму — возвышенно-лирическую, рвущую душу. А в голове уже зреют другие планы. Работа, работа, работа. Поиски — и новые тупики. (Судьба словно испытывает его!) Одна за другой выходят первые маленькие книжечки стихов, прозы, очерк о Журавлёве красноречиво назван «На пепелище». А ещё он учится в институте, одновременно работает на заводе, поднимается по ступеням от рабочего до руководителя. Его жизнь заполнена настолько, что, кажется, нет в ней места продолжению уже рассказанной истории. Но... не дают покоя белые пятна на карте жизни художника — калеки, поднявшегося над своей немощью! И он тратит бесценные редкие денёчки отдыха, чтобы найти ещё одну икону, открыть ещё одну старую книгу, доехать до музея, монастыря, обители, разговоривает в Утёвке со старожилами, просит посмотреть, поискать в чулане, на подложке, в старом сундуке....Он едет в такую даль иногда без всякой надежды на успех... Теряет силы, здоровье... И думает о Мастере, висящем под куполом храма, наносящем краски на сырую штукатурку и сантиметр за сантиметром рождающем красоту. И так день за днём... Второе, третье, четвёртое, пятое издания книги «Радостная встреча». Тираж расходуется моментально. Книга становится бестселлером. В какой-то момент писатель чувствует, что исследование этой жизненной истории целительно для него, заряжает

энергией, а значит, столь же благобно будет и для других людей, нуждающихся в укреплении души. В своей правоте убедится не единожды. И напишет такие строки:

*Душу безверьем свою выжигая,
Мы в одиночку скорбя выживаем.
Круговоротом забот своих мучимы,
Мы обезножили, мы обезручили...*

Читаем и понимаем, как прав автор: из-за маловерия не живём, а «выживаем», нет сил на добрые дела — «обезножили», «обезручили» в бесполезной суете.

*Он же, с рожденья без рук и без ног,
Крылья расправив, недуг превозмог.*

Вот он, его Журавлёв — с крыльями за спиной!

Художник, творец, труженик, устремлённый к свету, к Творцу.

Читаем дальше:

*Лики святых рисовал он во храме,
Кисть он держал не руками — зубами.
Сколько приходит теперь помолиться,
У алтаря тем святым поклониться!
И я поспешу. В осиянье икон:
В Троицком храме мой низкий поклон.*

Всего несколько стихотворных строк, но из них понятно, в чём заключается моральная сила утёвского живописца: «недуг превозмог», «лики святых рисовал он во храме», и они несут исцеление, живительную энергию, поклониться им идут многие люди...

В музее Г.Н. Журавлёва

В музее Г.Н. Журавлёва читаем на стенде выдержку одного из писем Александра Станиславовича:

«Как замечательно, что и у нашего поколения, и у более молодого есть в лице Журавлёва пример для подражания. Меня, как, наверное, и многих, когда я начинал изучать жизнь Г. Журавлёва, поразило мужество человека без рук и ног, но сделавшего так много физически! Это и роспись

храма, и создание икон, и усердие при учёбе живописи. Перед нами физический подвиг человека. Этому надо учиться. Надо стараться быть похожим на него. Надо принять и то, что он судьбу свою принял какая она есть, какая была дана ему Богом. Он посвятил жизнь и талант Богу и людям. Он мог бы начать рисовать лубочные поделки, малевать ярких лебедей на шифере. И продавать! На рынке! Но он пошёл по иному пути! Художник писал иконы. Это уже нравственный подвиг. Этому тоже надо учиться!

Г. Журавлёв — символ мужества — и физического, и духовного. И он достоин памятника в Самаре. Как символ мужества в православной вере. И место для этого есть хорошее. Оно на набережной Волги — Пионерском спуске. Где стоит часовня на месте скита, в котором когда-то останавливался митрополит Московский, направляясь в Золотую Орду.

Как соединяются судьбы россиян во времени!»

Никто из посетителей музея не проходит мимо этого высказывания писателя. Потому что это не простые рассуждения. Это итог многолетнего пути рядом с художником-иконописцем, простым крестьянином, сумевшим прожить свою жизнь достойно, в трудах и служении.

«Этому надо учить», — настаивает Малиновский. Потому что хорошее, нравственное — это работа души, её взросление, рост. Совершая добрые поступки, мужаешь. А это непросто.

Мужание не проходит легко и комфортно. Преодоление — труд зачастую моральный, а иногда и физический.

Самое трудное — преодолеть себя. А иногда жизнь преподносит такие сюрпризы, что без опоры на сильную личность, на образец, добрый пример — никак не выплыть.

За 20 лет работы с выставками, посвящёнными художнику Журавлёву, у нас в музее произошло много волнующих, незабываемых встреч...

Вот одна из них... Молодой московский лётчик в промежутке между рейсами «Москва — Самара» вечером при-

езжает в Утёвку и надолго остаётся в музее, осуществляя давнюю мечту: побывать на родине художника Журавлёва, так щедро одарившего сограждан теплом своей души, что и губернатора Свербеева, и даже царя они растрогали настолько, что привели к отношениям творческим, обогатившим и художника, и его старателей. Как не всмотреться в эту жизнь, которая изумляет таким упорством в достижении цели? Об уникальном иконописце он услышал ещё в годы учёбы. Внимательно и неспешно пилот изучает экспонаты, надолго остаётся возле подлинных работ Мастера, читает названия книг... Я рассказываю, как непросто шли поиски.

Изумление в глазах:

— Малиновский писал про Журавлёва в течение всей жизни?! Он не мог остановиться, не позволил себе закрыть эту тему, потому что считал своим долгом восстановить забытые страницы этой легендарной жизни! Ваш Малиновский — подвижник...

...И мы говорили уже о том, как причудливо соединились два пути: Журавлёва и Малиновского. А потом поехали в храм. Усталый за день батюшка, нисколько не сомневаясь в важности такого позднего визита, открыл церковную дверь, и молодой человек, который так часто взлетает на невысказанную высоту, смиренно встал на колени пред образами крестьянина-богомаза...

...Уехал не сразу. Ездил по Утёвке. Было над чем подумать. А потом звонил, писал, благодаря за встречу, за то, что получил больше, чем надеялся.

...Встречаю очередных посетителей. Вот пожилая женщина ведёт под руку бледного молодого мужчину с маленькой затёртой брошюрой в руке — первым изданием «Радостной встречи». Отходим с ней в сторону, и она, вытирая слёзы, рассказывает, что привезла соседа, проходящего курс химиотерапии, что от него ушла жена, бросив его в самый страшный час... Говорит, что очень надеется на эту поездку,

что уже хорошо, что парень согласился поехать, а не сидит молча, глядя в стену потухшими глазами...

— Вот, прочитали, — показывает книжечку, — хотим побыть здесь и раздышаться...

Обойдя экспозиции, располагаются возле книжной полки. Не тороплю. Потом ещё долго разговариваем. Успокоившись, выбирают новое издание «Радостной встречи», благодарят, уезжают совсем с другими лицами:

— Как у вас душевно... — выдыхает женщина.

...Муж на протезах везёт жену в инвалидном кресле. Сергей и Ольга — инватуристы. Потрясающе улыбаются. Красивые мужественные лица.

— Мы проездом. Вашу историю знаем давно. Случайно прочитали... Автор книги — Малиновский, кажется... Да, Малиновский! Расскажите, как он написал такую живую книгу? Нефтяник, химик? И про иконописца! Вселяет надежду! Не могли не увидеть эти места, давшие миру таких людей... Хотим узнать больше и про Журавлёва, и про Малиновского... Расскажем друзьям: они у нас по всей России!

Душевная связь... Я вспоминаю, как несколько лет назад в музей приехали белгородцы Рафис и Элеонора — инвалиды детства, семья из Белгородской области, творческие личности, ставшие впоследствии нашими горячими помощниками и друзьями. Мечтали приехать в Утёвку с тех пор, как увидели в Москве небольшой стенд в музее благотворительного фонда «Филантроп», когда приезжали в столицу, чтобы получить награду за победу в международном конкурсе. Знакомство с материалами музея Журавлёва стало источником вдохновения для творчества и резчика по дереву, и художницы. Из Утёвки они увезли на родину фильмы, книги, фотографии, а музею подарили свои работы. Резная чаша из дерева, которую любовно преподнёс Рафис, и пейзажи Элеоноры напоминают посетителям музея о талантливых несгибаемых людях. Им, как никому другому, пришлось на себе почувствовать, каково инвалиду вписаться в соци-

ум, доказать свою состоятельность, отстаивать право на счастье, на выбор профессии, судьбы. Не случайно Рафис написал книгу, которая так оптимистично называется: «Чтоб не пропасть поодиночке». Они приезжали в Утёвку трижды, всякий раз обогащая утёвцев своим присутствием, проводя поэтические встречи, мастер-классы. Они радовались возможности самим вырасти, встречаясь с активными творческими сельчанами. На дне села Утёвка я познакомила их с Александром Станиславовичем. Они сразу же нашли тему для разговора: радость творчества и ответственность творца перед обществом. Недолгие минуты общения запомнились нашим гостям на всю жизнь...

Частые гости музея — жители Самарской губернии.

— Как хорошо-то! Это же наш Малиновский! — обмениваются впечатлениями путешественники из Новокуйбышевска, проходя по выставке. Они с удовольствием слушают мой рассказ, рассматривают экспонаты, а в глазах — такой свет, такая радость... Не перебивают. Благодарят за то, что в музейном пространстве неразделимо представлены истории жизни Мастера и его земляка, прикипевшего к нему и сердцем, и мыслями, и делами. Как неслучайно переплелись эти судьбы! Какая помощь всякому страждущему...

— И душа с душою говорит,— слышу почти шёпот. Немного позади меня молодая женщина задумчиво смотрит на портрет Малиновского.

Душа с душою говорит... Славно, что так.

Ирина Шматко

г. Кинель, Самарская область

Жить сообразно с природой...

Эссе

*Всякое общение с природой
как-то освящает человека...*

Н. Рерих

Наша жизнь неразрывно связана с природой. Она помогает человеку понять очень важные вещи о себе самом и тех, кто рядом, о мире, в котором он живёт. Задуматься, насколько хрупким может быть этот живой мир, и как важно бе-

речь его. Перефразируя известную мысль К.Г. Паустовского, можно сказать, что любовь к родному краю начинается с любви к природе. Общаясь с природой, человек становится гармоничной личностью, может развить свои творческие способности, научиться творить красоту. Природа обогащает духовный мир человека, учит его добру и мудрости.

Во все времена поэты, художники и музыканты воспевали красоту природы. С самого детства мы узнаём об удивительном многообразии окружающего мира, о радости общения с животными, читая замечательные истории Пришвина и Чарушина, Астафьева, Казакова и многих других.

Я живу на Самарской земле. Мне интересно всё, что связано с моей малой родиной: её прошлое, культурные традиции, замечательные люди, красивые живописные места. Горжусь тем, что о нашем крае сложены легенды и песни, что его история неотделима от истории России.

Хочу рассказать о книгах А.С. Малиновского, нашего земляка. «Мне посчастливилось появиться на свет в благословенном лесостепном светоносном крае!» — говорил Александр Станиславович, учёный, писатель и краевед из села Утёвка Куйбышевской области. Он стал автором поучительных и занимательных историй для детей.

Жизнь и приключения его героев разворачиваются в степном Заволжье, в наше время. Повести «Под старыми клёнами» и «Однажды в зимние каникулы» знакомят с ребятами, которые немного младше или немного старше моих учеников. Одни уже начали учиться (первоклассник Алёшка), а другим, как пятилетней Насте, Денису и малышу Ромке, ещё только предстоит пойти в школу. Но все они очень любознательны, им интересно узнавать что-то новое. Даже летом, на каникулах, они занимаются «уроками» на скамейке под старыми клёнами. Дедушка Сергей Иванович, бывший лётчик, рассказывает детям о природе, птицах, растениях и животных. Если присоединиться к их беседам, то можно найти ответы на самые неожиданные вопросы: кто дольше всех живёт, где всё-таки зимует лето, и можно ли его

догнать; чем страшна «хищная» экология, из-за которой переловилась в реке крупная рыба? Увлекательны не только эти необычные «уроки», но и «домашние задания» к ним: придумать стихотворение, рассказ или рисунок о чём угодно, «у кого к чему душа прилепилась».

А полный загадок и чудес мир пробуждает фантазию, стоит только взглядеться в привычный пейзаж, знакомую речку Ветлянку:

«...смотрите: река как большая бело-серебристая лошадь, а радуга — дуга с колокольчиками — жаворонками. И всё это мчится далеко-далеко в степь и ещё куда-то дальше...

— А мы мчимся вместе с ними, так ведь! — воскликнул Алёшка. — В большой такой телеге из этой поляны! Нас мчит наша речка! Куда-то далеко-далеко!

— Туда, где вы... будете взрослыми.

В повестях Малиновского мы наблюдаем, как складываются отношения, общение между детьми и прожившими долгую жизнь их дедушками и бабушкой. Мудрые старики незаметно передают ребятам свой опыт, знания, прививают любовь и бережное отношение к семье, к родной земле, ко всему живому. Ведь только так можно почувствовать себя частью этого мира, научиться быть за него ответственным. Не испытывать подаренное ружьё-воздушку, прицеливаясь в свиристелей, как неосторожно это сделал Денис; спасти погибающего голубя. Быть искренним, добрым и сострадающим.

И дети начинают понимать важные жизненные истины, а ещё замечать, что бабочка улетела вслед за летом, а птицы похожи на людей, имеют свой характер и привычки. Это интересно и взрослым, и малышам. Писатель Малиновский наблюдает за маленьким Ромкой и его дедом-профессором, приехавшим погостить в Поволжье: «Идут два человека, открывающие мир. Один — впервые, другой — заново».

Я думаю, что, познавая, оберегая и спасая природу, человек спасает и себя, свою душу. Ведь душа не может жить без красоты. А окружающий мир дарит нам эту красоту,

учит её понимать и любить. Люди не станут разрушать то, что они любят, что им дорого.

*Дерево, трава, цветок и птица
Не всегда умеют защищаться,
Если будут уничтожены они,
На планете мы останемся одни.*

Это строки поэта Валентина Берестова. Он напоминает о том, что мы должны делать, чтобы не быть одинокими и остаться людьми.

Наверное, никто не станет спорить с тем, что природа — наш общий дом, в котором должен быть порядок, мир и гармония. Только так его можно сберечь. Размышления об этом автор вкладывает в уста своих героев. «То, что может случиться, — дело наших рук, — убеждён один из них. — Мы всё больше и больше отрываемся от природы. Но мы же часть её?!» Людская злоба, жадность, равнодушие друг к другу могут привести к катастрофе.

Сегодня много говорят об экологии, понимая, что от неё зависит жизнь, будущее всего живого на Земле. Но нельзя забывать и об «экологии души» человека. Мне кажется, истории, рассказанные А. Малиновским, напоминают прежде всего о ней. Давайте подумаем, что входит в это понятие. Экология души — это её нравственная чистота. Опрятность, бескорыстие наших мыслей, поступков. Они проявляются в отношении к людям и к братьям нашим меньшим. Необходимо воспитывать в себе отзывчивость и милосердие, научиться любви и терпению. И всегда оставаться самим собой. Возможно, близость к природе может содействовать этому.

Известно, что те, кого мы приручаем, отвечают нам взаимной привязанностью и верностью. Даже если это бесловесное животное. Так, в повести «Хромоножка» осиротевшая кошка ждёт возвращения хозяина.

Автор рассказывает: «С фронта приходили поезда с ранеными. Недалеко от железнодорожной станции разместили госпиталь. Мура бегала на станцию к поездам. И ждала.

Сама не знала, во что верила... Каких только раненых она не видела. Безногих, безруких, всяко перевязанных». Разве такое проявление преданности не найдёт отклика в душе читателя? Думаю, здесь невозможно остаться равнодушным.

Потому мне бы очень хотелось вызвать интерес моих учеников к творчеству писателя Александра Станиславовича Малиновского, истинного гуманиста и подвижника, посвятившего свою жизнь Самарскому краю, продолжившему традиции русской классической литературы. Его книги расширяют кругозор, делают нас пытливыми, побуждают к творчеству и открытиям.

Как учитель буду рада, если А.С. Малиновский будет в школьной программе. Об авторе собрано много интересных материалов, статей, воспоминаний, интервью. Знакомство с ними может быть очень познавательным.

*Организаторы Всероссийского литературного
конкурса «Экология души»,
на основе творческого наследия
Александра Станиславовича Малиновского,
сердечно благодарят всех, кто оказал помощь
в издании этого сборника:*

*Дёмину Л.Е.,
Калмыкова Д.С.,
Пешкова Л.И.,
Попову Е.С.,
Романова А.В.,
Чудакову Т.М.,
Чернецову Л.В.,
а также*

*Главу муниципального района Нефтегорский
Самарской области Баландина А.В.
и Фонд социально-культурного развития
«ЛИК» имени Григория Журавлёва*

Содержание

Николай Иванов. В добрый путь. <i>Вступительное слово</i>	3
Александр Громов. Блаженны чистые сердцем. <i>Размышления о литературе</i>	6
Александр Станиславович Малиновский. <i>Красносамарские родники. Отрывок из повести</i>	19

Лауреаты конкурса «Экология души» 2023 года

Возрастная категория старше 35 лет

Вадим Карасёв. Радостная встреча продолжается. <i>О новаторстве документальной повести Александра Малиновского</i>	40
Ирина Владимирова. Печать души. <i>Эссе</i>	61
Татьяна Шахлевич. Вся жизнь под открытым небом. <i>Эссе</i>	68
Ирина Боштан. Что такое талант, или Кем был Александр Станиславович Малиновский. <i>Эссе</i>	74
Наталья Кулёмина. Малиновский — человек, влюблённый в свою Родину. <i>Эссе</i>	82

Лауреаты конкурса «Экология души» 2023 года

Возрастная категория от 15 до 35 лет

Антон Коротков. Время для души. <i>Рассказ</i>	90
Спартак Губаев. Перечитывая Малиновского <i>Эссе</i>	93
Анна Крамаренко. Услышать Бога в себе. <i>Эссе</i>	96
Елизавета Кошелева. «Душа — это наше богатство». <i>Эссе</i> ..	98
Ксения Морозова. Волжский текст А.С. Малиновского. <i>Литературное исследование</i>	101

Специальный приз конкурса
«Экология души» 2023 года «Открытие конкурса»
Ильдар Якупов. Сын. Рассказ 110

Участники конкурса «Экология души» 2023 года	
Антонида Бердникова. По рассказам А. Малиновского из книги «Разговор с сыном». <i>Эссе</i>	124
Елена Благодатная. Океан слов. <i>Рассказ</i>	131
Ольга Богданова. Тропинки бывают разные. <i>Рассказ-воспоминание</i>	134
Валерия Власенко. Самая родная и близкая незнакомка. <i>Рассказ</i>	140
Анна Галанжина. Красный угол души. <i>Рассказ</i>	145
Татьяна Гринёва. Ах, Лето, или Краткое пособие, как попасть в детство. <i>Эссе</i>	150
Андрей Драгунов. Знаешь ли, друг мой... <i>Рассказ</i>	164
Алёна Заживихина. Русская душа — широчайшего размаха. <i>Эссе</i>	174
Виктория Каневская. «Гениальное всё так просто...» <i>Эссе</i>	177
Владимир Каплинский. Цветик-семицветик. <i>Рассказ</i>	180
Галина Малиновская. Человек, который остался в моём сердце навсегда. <i>Эссе</i>	183
Анастасия Механькина. Экология души. <i>Эссе</i>	187
Карина Мигранова. Нечаянная радость. <i>Стихи</i>	189
Елена Науменко. Мать-Кубань. <i>Стихи</i>	191
Вера Неволина. Душа писателя болела. <i>Эссе</i>	193
Максим Радевич. Я любить не устану. <i>Стихи</i>	196
Елена Федорченко. Расти под открытым небом. <i>Эссе</i>	198
Наталья Хохлова. И с высокого дерева листья падают к его корням. <i>Эссе</i>	203
Людмила Чернецова. Душа с душою говорит. <i>Эссе</i>	207
Ирина Шматко. Жить сообразно с природой... <i>Эссе</i>	216

ЭКОЛОГИЯ ДУШИ

Литературный сборник

*Работы лауреатов и участников
Всероссийского литературного Конкурса
на основе творчества
Александра Станиславовича Малиновского*

Корректурa — *Алексей Сыромятников*

Оформление обложки — *Виктория Лисина*

Издание подготовлено
Самарской областной писательской организацией
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон: (846) 333-48-01

Подписано в печать 15.01.2024. Формат издания 84x108/₃₂.
Объём 11,76 печ.л. Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 240 экз.

Отпечатано в типографии АМИРИТ,
г. Саратов, ул. Чернышевского, 88У, тел.: +7-8452-24-85-33.